

Прочтение Библии

пересказ, пояснения и подробности некоторых деталей

От Исхода до входа в Ханаан

Оглавление

Исход. Рождение народа.....	4
Времена меняются.....	4
Моисей.....	6
Наследник престола.....	7
Попытка стать защитником.....	8
В изгнании.....	11
Призвание. Избавитель.....	14
Несгорающий куст.....	15
Возвращение в Египет.....	21
Отпусти народ мой.....	22
Первые переговоры с фараоном и неприятные последствия.....	22
Противостояние усиливается.....	25
Первое чудо.....	27
Чудо второе – вода, превращённая в кровь.....	28
Третье чудо. Жабы.....	29
Четвёртое чудо – мошकारа.....	30
Пятое чудо. Слепни.....	31
Чудо шестое. Мор животных.....	33
Чудо седьмое. Нарывы и воспаления на коже.....	34
Чудо восьмое. Град.....	34
Чудо девятое. Саранча.....	36
Чудо десятое. Осызаемая тьма.....	38
Инструкции перед выходом. Пасха и Исход.....	40
Долгая дорога к наследию отцов.....	43
Боевое крещение "в облаке и в море".....	43
Манёвры с маршрутом.....	43
Западня и избавление.....	45
Синай.....	48
Испытание быть народом Всевышнего. Горькие воды Мерры.....	48
Введение в Путь.....	51
Манна.....	53
Искушение-и-Спор (Масса-и-Мерива).....	56
Счёт к амаликитянам.....	58
Визит Иофора.....	60
У Синая. Перед встречей.....	62
Закон.....	64
Впечатления Синая. Завет. Визит представителей народа на гору.....	78
Обретение Закона. Сорок дней Моисея на горе и золотой телец в лагере.....	80
В это время в лагере.....	81
Снова на Хориве.....	85
Святилище.....	90
Гибель Надава и Авиуда.....	92
Законы Моисея.....	95
Очищение Святилища – выводы из гибели Надава и Авиуда.....	97
Субботние и юбилейные годы.....	100
Продолжение пути.....	102

Скандалы и наказания.....	102
У Ханаана. Затянувшееся вхождение.....	108
Сорок лет ожидания и странствий.....	112
Восстание Корея, Дафана и Авирона.....	112
Несдержанность Моисея.....	118
На границах обетованной земли.....	120
Смерть Аарона.....	121
Нападения людей и змей.....	121
На восточной границе. Обретение Васана и владений Сигона.....	124
Уроки от Моисея и гибридное столкновение с моавитянами.....	126
Валаам.....	126
Кое-кто уже нашёл свою землю.....	141
Повторение Закона.....	143
Поправки к Закону Моисея.....	143
Обзор изученного и обретённого.....	146
Последние собрания с Моисеем и его наставления.....	148
Прощание и посвящение Иисуса Навина в вождя.....	158
Смерть Моисея.....	159

Исход. Рождение народа

Времена меняются

В благоприятных условиях под правлением Иосифа, который долго занимал значимое положение в Египте, семья Иакова начала умножаться с большой скоростью. Если даже некоторые из патриархов рода Сима под влиянием примера большинства заводили семьи к тридцати годам (тогда как большинство делало это в шестьдесят и выше), то дети детей Иакова тем более. Лет в двадцать большинство молодых людей уже имело семьи и будучи достаточно здоровыми, по максимуму радовались жизни. Пример воздержанной жизни отцов, которых Бог вёл через долгие ожидания потомства, как и жизнь Иуды, сосредоточившегося вместо умножения семьи на воспитании детей, был почти напрасен. Хотя если бы ошибки отцов были обдуманы, найдены, осмыслены и исправлены, то вряд ли бы такой темп умножения вызывал бы сомнения и возражения, но даже тогда оставалась бы проблема в способности уделить достаточное внимание каждому из детей в воспитании и верной постановке характера и поведения. Когда не все дети охвачены влиянием души и разума воспитателей, масса детей превращается в стихию, живущую по своим законам. Конечно, отсутствие глубокого воспитания вовсе не означает, что люди сразу будут деградировать или извращаться, обретать криминальные наклонности, особенно если нет причин для конфликтов из-за ресурсов, если не портит квартирный вопрос, но всё же слишком слабый уровень духовности это всегда обязательный и гарантированный источник будущих проблем, если заблаговременно, пока эти проблемы ещё не пришли, не принять контрмеры в виде целенаправленного подтягивания слабых мест. Иначе медленно вползает и укореняется пренебрежение к правилам, долгу, их места занимают простые радости, за ними удовольствия, а там и зависимость от удовольствий... Так гибли империи и гораздо более сильные поначалу общества. Люди концентрируются на себе, забывая, что общность людей устроена на порядок сложнее жизни отдельного индивидуума, поскольку из этих самых уникальных индивидуумов и состоит. Отрицая зависимость благополучия общества от состояния ума и души каждого из его членов, таковые личности провозглашают верховенство личных интересов. Чем ниже качество воспитания в обществе, тем большая часть общества будет уязвима для соблазнов и тем больше обществу придётся выделять ресурсов на самозащиту. А когда испорченность проникнет в правоохранительную сферу, призванную защищать и охранять общество, то общество становится ещё более уязвимым для любых угроз и начинает путь к саморазрушению, которое трудно остановить.

Некоторые пренебрегают индивидуальностью человека, ставя общественные интересы превыше всего, зажимая личность, таковые могут не понимать, что личные интересы это отдельная сфера, где личное как раз и обеспечивает богатство личности и самой жизни людей, обращаясь для общества огромными обретениями и преимуществами. Но и в их построениях также есть правда, есть и другие стороны жизни, где связи и зависимости массы людей выше личных, потому что от них зависит благополучие всего общества, а от него и той самой отдельной личности. Различать где кончается права и начинаются обязанности не требует большой мудрости, но если слишком много людей выбросило из головы мысль о влиянии на других и живёт лишь своими интересами, то этому обществу угрожает много бед и опасностей.

Иосиф жил до ста десяти лет и всё это время племя евреев в Египте не знало никаких проблем. Они усиленно размножались, не имея при этом никаких целей по паразитированию на приютившей их стране, как это может видаться некоторым особо подозрительным сегодня. У них было своё дело, в котором они мало пересекались с египтянами, они не мешали друг другу

довольно долго. От их сотрудничество выигрывали все. Семьдесят лет это племя, пока длилась жизнь Иосифа, жили спокойно и безмятежно. Но вот умер Иосиф и его братья. Судя по тому, что говорит повествование Моисея об этом, новый фараон, который "не знал Иосифа", пришёл к власти после его ухода, при его жизни если фараон и менялся, то он не был настроен к пришельцам враждебно. Когда Иосифа не стало, к власти пришли новые силы с другими политическими взглядами или иного происхождения. Как я уже упоминал, возможно, что фараон, при котором Иосиф возвысился, был как раз гиксосом, это могло быть время господства в Египте этих пришельцев, которые не были коренными для Египта жителями. Либо, если фараон, возвысивший Иосифа, был египтянином, то чем-то прежняя династия сильно отличалась от последующей, пришедшей к власти после Иосифа, так как с момента прихода нового фараона в Египте поменялось многое. Особенно изменилось отношение к пришельцам, становившихся значимой силой в северной части страны. В этой беде определённо присутствовала и неплохая сторона – если бы не рабство и угнетение, то огромный вопрос – захотели бы евреи уходить из Египта, когда пришло бы время? Лишь самые сознательные решились бы на это, но через проблемы у них появился весьма значимый стимул для ухода. И это при том, что даже с рабством многие не желали уходить... Со времени ухода из жизни Иосифа до возвращения израильтян в Ханаан оставалось ещё 125 лет¹, и большую часть этого времени они имели проблемы, всё усиливавшиеся.

Неосновательность воспитания приводила к легкомыслию и беспечности нравов. Новые поколения легко впитывали культуру и обычаи египтян, чьи верования были красочно обставлены, и язычество. Люди помнили о своём Боге, но в повседневной жизни многие не давали Ему места и жили, не охраняя себя от влияний язычества, наоборот, поддаваясь ему. Люди настолько пропитались духом язычества, что Бог потом высказал им такие слова, раскрывающие истинное положение в их умах и душах

*– Дом Израиля – приносили вы мне жертвы ... в странствиях сорока лет в пустыне...?
Вы носили шатёр Молоха и звезду бога вашего Ремфана...²*

Ясно, что такое умонастроение народа возникло не после выхода из Египта, а задолго до него. Именно вследствие такого настроения Бог не мог, да и не должен был охранять и защищать их от врагов, и когда верные люди первого поколения ушли со сцены, то Бог допустил врагов евреев усилиться в стране и начать притеснения. Пожалуй, даже не об отсутствии защиты со стороны Бога нужно говорить, а о том, что Он целенаправленно устраивал им бедствия, для воспитания и направления их на правильный путь. Ведь они были по своему происхождению связаны заветом, договором с Ним о сотрудничестве, положение обязывало, хотели они этого или нет. Язычество, которым многие восхищались, было причиной их бедственного положения и не могло защитить их. К тому же таким образом Бог хотел, чтобы евреи поняли, что бездумное подражание чуждым образцам и создаёт им проблемы, и чтобы они разочаровались в том, что "не хлеб" и что "не насыщает".

Новый царь весьма подозрительно отнёсся к пришельцам, которые были по занятиям своим близки к захватчикам-гиксосам, и эксплуатируя народное недовольство прошлыми временами, настроил всех против евреев. Их было ещё довольно немного на то время, вряд ли больше 25 000 человек, возможно вполовину меньше этого числа, но этот подозрительный человек видел темп размножения этих пришельцев и что они не сливаются с коренным населением страны и его подозрения рисовали ему мрачные картины. Он выглядит довольно нехорошим человеком, поскольку издал ряд законов, ухудшающих положение евреев, всячески ограничивая их, прину-

1 Если считать задуманный изначально план, что потомки Авраама вернутся 400 лет спустя от момента пророчества об этом. Практически же это 155 лет, т. к. евреи вышли из Египта на 30 лет позже. Плюс ещё задержка на сорок лет в пустыне.

2 Ам.5,25-26

ждая к тяжёлым работам. Правда, те тяжёлые строительные работы ещё не были достаточно тяжёлыми, так что мужчины поначалу встряхнулись от лени и только стали сильнее... Темпы умножения при такой трудотерапии стали даже увеличиваться. Фараон в отчаянии (видимо, здесь надо предполагать уже болезненную подозрительность) решился на нечестную игру, на удары ниже пояса, бесчеловечные меры, вызывающие осуждение у нормальных людей – пытался организовать убийство младенцев через акушеров, работавших среди евреек. Однако эти женщины, делом которых было служение жизни и здоровью, не смогли перешагнуть через своё призвание и сумели отговориться от фараоновых претензий тем, что "еврейские женщины здоровее наших и мы не успеваем к ним придти, как они уже успешно рожают".

После этого фараон, преследуемый своей разбушевавшейся подозрительностью, решился на жёсткие меры, приказав накрученным его пропагандой египтянам, и должностным лицам и населению, убивать новорождённых мальчиков, разрешив при этом уже родившимся продолжать жить...

Моисей

У Амрама и Иохаведы к этому времени уже были дочь Мариам лет пяти и трёхлетний Аарон. Иохаведа была дочерью самого Левия, а Амрам был её племянником (при этом он был, видимо, старше её), но в то время близкородственные браки ещё не были запрещены, поскольку это ещё не было опасно для здоровья новых поколений, хотя в скором времени этот запрет уже станет актуальным, здоровье людей стало уже не то, что прежде. Цивилизация – она дала людям многие удобства, но не была продумана в свете действительно здорового устройства и нужд человека. И этот недостаток её до сих пор в силе, люди устраивают себя в удобствах и удовольствиях, но даже не думают о том, как чувствует себя их природа в этих условиях. Неэкологичная она у нас как правило, цивилизация. Чем западнее, чем современнее и чем более развитая, тем менее экологична. На проблемы со здоровьем у неё реакция запоздалая, не упреждающая, и обычно недостаточная и поверхностная.

Когда родился Моисей, был как раз разгар охоты на еврейских мальчишек. В то время горе и мрак охватили край, где жили потомки Иакова. В дом, где раздавался младенческий плач, приходили стражи, уведомленные бдительными соседями и проверяли, девочка то или мальчик родился. Возможно, что посёлки посещались патрулями, проверявшими наличие младенцев, заходившими на звук плача новорождённых. Скрыться было трудно, но некоторые пытались. Особых мер к родителям как будто не применялось, просто забирали непопавших детей и бросали в Нил... Амрам с Иохаведой попытались продержаться, и три месяца им удавалось скрывать рождённого у них сына. Он оказался так красив, что родители, особенно мать, не могли с ним расстаться, хотя особых надежд у них не было. В этом отчаянии и мраке Иохаведа решилась сама, своими руками сделать то, чего не хотела доверить грубым солдатам или чиновникам. Хотя, казалось бы, и так и так сына ждёт гибель, но почему-то она решила сделать своими руками требуемое от неё. Хорошо, говорила она в себе – "говорите бросить в Нил? Я отнесу его к реке, но не брошу его прямо в воду, а сделаю по другому". Она приготовила маленький корабль, обмазав смолой корзину, сделав её непромокаемой. Положила туда соломы, чтобы сыну было мягче лежать, закутала его, покормила и отнесла в предрассветной темноте к реке. Она выполнила условие, зашла в воду и оставила корзину со спящим ребёнком в прибрежном тростнике. Она могла надеяться, что выполнив формально условие властей, она сможет приходиться к нему и кормить его там или даже забрать его потом оттуда, сказав, что приказ был выполнен. Впрочем, вряд ли она надеялась, что получится шутить с политикой фараона, что это как-то поможет ей, но понимала также, что оставлять ребёнка дома уже не получится, рано или поздно к ним придут и тогда будет плохо уже точно. А сейчас все же можно как-то побарахтаться. "Авось" не вче-

ра родился... Впрочем, для неё было что-то большее в этом, чем простой "авось". Она была дочерью Левия, который из жестокого хулигана всё же превратился с помощью заботы о них отца и воздействий Бога, а также всех уроков жизни, в человека, задумавшегося о смысле всего происходящего. Чему-то он успел научить её, наверное, младшую из его детей, а значит и особо значимую для него в последние годы его жизни. Левий видел руку Бога в делах с Иосифом, которого лично он особенно хотел убить когда-то, но из этого вдруг вышло такое, что ему было стыдно и унижительно за всё прежнее, сделанное из ложной гордости и жажды удовольствий. Он видел, как действует Бог и пытался избавить своих детей от ложной уверенности в себе и привить им чувство зависимости от силы, стоящей за человеком, ждущей от него сотрудничества с невидимым. В выпавших на её долю испытаниях Иохаведа ощутила, что может и должна рассчитывать на эту силу, на стоящего рядом с ней Бога. Надо было положиться на Него, и она сделала это. Ею двигала также уверенность, что её сын имеет некое великое предназначение и Бог послал им вождя их избавления, что он – ответ Бога на их просьбы об избавлении из рабства. Его красота, как и приближающийся срок окончания пребывания в Египте (со времени видения Авраама прошло уже 350 лет), способствовали усилению этих её ощущений, так что она была более чем уверена в высочайшем призвании её сына.

Когда она начала готовить укрытие для сына в реке, она ощущала, что хотя в глазах людей её поступок выглядит безумием, но в себе самой она обнаружила такую уверенность, от которой ей стало настолько спокойно и радостно, что она даже удивилась, откуда это в ней. По логике вещей она должна была разрываться от отчаяния, но такое чувство было в ней лишь до момента, когда она начала действовать, положившись на помощь невидимого. Дальше она действовала так, как будто это был сценарий с хорошим концом. Оставив корзинку с сыном около берега, формально выполнив распоряжение властей, она оставила пятилетнюю дочь наблюдать за корзинкой и что будет происходить дальше. Сама же с чувством, что сделано всё и сделано как надо, отправилась отдыхать после немалых работ по обустройству судьбы сына. Она устала, да и дальнейшее было уже не её заботой.

Наследник престола

Дом или дворец фараона находился довольно недалеко от места, где жили родители Моисея. Утром на берег Нила пришла прогуляться дочь фараона в сопровождении придворных служанок и компаньонов. Поиграть, побегать, может быть и искупаться в реке, если место было безопасным от крокодилов. Моисей тоже мог подвергнуться опасности, и Иохаведа вместе с ним, но видимо не везде и не всегда эти хищники появлялись. К этому времени трёхмесячный младенец уже выспался и проснулся. Рядом не было матери, возможно, нужно было уже сменить пелёнки, и он начал плакать. Здоровые дети обычно имеют громкий голос, так что гуляющие по берегу девушки слышали его. Голос доносился с реки, и они сначала удивились, как там оказался ребёнок, но быстро поняли, что это и почему – жестокие правила фараона были известны всем. Кто-то бросил ребёнка в реку, но не дал ему утонуть, с какой-то отчаянной надеждой. Дочь фараона приказала доставить ей плачущего ребёнка, и служанки принесли корзинку с ним. Видя тщательность приготовлений, она могла оценить заботу и боль матери, сделавшей это. Она поняла, что случилось с ним. Сама она не была матерью, одна из историй того времени о Египте рассказывает, что дочь фараона была то ли некрасива, то ли имела какой-то дефект, и понимала, что ей вряд ли светит земное счастье. Этот же красивый ребёнок сразу притянул её душу, она решила не отдавать его на произвол судьбы, но решила помочь той женщине, что не могла противостоять стихии государства, но не могла и не позаботиться о ребёнке, дорогом для неё. Усыновить, взять себе – это был какой-то выход для неё, пусть и только для неё одной, для придворных и для отца это выглядело капризом, но она могла это себе позволить. Это стало для неё смыслом жизни, и она вложила в это всю душу и сердце. Её не стесняли нужда и у неё было до-

статочно помощниц, чтобы не устать от забот о младенце. Все девушки, бывшие с ней, многие из которых были умелыми в обращении с детьми, восхищались ребёнком и начали успокаивать его и возиться с ним. Он был покладистым и не плакал всё время, отвлекаясь на устраиваемые ему забавы.

Неподалёку находилась сестра Моисея, Мариам. Увидев, что её брат найден и находится в хороших руках, она поняла, что мать оставила её как раз для такого случая. Сообразив, что надо делать, она подбежала к главной в компании и, хотя ещё не звучало слов о усыновлении или забирании к себе, она действует так, как будто уже всё решено, и с детской непосредственностью предложила сбегать и найти кормилицу для ребёнка. Ведь берущая ребёнка богатая девушка не может сама выкормить его, не имея молока... Скорее всего дочь фараона сразу поняла, что перед ней сестра этого младенца и что она сейчас позовёт его мать, но так было даже лучше, она делала сразу несколько добрых дел, и для себя и для неё. И она сказала девочке – "сходи".

Кажется, после этого действие указа о еврейских мальчиках было прекращено, иначе истории Израиля просто бы не было, она должна была прекратиться с того времени... У фараона не могло не появиться вопроса о странном приобретении дочерью младенца и усыновлении его. Но его дочь была с характером, и скорее фараону пришлось выдержать несколько трудных минут, отбиваясь от вопросов о смысле этих бесчеловечных законов и приказов о евреях. Получив некоторые внушения от той, кому он не мог почему-то лгать и кривить душой долго, он в другом свете увидел делаемое им, и репрессии смягчились, хотя бы в своей последней части об умерщвлении младенцев мужского пола. Сам же Моисей рос под наблюдением матери и у неё на руках, которая к тому же получала ещё и плату за работу на члена царской семьи. До какого-то времени, может быть семи или десяти лет, мать всегда была с ним и могла обучать его всем знаниям о Боге и Его порядках, известных ей и её семье. Вера в то, что её сын является избавителем её народа, заставляла её уделить самое пристальное внимание его воспитанию. Ему предстояло жить среди соблазнов дворца, он легко мог увлечься многими вещами и просто забыть о своём происхождении, о Боге и своём призвании, однако же её усилия были успешными, что говорит о особом таланте воспитателя, справившемся с такой сверхзадачей. Ей удалось заложить крепчайший фундамент его личности и твёрдый настрой на служение Создателю и связь с Ним. Когда пришло время, её рассчитали с её должности кормилицы и воспитателя сына дочери фараона, а значит внука фараона и наследника престола великого государства. С этого времени он жил во дворце и его стали обучать "всей мудрости Египта", готовя к большим делам. Дочь фараона не могла царствовать сама по себе, но этот её приёмный сын был в фаворе у многих, его красота и обаяние покоряли всех и ему были открыты все двери. При определённых усилиях дочери фараона и удаче он вполне мог рассчитывать на царство в этой стране, даже если была какая-то оппозиция. Хотя, скорее всего никакой оппозиции и других вариантов и не было, потому что, судя по тому, что Моисея обучали всем премудростям Египта, за него взялся сам фараон, возложив на него надежды по продолжению своей династии. Без его санкции полное образование Моисея как государственного деятеля не могло бы начаться. Наверное, не все были довольны его успехами, но спорить или открыто возмущаться было опасно.

На этом повествование Библии (здесь Моисей писал сам о себе) о детстве Моисея заканчивается, и дальше рассказывается о его делах уже взрослого человека.

Попытка стать защитником

От матери Моисей знал о бедственном положении своего народа. Хотя самому ему не были знакомы какие-либо проблемы, во дворце они если и бывают, то другого характера, но у него присутствовала стойкая убеждённость, внушённая ещё матерью, что он имеет призвание и миссию в этом мире. И миссия эта – вывести свой народ из Египта обратно туда, откуда они при-

шли, в Ханаан, где они должны были жить по предназначению свыше. И назначенное время уже подходило, в Египте они жили уже 145 лет, то есть от времени, когда Аврааму было сказано о 400 годах, на момент рождения Моисея прошло 350 лет³. Избавитель уже мог родиться, и Иохаведа видела, что это её сын. Пока он рос и обучался разным наукам во дворце и школах у жрецов, евреи, жившие после некоторого смягчения политики государства в их отношении, умножались даже быстрее, чем раньше, хотя жизнь их была теперь полна работой, обычно довольно тяжёлой физически. Но всё же ни у кого не хватало духа занимать их настолько, чтобы они теряли на этом здоровье, работники они были всё же ценные, построили очень много зданий и даже городов по заданию фараона. Эти тяжёлые работы могли даже укреплять их, если они имели достаточно времени для отдыха, однако если они работали слишком много, то люди слабели. По рассказу Библии больше похоже, что отдых они имели всё же достаточный.

Сегодняшний век с модой на ЗОЖ породил у многих вопрос, как же в прежние времена, когда вся еда была органической и полноценной, многие люди жили коротко и болели. Но такой вопрос задают люди от незнания всего спектра проблем человеческого здоровья. Обычно внутренние болезни происходят от накопления невыведенных отходов в организме и/или недостатка (избыток также способен причинять перекос в системе организма) важных элементов и веществ⁴, и последующих системных сбоях на этой почве. Сегодня люди болеют от нездоровой, мало того что лишённой важнейших компонентов, но и напичканной взамен неестественными веществами пищи. Но в прошлые времена хватало своих факторов болезни.

Если человек не успевает отдохнуть, то есть восстановить баланс питательных веществ и также организм не успевает вывести отходы, то также начнут накапливаться проблемы и организм может болеть также сильно, как от любых других факторов. Если люди систематически недоедают, то неважно, насколько здоровая еда попадает к ним на стол, ставится ключевым её недостаток, а не качество. Поэтому неудивительно, что в прежние времена люди страдали от переработки и хронической усталости, от изношенности организма или голода из-за бедности, также как другие болели от переедания и недостатка движения. Характер болезней мог быть разным, но их почти всегда было много. Основная причина всех проблем – недоброе отношение человека к человеку, как и человека к себе из-за незнания или пренебрежения к правилам здоровья, в обоих случаях легко заметить зло, ставшее из субъективного момента мощным фактором реальности.

Время было критичным. Приближался срок, предсказанный Аврааму, когда новый народ должен будет занять обещанную ему землю и приступить к выполнению миссии чрезвычайной важности вселенского масштаба. Это означало, что приближается его время, и он всеми силами готовился к тому, чтобы исполнить своё призвание. Моисей считал себя вполне готовым, он умел водить войска в бой, командовать армией, знал многие науки, которыми гордился Египет. Считал себя готовым, только не всё оказалось простым.

Когда ему исполнилось сорок лет, Моисей пишет о себе, что он захотел посетить своих братьев, которых видел в то время нечасто, занятый делами дворца и подготовкой к своей высокой миссии. Он пришёл туда, где жили евреи, и увидел неприятную сцену, как надзиратель египтянин бьёт еврея за какую-то провинность, скорее всего мнимую, просто из хулиганских побу-

3 В Египет они пришли через 205 лет от того времени, и через ещё 225 лет вышли из Египта. В реальности прошло не 400, а 430 лет.

4 Не будучи достаточно образованным в этих сферах, всё же осмеливаюсь делать подобные высказывания, поскольку выверяю все такие утверждения у людей более знающих, так что надеюсь, что не противоречу истине.

ждений. Моисей ещё ни с кем из старейшин своего народа не обсуждал свои планы, и скорее всего не имел чёткого плана, как действовать, как организовывать и к чему готовить людей, как уходить – по хорошему договориться с властями в случае благополучном, и если нет, то тайно или через восстание. Однако, же живя во дворце, он, кажется, упустил слишком многое – как сами люди воспримут его идеи. А также что вообще происходит с его народом в духовной и нравственной сферах. Видя творящуюся несправедливость посреди улицы, Моисей, кажется особо не разговаривая с надзирателем, лишь понимая, что тот неправ, убил его. Перед этим он убедился, что других египтян и лишних свидетелей в этот момент не было, и закопал убитого в песке. Не описывается реакция избавленного еврея, но скорее всего тот был изумлён таким заступничеством. Еврея не убивали, такие избиения были регулярным или обычным явлением, он мог отделаться всего парой синяков или шишек, а может быть избиение даже не было жестоким, всего лишь демонстрацией власти, чтобы подчинённые не расслаблялись, хотя могло быть всякое. И такое вот возмездие за не особо большой проступок. Этот человек, ошеломлённый побоями, мог не понять, что подвигло этого по одежде знатного египтянина вступить за него, хотя он мог и догадаться, кто это был – о Моисее, живущем во дворце, знали они все.

Моисей думал, как сам и пишет, что народ поймёт этот знак, что это пришёл заступник, однако же народ не понял. Хуже того, многие в этом народе настолько привыкли к своей жизни, что даже не думали о каком-то избавлении. Они ощущали себя счастливыми, когда на их столах была любимая еда, когда приходили после работы домой, многие радовались, если удавалось хотя бы временно оказаться выше своего же брата... Так на следующий день Моисей опять пришёл туда же, где жили евреи, чтобы посмотреть и оценить, поняли ли люди его предложение. Он оказался очень сильно разочарован и обманут в своих ожиданиях. Вместо восторженной встречи он снова увидел побои, причём не драку, а именно один из евреев угнетал и обижал другого, не столь удачливого. Уже не чужой делал это, а такой же еврей. За эти годы, пока Моисей отсутствовал во дворце, народ ещё умножился в несколько раз, но при этом некоторые опускались, деградировали морально. Вместо мечты о своём наследии и о проявлении сил Бога многие из нового поколения вели себя и жили как египтяне, ходили в их храмы и пытались подражать им во всём, думая, что так их примут в их общество, думая, что это из-за их сильно отличающейся неприятной для египтян религии их так ненавидели коренные жители. Между ними уже было много ссор и несправедливости. Это было то, что потом так досаждало Моисею в последующих странствиях с этими людьми. Обижающий брата нагло наезжал на него и обрабатывал кулаками время от времени, чего-то требуя. Моисей не ожидал такой встречи, точнее его вообще никто не встречал и не ждал. То, что он увидел, могло навести на мысль – а стоит ли таких вообще спасать? Но неужели все страдания его рода и слёзы матери, её старания по его спасению и воспитанию были напрасны? Ведь через то, что его приёмная мать заступилась за него и привела в свой дворец, все эти оболтусы получили шанс появиться на свет, эти молодые парни, своей жизнью они все были обязаны ему и его чудесному избавлению... Моисей понял, что дело будет сложнее, но пока ещё не представлял, насколько.

Он попытался выступить теперь и воспитателем, направляющим нравы людей, попытался повлиять на эту праздную толпу. Он обратился к обижающему своего же брата – "зачем ты обижаешь ближнего?" – намекая этим, что это же его брат. Тот оттолкнул Моисея и нагло стал напирать на него, ощущая себя хозяином положения – "Кто это тебя поставил на нами начальником и судьёй?" – не признавая даже высокий статус Моисея в стране, как-никак внука фараона. Если кто и мог быть начальником над ними, то именно он, и полномочия у него были более чем достаточные, но нашёлся ещё один, кто очень хотел бы быть влиятельным человеком между евреями. "Может ты и меня хочешь убить, как того египтянина?" Он явно знал обо всём произошедшем и планировал воспользоваться этим, чтобы шантажировать Моисея... Он уже шантажировал его,

но это были лишь цветочки. Он явно имел свои собственные планы, как из непродуманного и импульсивного поступка этого дворцового выскочки извлечь большие выгоды.

Ошибка Моисея была велика. Он, как не раз его предки, стал действовать самостоятельно, не получив не то, что команды, но даже малейшего сигнала свыше. Он знал много о Боге, но забыл главный урок, касающийся Его планов – нужно ждать Его распоряжений и Его времени. Фактически Моисей начал действовать на десять лет раньше, в результате выход из Египта состоялся на тридцать лет позже обещанного (и на сорок от данного момента). Это одна ошибка. Другая же состояла в том, что он не пошёл к главным лицам, старейшинам и главам племён. Во второй раз он начал с них, но в этот, первый раз начало его деятельности было чересчур наивным. Позже, когда он уже работал с Богом во всём этом деле, его призвание осуществлялось совсем другими методами, и думаю, что Моисею было неприятно вспоминать свою прежнюю незрелость. Пожалуй, он не раз краснел, вспоминая свои начальные планы, которые были никак не проработаны, даже по человечески, будучи лишь наивными мечтами...

Моисей увидел серьёзную ловушку, приготовленную для него этим бандитом. Его могли сдать египтянам за деньги, рассчитывая на награду за раскрытие преступления, либо, ещё вероятнее, могли пристроиться к его планам и шантажировать, вить из него верёвки, командовать им и тянуть из него дворцовые драгоценности или секреты, делая его игрушкой в своих руках, держа его на поводке из-за его тайны. Но Моисей видел, что с этими людьми ему абсолютно не по дороге, это не освободители, но криминал, соединённый, возможно, с криминалом Египта, и что его непременно сдадут, как только увидят, что он не хочет зависеть от них. Нужно было уходить, даже вообще исчезнуть из страны – всё, что он имел до сих пор, потеряно, и времени у него практически нет, если он хочет остаться в живых.

В изгнании

Моисея действительно искали, он верно подумал, что "об этом деле знают". И похоже, что навели на него именно свои, хотя, к счастью, после того, как он скрылся, до этого его хотели использовать в своих целях и не раскрывали произошедшего властям. Когда Моисей сбежал, то те, кто хотел пользоваться Моисеем, видя это, донесли на него и карьера его была потеряна, и даже дорога назад закрыта. По человеческим соображениям он даже со своими родными не мог теперь увидаться, не то, чтобы выводить кого-то из рабства. Ему было сорок лет, и неизвестно, сколько и как он проживёт остальные годы. Правда, он ощущал в себе много сил и возможностей, его жизнь могла быть более или менее долгой, но если он не сможет выполнить своё призвание, то чего будут стоить все эти годы? Без призвания жизнь становится прозябанием. Ради высокой цели он подчинил всего себя дисциплине и подготовке, и вот теперь все усилия и работа оказались напрасными.

Его не могла не мучать мысль о крахе своей миссии. Где он сделал ошибку? Стоило ли убивать египтянина? Какова моральная сторона этого дела? Некоторые ошибки он уже видел или ощущал неправильность своих планов. Со своим сигналом для Израиля он уже мог видеть, что надо было прямо идти к старейшинам и обсуждать это с ними, дело могло бы идти совершенно по иному сценарию, хотя без санкции на это Бога и здесь успеха не могло быть, но хотя бы за него не взялся криминальный мир еврейской среды, как вышло на деле. Хотя кто знает, не шёл ли он в тот раз именно к князьям своего народа, и лишь подвернувшийся надзиратель, бьющий еврея, воспламенил его гнев и он сорвался на поспешные действия, хотя и такой вариант он, наверное, когда-то уже обдумывал в своих мечтах о том, как может идти освобождение его народа.

Не было ли нарушением заповеди убийство надзирателя? Думаю, в этом он сомневался мало. Шестая заповедь, охраняющая жизнь, защищает невинных, то есть тех, кто не поднимал на тебя или твоих близких руку. Вряд ли тот египтянин был намерен убить подвластного ему человека, но Моисей, рассчитывая на освобождение народа, понимал, что без сопротивления и каких-то столкновений дело не обойдётся и жертвы будут. Так что тот надзиратель был одним из попавших под колесо освободительной борьбы, разве что опять же – Бог не одобрил его планов и это конкретное действие тоже. На руках Моисей ощущал напрасно пролитую кровь, сделанное без нужды и смысла. Его расчёт оказался глупостью и в таком свете и убийство египтянина являлось преступлением. Правда, в те времена, да собственно и в наши не всё так однозначно, ещё не звучало команды подставить щёку обижающему, и если сегодня многие считают, что любое сколь угодно оправданное убийство при защите или самозащите является нарушением заповеди "не убивай", на те древние времена даже эти миротворцы не могут распространить своё мнение, так что даже им трудно обвинить Моисея. Если бы это было сделано сегодня, то они бы сделали это легко, но в те времена им нет доступа. Он виноват перед законом Египта, за что был преследуем, перед своей совестью, однако Бог с него, как кажется мне, не спросил за то действие, по крайней мере в тот момент. Не берусь судить. Знаю лишь, что и сегодня защита и самозащита не преступны, нельзя ставить убийцу или хулигана вместе с тем, кто защищает себя или других, одно есть преступление перед Богом и людьми, другое – подвиг, требующий награды, а не наказания. Судьи, ставящие тех и других в один ряд, отправляющие одинаково тех и других в тюрьмы, несправедливы и будут отвечать за это уравнивание перед высшим Судьёй в своё время.

Не медля ни минуты, как я понимаю, без оглядки на "забежать домой переодется и захватить нужное в дорогу", Моисей направился из города и из страны. Пока до властей дошли вести о случившемся, он успел покинуть Египет и направился на восток. Так он пришёл в землю мадианитян. Синайский полуостров был под большим влиянием Египта, так что Моисей, чтобы его, пешего, не догнали конные преследователи, должен был уйти как можно дальше, пользуясь выигрышем во времени. Он ушёл на территорию Аравии, где жили эти родственные племена, произошедшие от Авраама и Хеттуры.

Придя в места, где можно было считать себя вне досягаемости от возможных преследователей, Моисей сел отдохнуть у колодца. На нём была одежда, в которой он направлялся проводить евреев, вряд ли это была парадная одежда, однако же всё равно можно было видеть, что она дорогая и человек, носящий её, непростого происхождения. День склонялся к вечеру, пастухи должны были поить стада, и к колодцу раньше других, в надежде успеть напоить своих овец, пришли семеро девушек, дочери священника мадианитян. В этих краях (или может быть в этом времени) нравы были уже несколько хуже, чем в аналогичном случае с Иаковом и Рахилью. Здешние пастухи не были справедливы, действовали силой, поэтому если не успеть сделать это раньше, то придётся долго ждать, пока все мужчины напоят свои стада. Быть последними означало ждать до самой темноты. Девушки стали наполнять корыта водой для своих овец, но тут подошли другие пастухи и грубо отогнали их, начав поить своих овец.

Моисей не думал терпеть такое неуважение к женщине, хотя это была и не его земля – не еврейская и не египетская, где он был начальником или просто своим человеком. Однако у него были слова совета и разума для поступающих неправильно, а также сила и хорошие воинские умения для тех, кто не прислушивается к словам. Если твориться несправедливость, то разве обычаи или "здесь так принято" могут служить оправданием для неё? Вот и Моисей тоже так думал и в результате он отогнал этих пастухов подождать, пока дамы закончат своё дело, поскольку-

ку они пришли первыми. Видимо, стад было много, а колодцев мало, так что была долгая очередь, но нельзя позволять тем, кто наглее, применять "право силы", тогда от права мало что остаётся. Наглецы, поставленные на место пришельцем, ждали очереди, а девушки, напоив свои стада, отправились домой радостные. Их отец удивился и спросил, почему они сегодня пришли рано, и те ответили, что какой-то египтянин помог им, защитив от более сильных и мужественных. Однако отец, будучи сам мужчиной, посетовал, что его дочери несколько недогадливы – если это египтянин, то это значит, что он пришелец здесь, что он один, и находится он в окружении настроенных к нему вряд ли дружелюбно людей. Как священник истинного Бога, знания о котором хранились у него от Авраама и его предков, всего-то могло пройти от восьми до двенадцати поколений, многое ещё не было утрачено, он учил свой народ здравым правилам, но священников многие привыкли почтительно выслушивать, однако делали по их словам лишь когда это было выгодно, что характерно для многих совершенно независимо от времени и национальности. Так что люди эти могли, обидевшись на Моисея за замечания и действия, да ещё пришельца, в эту же ночь и даже вечер попытаться отомстить ему. Поэтому Иофор, отец этих девиц, срочно послал их привести этого их защитника к ним в дом – "Как же вы оставили его одного? Зовите его к нам". Для неопытных девушек, воспринимающих сильных людей как само собой разумеющееся, что они способны сами о себе позаботиться и у них нет и не может быть проблем, была простибельна их недогадливость, но их отец должен был позаботиться о пришельце. Так Моисей оказался в доме священника живого Бога. Это был действительно хранитель древних знаний, который может быть и не имел всей их полноты, но он жил тем, чему учил других. На этой почве они близко сошлись, им было о чём поговорить, их интересы и познания оказались общими. Моисей пишет, что ему нравилось жить в этом доме, он не ощущал себя там чужим.

Он не имел какого-либо имущества, и богатство, что было в его распоряжении ещё недавно, теперь к нему не имело никакого отношения. Не знаю, умел ли Моисей ухаживать за животными, хотя должно было быть, что во дворце он получил немало важных практических знаний, также ещё в раннем детстве он мог получить нужные навыки пастуха от родных. И здесь он занялся тем, чем мог помочь своему тестю, который отдал ему одну из дочерей в жёны – он пас его овец, возможно, освободив его дочерей от этой работы, которая начинала быть не лучшей для женщин в этих местах, достаточно вспомнить, при каких обстоятельствах он познакомился со своей женой и её сёстрами. Его нынешнее занятие давало ему достаток и он на многие годы погрузился в атмосферу иную, чем была во дворце фараона. Здесь никуда не нужно было спешить и он имел очень много времени, чтобы момент за моментом проанализировать всё прежде бывшее в его жизни, переоценивая вещи и расставляя их по своим местам. Сделай он такую рефизию раньше, то мог бы оказаться готовым в нужное время действовать как надо, и выход евреев из Египта случился бы в назначенное Аврааму время. Теперь же оставалось только обдумывать всё и сравнивать свой опыт с тем, что пережили его отцы и деды, их успехи и поражения. Это было очень полезное и плодотворное время в его жизни. Ему было сорок, когда он оказался здесь без ничего, кроме того что было на нём и может быть оказалось в карманах, и теперь шли годы – и какие они будут? Он мог разочароваться в жизни, потерять всякую надежду и смысл жизни, однако он не выглядит упавшим духом. Он напоминает Иосифа этим своим неунывающим и негнибачим духом, ожидая и зная, что Бог выполнит Свои обещания потомкам Авраама и нужно лишь дождаться этого времени⁵. В этой второй фазе своей жизни он

5 На ожидании и исполнении обещанных через пророчества и откровения времён в Библии стоят многие и многие события, это фундамент веры многих в Библии, и даже проповедь Иоанна Крестителя о надвигающемся царстве Мессии была успешна именно поэтому, так как она была предсказана, её ожидали и её время было близко. "Приблизилось царство Божье" – отсылка к пророчествам Даниила. Исключением из этого правила, пожалуй, является только Второе Пришествие, о котором специально говорить, что этой даты людям не дано знать.

провёл ещё сорок лет, в то время как обещанный выход Израиля из страны временного пребывания задержался по его вине на тридцать лет от намеченного срока, и их страдания продлились дольше обещанного. Но здесь в заботе об овцах шлифовался и оттачивался характер будущего вождя, которому действительно было суждено быть одним из величайших лидеров человечества. Эти годы не были потерянным временем...

Призвание. Избавитель

По мере обретения Моисеем более глубокого взгляда на вещи и иного характера в заботе о тех, кто мало мог позаботиться о себе, он становился всё более пригодным для своего призвания. Он действительно должен был стать избавителем Израиля, такова была его судьба изначально, но и подготовка таких личностей должна быть соответственной возложенной на него задаче. Призвание само по себе ещё не делает человека полностью пригодным для дела, практически всегда должно присутствовать и воспитание, и образование, недостатки в том или другом могут серьёзно осложнить миссию или даже обречь её на провал. Так было с его первой попыткой освободить народ из рабства.

На обществоведении нам преподавали некогда о "роли личности в истории", что у многих изменений в обществе есть объективные предпосылки, и как бы среда не сопротивлялась переменам, они произойдут рано или поздно. Объективная часть этого учения верна, но проблема в этом "рано или поздно", в субъективной части идеи. А полностью ли выполниться задуманное и желаемое или лишь частично, а то и вообще повернёт в обратную сторону с исчезновением всех тех предпосылок к переменам, а то и с самим обществом? Цитируют Ленина накануне революции – "сегодня рано, а послезавтра будет поздно". Если бы не его чутьё на сроки и положение в стране, революция была бы обречена на провал и жизнь страны надолго могла оказаться направленной в нежелательном для них направлении. Нужный человек с нужной подготовкой в нужный момент определяют успех и перемены, без них дела могли бы идти по старому, в совсем ином направлении. Они скажут, что если не тогда, то позже ситуация бы изменялась, но к тому времени бы накопились или появились новые обстоятельства, так что перемены бы происходили уже в иной исторической обстановке. А может быть даже уже в иной стране с другим народом и языком, только на той же территории... Если этим теоретикам это всё равно, если им важны лишь некие "массы", то тем, кто жил или живёт в своих обстоятельствах, далеко не всё равно. Поэтому личность для достижения нужных перемен фактически смотрится важнее самой необходимости перемен. Потому что если предпосылки для новых вещей не сформировались, то личность, могущая перевернуть мир, проживёт и без них, а вот новые вещи не смогут без нужной личности осуществиться и придти в мир (а мощная личность сможет произвести перемены даже когда ситуация не назрела, "продавив" своей волей и энергией сопротивление среды...). Разве только кто-то другой найдётся, могущий свершить нужное... В конечном итоге я согласен, что так или иначе, "рано или поздно" должное может быть сделано (однако вероятность этого совсем не сто процентов), потому что всякая необходимость создаёт некий зов к миссии, и не один, так другой услышит его и придёт и будет пытаться что-то сделать. Но насколько им будет труднее, и всем будет труднее – без нужных качеств и инструментов добиваться вручную того, что могло бы быть сделано эффективно и быстро тем, кто имеет все таланты и инструменты для достижения желаемого эпохой.

Такие примеры в Библии, как и в жизни имеются. Моисей хотел осуществить своё призвание раньше времени на десять лет, и теперь, сорок лет обучаясь в иной школе, заставил всех

ждать лишних тридцать лет. Но вряд ли можно назвать эти годы потерянными. Бог сдерживал давление на евреев, чтобы оно не было чрезмерным, но и сам народ также получал свои уроки, так что множество из новых поколений, рассматривающих Египет своим родным местом, получили прививку против излишней привязанности к земному и временному, хуже того, к язычеству египтян. Боги Египта не защищали их, так что они вынуждены были вспоминать о вере отцов, по которой они имели другие цели и другая страна была предназначена им для жизни. Аврааму и его сыновьям Ханаан был местом, где они не имели права долго жить на одном месте, лишь к старости оседая в каком-то месте, причём отдельно от детей, которые в свою очередь должны были странствовать по этой земле. Это было своего рода утешением для потомков, которые должны были придти туда и для кого он поначалу может показаться чужой землёй. Но положение особого священного народа, призванного хранить и нести свет, обязывало. Это было их "тяготами и лишениями", на которые служащим важному делу запрещено жаловаться.

Фараон, в правлении которого Моисей был изменником и преступником, умер. Похоже, во многих местах в древности был такой порядок вещей, в том числе в законе Моисея, что многие дела имели срок давности, и давность эта была привязана к жизни значимых людей народа или страны, царей или в Израиле первосвященника. После их смерти те, кто был виноват в некоторых провинностях⁶, могли вернуться в свои дома и селения, и их не преследовали. Не знаю, были ли какие-то преступления, не имеющие срока давности тогда, но Моисей теперь мог вернуться к своему народу. Он как раз достиг всего, что должен иметь вождь такого народа. Также сам народ, подвергающийся немалым репрессиям в Египте, солидарно обращался к своему Богу, и написано, Бог услышал их. Серьёзный поиск Бога евреями сделал возможным их избавление и Бог смог теперь начать дело их освобождения. Стоит особо отметить, что если бы евреи не искали помощи у Бога, Он не стал бы их выводить. И это могло бы осложнить многое и многим...

Несгорающий куст

Однажды, пася овец своего тестя, семья которого была его семьёй (Моисей не спешил становится богатым человеком, пуская корни не там, где его всё ещё ожидало дело жизни, не связывая себя имуществом), он прошёл в пустыни Аравийского полуострова дальше обычного. Примерно в центре полуострова проходит цепь гор, одна из которых носила название Хорив и Синай. Позднейшее христианство решило поместить эту гору на Синайском полуострове (почему его и стали называть Синайским), но когда апостол Павел говорит о ней, он говорит, что она находится в Аравии⁷, да и ходить Моисею с Аравии на Синайский полуостров слишком уж далеко. Не знаю, была ли известна эта гора как гора Бога до этого или только с момента, когда Моисей впервые оказался там, однако же почему-то именно там Бог явился ему. Я склонен считать, что некоторые места на нашей планете могут иметь особые свойства, которых могут не иметь другие места, впрочем к спасению людей они никак не относятся и играют роль лишь в определённых обстоятельствах для отдельных людей.

Моисей увидел горящий куст неподалёку от себя, и присмотревшись, заметил, что он не сгорает от этого пламени. Это привлекло его внимание, это было поразительное зрелище, и он решил подойти ближе, чтобы рассмотреть это необычное явление. Говорят, что в пустынях иногда растения, богатые эфирными маслами, могут в сильную жару возгораться, однако же сейчас было не лето, а скорее осень. Хронология такая – вышли евреи где-то в конце марта, до этого пару месяцев Бог обрабатывал Египет, чтобы фараон отпустил Его людей из рабства, какое-то время нужно было на дорогу, но это месяц или немного больше. Впрочем даже если время было ещё жаркое, то такие кусты сгорали, но то, что видел Моисей, не теряло своей зелени и не обуг-

---

6 Убивший человека нечаянно, которого мог преследовать мститель за кровь.

7 Гал.4,25

ливалось. Когда он приблизился к горящему терновнику, раздался голос из этого куста – "Моисей, Моисей!"

В этом пламени находился Бог, Он пришёл сообщить Своему избраннику, что время, которого он так сильно ждал, наконец пришло, и что он готов к выполнению своей миссии в этом мире. Библия говорит об Ангеле, и обычно все переводят "малак Яхве" как "ангел Сущего (вместо имени почти все почему-то пишут "Господний"), хотя видно, что этот Ангел не просто передаёт речь от Бога, а говорит так, как будто он и есть Сам этот Бог... Я предпочитаю понимать именно так, это самый логичный вывод из всех имеющихся деталей повествования. И не я один, в общем-то. Перевести можно и так и иначе, и как "ангел Сущего" и как "Ангел-Сущий". Это в этого Ангела не верили саддукеи, и большинство переводчиков Библии следуют их скептическому подходу. Ангел Завета, Архангел Михаил – это всё Он, Сын Божий. Впрочем, можно понимать и как обычно интерпретирует большинство, не вижу больших проблем в точке зрения, что ангел передавал некоторые слова Бога Моисею, а потом временами говорил сам Бог. Но дело тут ещё такое, что все верят, что Сын Бога воплотился в человеческую природу, став человеком физически. До этого, до того, как Он стал человеком, Он также имел некий вид в небесных мирах, и вид этот соответствовал тоже какой-то природе, распространённой в тех мирах – мы сегодня называем всех их ангелами, и Он выглядел как один из таких ангелов. Этот его внешний вид, подобный им всем, скромный и непритязательный по сравнению с тем, какой имел Бог-Отец, верховный Властитель, послужил соблазном Люциферу, который не понимал, как может обладающий божественными силами и свойствами, имеющий свободный доступ к Верховному (в отличии от него, одного из главнейших ангелов), не возноситься над ними, но держаться наравне со всеми. А Он держался так же, как делал это и на Земле среди людей, служа им в любых их нуждах и был готов вести их очень высоко и далеко, шагая вместе со всеми, Его характер не менялся в зависимости от оболочки. Он, Люцифер, не упустил бы своего, будь он на Его месте... Но это отдельная история, не буду здесь об этом.

Назвав Моисея по имени, голос из куста сказал, чтобы он снял обувь, потому что это место священо из-за присутствия Бога (и это дополнительный аргумент в пользу того, что здесь был не просто вестник небес, а именно Бог; когда к людям приходили ангелы, они не требовали от них разуваться в своём присутствии). Затем привлёкший внимание Моисея представился: "Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова" (какой ангел мог так представляться, кроме Ангела-Сущего?). Моисей хорошо знал историю его недавних предков – сам он по матери был всего лишь правнуком Иакова, и понимал, что Тот, кто водил и направлял его отцов, выбрал его для важного дела. Это была большая честь перед остальными членами большой семьи Израиля, о чём он мечтал и к чему стремился всю жизнь. Бог говорил с ним лично, как когда-то с их родоначальниками. Теперь, когда Бог его признал, дела должны были пойти по другому, по настоящему. Подходя сюда, Моисей стремился разглядеть детали, сейчас же, поняв, перед Кем он стоит, он закрыл лицо руками, боясь смотреть в эту сторону. Бог продолжил говорить о том, что Он услышал призыв Своего народа и вышел из Своего места и пришёл сюда, чтобы вывести Своих людей из угнетения, да и пришла пора возвращаться. Он видит их положение и их плачь, заметил их беду и услышал их. И Он говорит, что пошлёт к фараону Моисея, чтобы тот начал переговоры об этом.

У многих возникал и возникает вопрос о том, почему Бог далеко не сразу "услышал" вопли угнетаемых. С одной стороны вопрос вовсе не сложный, однако его рассмотре-

ние требует учесть разные стороны дела. И не уверен, что могу ответить на всё легко и просто. Но попробуем.

Если мы устроены "по образу и подобию", то нам уже нетрудно понять, как это происходит у Него. Как и мы, Он обычно замечает и реагирует на любые сигналы быстро, но это Он замечает их для Себя, однако же Его внешнее действие, реакция, может зависеть от ситуации. Если, например, между родителями и детьми нет преград и проблем, то с одной стороны дети не просят чего-то слишком неадекватного, с другой стороны родители готовы постараться выполнить их просьбу прямо, либо дать им дельный совет по достижению желаемого, и все довольны и счастливы. Если же поколения разделены чем-то недобрым, капризами или ограниченностью то ли ресурсов, то ли понимания или ещё чем-то, то и сами просьбы обычно чрезмерны, к тому же родители в такой ситуации склонны ограничивать желаемое детьми в воспитательных целях. И тогда просьбы детей могут повисать в воздухе. Бог мудрее людей, и даже если Он и Сам бы хотел что-то дать людям и ответить, но если Он видит, что просимое не даст людям того, что они думают от этого иметь, то если Он и ответит чем-то, то не всегда сразу и не всегда тем, о чём люди просили. Это всегда ко благу, хотя не всегда люди с этим согласны, особенно поначалу.

Моисей вдруг проявил скептицизм. Почему? – не истощился ли в нём заряд? Возможно, от слишком длинного ожидания надломился его дух, всё его существо ему казалось сгоревшей головнёй, все надежды прогорели... Похоже, что он рассчитывал освободить евреев через организацию отрядов сопротивления, обучение военному делу, и вообще собирался действовать силой. В принципе, Бог тоже собирался проявить силу, Он знал, что с этим фараоном по хорошему никак не выйдет, но силу собирался использовать Свою, а не людей. Люди могли бы загордиться, характеры у них были очень далеки от идеала, поэтому таких вещей Бог не мог им доверить. И Моисей, видя, что с противником придётся вести переговоры вместо того, чтобы делать то, что он привык когда-то – командовать и организовывать массы народа, похоже, приуныл. Но имел ли он повод унывать – "если не по моему, то и никак"? Хотя, видимо были и другие причины для того, чтобы Моисей стал отговариваться и просить поставить вождём кого-то другого. Тут он поддался эмоциям, однако же кого мог послать Бог? Восемьдесят лет Бог потратил на его подготовку, начатую ещё от его зачатия – и он предлагает ещё раз отложить избавление своего народа? Сколько же лет тогда им ждать? Моисей уже не хочет никого избавлять? Если пройдёт много времени, то евреи могут к тому времени уже забыть их предназначение и призвание, никуда не пойдут даже если их силой выгонять из страны, где они родились, да и Ханаан мог уже настолько испортиться за лишнюю сотню лет, что их пришлось бы уже не изгонять, а зачищать как Содом или допотопный мир. Это Моисей не подумал... Но Бог проявил терпение, как Он всегда проявляет его, имея дело с нами. Моисей действительно находился в некоем кризисе исчерпанности всех личных установок и своей самости, поэтому Бог проявляет предельное терпение и проводит определённую терапию.

Сначала Моисей заскромничал – "да кто я такой, чтобы идти к фараону". Кажется, он совсем забыл, что именно он был своим человеком во дворце и знал его все входы, выходы и закоулки. Уж кому было идти, как не ему. Хотя скромность и украшает, но она не должна мешать делу... Но Бог ободряет – "Я буду с тобой". Этого более чем достаточно. Ещё Он обещает знак – "Когда вы выйдете из Египта, вы поклонитесь Мне вот на этой горе", на Хориве, у которой сейчас этот разговор и происходил. Моисей знал, что Бог Свои обещания держит, поэтому это возражение у него отпало. В нём продолжалось внутреннее противление, нежелание идти с Богом – это важный момент в человеческой природе, очень часто даже делая с виду доброе дело, мы можем вносить в него чуждый посыл, недобрые чувства, сидящие где-то глубоко в нас, то ли из-за

недовольства чем-то конкретным, то ли просто что-то толкает нас делать хоть что-нибудь наперекор. У Моисея вряд ли было намерение испортить Богу Его планы, но некое недовольство двигало его именно в этом направлении. Бог не винил его, Он понимал суть человека, что ему нужно время на осознание, чтобы проникнуться предлагаемым делом, поэтому отвечает ему на его вопросы, снимает возражения, терпеливо тратя на него Своё время и силы.

Теперь Моисей спрашивает, как быть, если старейшины Израиля не поверят ему, усомнятся в том, что с ним говорил Бог их отцов. Может быть его опасения и обоснованы, хотя это больше похоже на отговорки – там, в Египте, ждут помощи, постоянно обращаются к Нему и зовут посетить их в их бедах, и будут рады любой вести, им просто не до сомнений сейчас. Но Моисей спрашивает – "а вдруг они спросят меня, как Тебя зовут – что мне им отвечать"?

Тут Бог изменяет тон ответа, как бы слегка возмущившись, какой ерундой озабочен Моисей. Четырнадцатый стих третьей главы в синодальном, да и других переводах несколько уводит в сторону, там как бы названо имя, но не об имени идёт речь. Своё имя Бог назвал в следующем, пятнадцатом стихе, но здесь Он сказал совсем другое. По сути это звучит так: "Я есть кто Я есть. Скажи тем, кто спрашивает, что Тот, Кто уже и давно есть, послал меня к вам". В смысле, какая разница, как Меня зовут? Ты послан с поручением, само это поручение уже означает, что есть Тот, кто тебе поручил дело, с которым тебя уже давно ожидают... Каким бы Моё имя не было, Я-то есть...! Также тут присутствует и игра слов, так как слово "есть" и "быть" лежит в основе не только "быть" или "существовать", но и имени Бога, которое Яхве (или Иеве, или Иегова), означающее "Сущий" (отражающее то же бытие, существование). В этом предложении звучит намёк на Его имя, а в следующем стихе Бог уже прямо называет Своё имя – "Так скажи сынам Израиля, Сущий – Бог отцов ваших, ... послал меня к вам. ... Вот имя Моё на века, память обо Мне из рода в род". Я не могу сказать, знал ли Авраам и прежние поколения людей это имя, которое Бог сейчас назвал им. Судя по сказанному здесь и сейчас, как будто могли не знать, хотя Моисей, описывая жизнь Авраама и других патриархов, вкладывает это имя в их уста в те моменты, когда они обращаются к Богу⁸. Дальше Бог описывает детали того, что нужно сделать – собрать старейшин, объявить им о том, что пришло время избавления и о последующих трудностях и особенностях борьбы. Он рассказывает подробно, отвлекая Моисея от его мыслей, пытаюсь перестроить их ход, отвлечь его от того, что делает его строптивым и капризным.

Моисей понемногу увлекается, хотя не перестаёт сомневаться, и задаёт следующий вопрос, который опять из серии "а что если?", "А если мне не поверят, даже если я назову им Имя?" Многие деловые люди после таких плохо скрытых сомнений и уклонений от поручаемого дела прекратили бы разговор и больше с таким человеком дела не имели. Однако же Бог имеет и сурпризы, помогающие возжечь немного энтузиазма, Он не отказывается от того, чтобы вытащить человека из пропасти уныния. Если оставить Моисея, на которого Он потратил столько времени и сил, то что делать с остальными, у которых ещё меньше как сил и способностей, так и возможностей? Он знает, каков Моисей на самом деле, что это именно сейчас он почему-то захандрил, и если его оставить сейчас, то Моисей потом бы очень сильно раскаивался в упущенных возможностях, особенно в том, что своими же руками так старательно отбивался от предлагаемого ему одного из величайших дел в истории человечества, о чём мечтал с самого детства. Сказались годы одиночества и оторванности от центров цивилизации, толп народа, своих родных, возможностей. Может быть, Он даже специально подгадал подойти к Моисею именно в минуту наибольшей его слабости, чтобы Моисей не упал духом потом, обнаружив в себе самом предательские слабости, обезоруживающие тогда, когда надо действовать... В последующие времена, как и в предыдущие, Моисей нигде не проявляет этот дух, который он проявил здесь, такое случи-

---

8 Например, Быт.14,22 – "Поднимаю руку мою к Сущему-Богу, ... что даже нитки и ремня от обуви не возьму из твоего"

лось лишь один этот раз. Зато ему был урок, чтобы не судил строго своих подопечных, когда они будут ныть и капризничать... Не поэтому ли Моисей был столь снисходителен к своему народу, когда тот проявлял самые худшие черты, что помнил себя, как постыдно и неприглядно вёл себя здесь перед Богом?

Бог причащает его к силам, к чудесам. Это довольно сильнодействующее средство ободрить и обрадовать, хотя в долгосрочном плане оно ненадёжно, почему Бог нечасто пользуется им. Суций говорит – "что у тебя в руке?" Моисей отвечает, что это жезл, его инструмент работы с овцами. "Брось его на землю" – Моисей бросает и видит змея, который, похоже, обернулся к Моисею и реагировал на него то ли шипением, то ли приближаясь к нему, так что Моисей на всякий случай поскорее отскочил подальше. Бог продолжил – "возьми его за хвост". Моисей осторожно обошёл змея, который смотрел на его действия, но не угрожал, и взял его за хвост. Змей снова стал жезлом... Что это было сейчас – настоящее превращение дерева в ткани живого животного или лишь иллюзия, подобная тому, что сделали потом египетские жрецы? Для данного случая неважно, нет достаточных данных, кроме понимания, что Богу не затруднительно изменить материал или создать живое из неживого, и каким путём Он шёл в данном случае, Он не уточнил.

То, что сделал Моисей сейчас, он должен был продемонстрировать старейшинам Израиля. Это, сказал Он, "чтобы тебе поверили". Тут можно услышать идею, что если уж Моисей, самый здоровый из евреев, имеет столько сомнений и проявляет столько уныния и апатии, то остальные тем более будут склонны к этому. К этому чуду со змеем Бог даёт ещё пару знамений столь же поражающих воображение – рука, мгновенно изменяющаяся из здоровой в покрытую проказой и обратно, и превращение воды в кровь. И то, что сделал Моисей здесь под руководством Бога, он сможет делать уже сам, когда будет нужно... С этого момента он становится носителем сил, которые называют чудотворными. Думаю, что для него это было внове и чрезвычайно интересно, это изменило его мироощущение, хотя вряд ли он сознательно сравнивал своё состояние до этого и после. Многим кажется, что жизнь людей, имеющих такие способности, совсем другая, мечтают о магических возможностях, но хотя разница действительно есть, однако же конечная участь или счастье человека в будущем от этого фактически не зависит. Больше возможностей – больше ответственности, больше забот, и спасения это несколько не добавляет и не даёт вообще. Можно вообразить о себе больше, чем имеется и много потерять из того, что имел раньше. Также зачастую талант или сила затрагивают лишь одну какую-то сферу, а в остальном человек остаётся тем же ограниченным существом, что и другие. У каждого имеется своя уникальность, делающая этим его одинаковым со всеми остальными уникалами... Скорее уж уникален тот, у кого все характеристики равномерны и невелики, где ни одна не выделяется над другой и величина их средняя или малая.

Но вот после всех этих накачек сюрпризами, от которых любой, да и сам Моисей прыгали бы от радости, он почему-то начинает прямо-таки ныть, прося освободить от поручения – "О, Владыка, я человек неречистый", говорю плохо и неярко, меня не будут слушать, а кто будет слушать, будет скорее отвращаться от того, о чём я говорю, чем проникаться... Бог ему один сюрприз за другим, чтобы воодушевить, а Моисей как бы в ответ находит чем разочаровать... Действительно была такая реальная проблема с косноязычием, произношение Моисея действительно не было совершенно чистым. Прежняя неудача в своих собственных разработках ударила по нему слишком сильно, он в какой-то мере потерял веру в себя, малодушие, кажется, преследовало его все эти годы, и особенно сейчас, когда ему было как-никак восемьдесят лет. Хотя он физически не ощущал себя на наши восемьдесят, но мысли посещали, да и пример окружающих был заразительным. Человек поневоле подражает большинству, и становится как бы совестно ходить бодрячком среди согнутых (необязательно буквально) слабостью сверстников. Так что

Бог не мог судить Моисея за все эти унылые настроения, всё же выдержка Моисея подверглась самой длительной обработке, как никто больше из библейских личностей. Бог ещё раз отводит возражения, находя разрешение и для этой проблемы. Он говорит следующее – "Кто делает человека глухим или слепым или немым?" – подразумевая, что такие вещи находятся в Его власти, и буквально в следующий миг Моисей бы мог быть полностью исцелённым от косноязычия. Но он не воспользовался моментом из-за своего плохого настроения, которое даже предыдущие чудеса не устранили полностью. Бог говорит дальше – "Я буду при твоих губах и языке", но Моисей делает по инерции ещё один шаг в сторону очень нехорошую – "Владыка, пошли другого, кого сможешь послать"... Он в этот момент так наполнился горечью, что был готов отказаться от всего – и своего призвания, и мечты, и от своих страдающих соплеменников, за которых когда-то был готов убивать направо и налево (не потому ли и страдал сейчас от несварения старого и нового?), и от спасения – так как спор с Богом и отказ от призвания, тем более такой вызывающий, хотя и вовсе не дерзкий, а нудный и унылый, ведёт к потере и спасения. Может быть, новый план действий от Бога настолько высвечивал ошибочность его прежних идей, что он выглядел в своих глазах полным неудачником, совершенно никчемным человеком? Думаю, в этом всё дело. Ему было стыдно за воинственность, за стремление к революции и перевороту, за планы организации сопротивления, и смотря на всё прежнее в новом свете, не мог продолжать то, к чему стремилась душа. Он был на грани слома, но оставался всё же тем, кому было поручено великое дело, единственным пригодным из всех. И даже его неприятие себя было гораздо ценнее прежней самоуверенности. "Отвергни себя" – одно из ключевых действий, требуемых для того, чтобы вернуться в прежнюю гармонию с небом, потому что сегодняшнее природное состояние человека, унаследованное от потерявших связь с Богом прародителей, является неправильным. Я бы назвал текущий режим работы нашей природы как аварийный, в условиях разрыва коннекта с серверами небес, и это источник всех наших проблем в личном и общественном планах. И чтобы вернуться в прежнее нормальное положение вещей, надо сначала осознать наличествующую неправильность.

Хотя Моисей и возражал, и выдумал не одну причину для уклонения от поручения, однако он не отказался категорически, и Бог завершает разговор, не давая ему больше возможностей (да они и исчерпались уже) для отговорок. Последнее его "пошли кого сможешь послать" вызвало у Бога уже определённый гнев, и Он дал Моисею почувствовать это в тоне своего голоса, и Моисей понял, что дальше возражать будет опасно, да и сам ощутил некий барьер, переступить который означало отказываться уже не от поручения свыше, а от вообще смысла своего существования. В нём как бы сработал предохранитель – "хватит заниматься ерундой, ты же сам всего этого хотел!", дальше в этом направлении двигаться было чревато. И он выслушал последние указания Сущего, который позволил разделить своё призвание с братом, который умел хорошо говорить. Бог предложил использовать Аарона как глашатая при Моисее, что в принципе даже придавало Моисею дополнительный вес, хотя в конечном итоге, Моисей бы обрёл гораздо больше успеха в своих делах, если бы начинал всё сам, лишь по мере необходимости привлекая тех или иных помощников. Интересно, что Бог, описывая положение вещей, говорит о Моисее как о божестве, а его брата как пророка при нём. "Он будет твоим ртом, а ты ему Богом" – Моисей не мог быть богом по настоящему, в абсолютном значении слова, но в относительном – без проблем.

На этом их разговор (хотя в других случаях это бы было названо "явлением Бога" Моисею или "откровением", как это было с Авраамом, но настрой Моисея сильно понизил торжественность момента) завершился, и Моисей, до которого постепенно дошло, что же здесь было, что это было одно из величайших событий в истории человечества на все времена, настроился на нужный лад и вернулся к своему тестю, священнику Мадиама, с вестью, что для него настало время уходить. Он ждал этого времени сорок лет, но вот чуть было не испортил всё дело своим упадочническим настроением, к счастью это прошло без следа. Взявшись за дело, Моисей

больше не попадал в такие пропасти уныния, кроме отдельных эпизодов, когда было уж совсем невмоготу, но там были к тому причины внешние и весомые.

Возвращение в Египет

Моисей знал, что прежний фараон умер, так что ему уже не грозит преследование за убийство и организацию смуты в стране, и мог снова безопасно там находиться. И он начал собираться туда, сказав, что желает увидеть своих родных и друзей, на что его тесть сказал "иди с миром". Иофор мог знать о задачах Моисея и о том, что он идёт туда не затем, чтобы там жить, но с противоположной целью, чтобы евреи покинули Египет. Это всё было в русле древнего пророчества о потомках Авраама, которым была обещана другая земля, хранителями которой они должны были стать вместо прежних. Это всё должно было быть известно Иофору, но одно дело знать пророчество, и другое быть свидетелем его исполнения. Так что он благословляет Моисея на великое дело.

Моисей взял свою семью, посадил детей на осла и отправился в путь. В пути Бог снова говорил с Моисеем, указав некоторые стратегические ориентиры. Он должен будет сделать переданные ему чудеса перед фараоном. Эти чудеса, делаемые постепенно, не убедят фараона, и Бог предупреждает, что дело будет развиваться постепенно, что фараон будет, привыкая к чудесам, упрямиться и сопротивляться – так должно было быть, Бог в этом всё намеревался проявить для всех времён и народов Свою силу и славу. Основной мотив, который должен повторять Моисей и египтянам и самим евреям, чтобы он врезался в память, чтобы все это поняли, должен был звучать так: "Израиль – это Мой сын, Мой первенец". Не отпустишь Моего первенца – потеряешь своего, так разворачивалась подготовка к освобождению. Планы Бога в этом отношении были впечатляющими, можно сказать даже зрелищными, и то, что когда-то думал делать Моисей в этом отношении, не шло ни в какое сравнение с ними.

В дороге произошло довольно неприятное событие, кажущееся очень многим нелогичным и непонятным. Моисей повествует, что в дороге на ночлеге к ним пришёл Бог и приближался к нему, угрожая оружием, и Моисей пишет, что Он намеревался убить его. Выглядит это довольно странным, однако же нетрудно заметить, что причина для этого была, и довольно существенная. Как минимум один из его сыновей не был обрезан, и жена его, увидев, что её муж в опасности, мгновенно среагировала и этим спасла его. Она быстро подошла к сыну и совершила то, чего по какой-то причине не хотела делать и не давала сделать до сих пор. Но здесь, увидев, что от этого "всего лишь какого-то обряда" зависит жизнь её мужа, она сделала это. Явно, что именно она спорила с Моисеем по поводу "культурных обычаев" народов, сводя этот договор между Богом и потомками Авраама к ничему не значащему обряду, и не хотела, чтобы её сын носил на теле этот знак. Бог же не мог принимать служение от человека, который пусть даже и в небольшом деле отступал от того, что было уставом этого народа. Моисей должен был возглавлять Израиль, и подавать пример легкомысленного отношения к знаку завета было бы разрушительно для всего дела. Спрос с него был более строгий, и Моисей ещё раз убедился в этом, испытав нешуточную тревогу в этот вечер. Не сделай Сепфора как надо, и он мог оказаться мёртвым, и кто бы тогда выводил народ, сколько ещё времени было бы евреям томиться в рабстве? То, что Моисей проявил излишнюю уступчивость, видно из того, что Бог угрожал ему смертью, и если бы он был принципиальнее, понимая важность подачи хорошего примера остальным, то либо он бы настоял и сам обрезал сына уже давно, либо должен бы был как-то убедить её. Не думаю, что было так уж трудно сослаться на авторитет Бога, Которому поклонялись и жена и тесть и убедить их, но Моисей, попытавшись раз или два слегка поговорить об этом, махнул рукой и не стал им ничего доказывать. Он должен был подтянуть все слабые места после того, как на него была возложена эта ответственная миссия, но с этим делом он не поторопился и упустил его, получив теперь такой неожиданный сюрприз. Если кто помнит историю с пророком Валаамом, когда ангел

хотел убить его, когда ещё ослица Валаама заговорила, то там тоже была подобная причина – серьёзная недоработка и в результате они не были готовы и пригодны для выполнения своих задач. Это был важный урок, и Моисей больше не был замечен ни в каких подобных упущениях.

Незадолго до этого в Египте брат Моисея Аарон услышал голос, сказавший ему, чтобы он шел навстречу своему брату, и он отправился в путь. Моисей задержался в дороге, ожидая выздоровления сына после незапланированного обрезания. Возможно, что после выздоровления сына семья не пошла с ним дальше, но вернулась, напуганная масштабом ответственности, причём и сам Моисей тоже был за то, чтобы жена и дети не шли с ним в Египет. Аарон прошёл большую часть пути, придя к ним в Аравию, так что они встретились в окрестностях Хорива, как пишет Моисей. Они не виделись полжизни, так что встреча была эмоциональной, тем более у Моисея были просто великолепные новости. Он рассказал брату всё, что произошло за последнее время.

Когда они прибыли в Египет, то не стали тянуть времени и как могли быстро собрали всех старейшин своего племени. На этом собрании Аарон пересказал всё, что узнал от Моисея. Главы семей, услышав о знамениях, смотрели на Моисея, так что он встал и повторил перед ними все те чудеса, что Бог показал ему. Все обрадовались и воспряли духом, считая, что все их беды и проблемы закончатся. С такой сверхъестественной силовой поддержкой они надеялись, что никакая беда их больше не коснётся. Правда, Моисей сказал о предупреждении от Бога, что фараон не будет их отпускать сразу, что дело будет развиваться постепенно, но на радостях не все уделили этому достаточно внимания. Все поверили, что их Бог вспомнил о них, услышал все их просьбы о помощи и наконец пришёл к ним, за ними... Это было правдой, но мало кто понимал реальные планы Бога, точнее никто, даже Моисей не представлял пока себе, как на самом деле будут идти дела.

Отпусти народ мой

Первые переговоры с фараоном и неприятные последствия

После совещания со старейшинами и оповещения через них остальных, вскорости Моисей с Аароном направились во дворец к фараону. Их приняли как представителей еврейского народа. Фараон мог гадать, с чем эти двое не самых главных людей среди евреев пришли к нему, и был довольно-таки удивлён услышанным заявлением – "так говорит Сущий, Бог Израиля, отпусти народ Мой, чтобы Он совершил Мне праздник в пустыне".

До этого никогда никуда евреи не ходили (да и не пускали их уже давно), каких-то праздников не устраивали, а если и было что-то подобное, то это происходило без отрыва от производства. Уже подозрительно. Фараон знал, что у евреев есть свой Бог, и теперь впервые услышал, что этот Бог обращается к нему. Обращается то ли с просьбой, то ли с приказом. Не знаю, каким тоном Моисей или Аарон передавал эти слова от Бога, могло прозвучать и достаточно вежливо, скорее всего именно так и было, нам не оставлено свидетельства, что Бог предписывал передать Его слова в вызывающем тоне. Даже если это приказ, он был смягчён тем, что Моисей лишь передаёт как посланник, уважающий чужую власть; если же это было передано как просьба, то всё же слово "отпусти" само по себе стоит в повелительном наклонении. Даже просьба от этого чужого Бога была какой-то вызывающей, что-то провоцирующей... А главное ещё в том, как сам фараон воспримет это – очень по разному это могло быть в зависимости от того, какое у него было настроение в тот момент. Возможно, что фараон верил в своих богов, хотя вживую они особо никогда никому не являлись, будучи тенями совсем другого, живого и настоящего Бога, Который сейчас как раз к нему и обращался, но фараон, обучаясь у жрецов, если был достаточно посвящённым в тайны этой кухни, мог знать, что лишь жрецы как-то контактировали с ними, но никогда явным образом они не являлись никому. Он мог думать, и скорее всего именно

подозрения об этом и наполнили сейчас его мысли, что боги далеко, а вот жрецы что хотят, то и могут делать от их имени и приписывать им многое лишнее в своих интересах. То есть, мог думать он, Моисей что-то задумал и прикрывается своим Богом. С другой стороны, у него есть свои боги, которых просто больше, и они могут защитить его от посягательств чужого Бога, если он действительно стоит за Моисеем, свои египетские боги не допустят вмешательства чужих... Ему льстило, что целый Бог этого народа уделяет ему внимание и обращается с просьбой, или даже пусть и приказом, но не действует через его голову, уважает, признаёт его власть над этой страной.

Отпускать сразу, по первой же просьбе? Без всяких переговоров? Нет уж, увольте, так и уважать перестанут – такова психология многих и многих, не только вождей, а любого, кто стремится к власти, хоть какой-то власти или хотя бы преимуществу над ближним, видящего в том выгоды себе, но не её собственную суть. Они ощущают себя не инструментом по благоустройству общества, не координаторами, не защитниками, но достойными большего, чем "низы". Там много гордости, власть ради власти – это плохой инструмент для общества. В то время Египту с правителем сильно не повезло, у власти был, наверное, худший из них за всё время. Зато Бог ощущал Своё право на таком человеке показать Свои возможности...

Со всех сторон у фараона не было ни малейшего стимула прямо сейчас отпускать евреев. При таком раскладе первое, что сказал на это фараон, это "Кто такой Суций, чтобы я слушался его? Я не знаю вашего Яхве (Сущего), и не отпущу Израиль". Могло ли быть по другому? Моисей попробовал повторить, чтобы смягчить первую реакцию фараона, и внёс пояснение, что "наш Бог, Бог евреев, вызывает нас на три дня пути" от Египта, чтобы мы принесли Ему жертву, иначе Он покарает нас какой-нибудь болезнью или наведёт на нас беды. Он как раз попытался представить слова Всевышнего просьбой. Эти причины выглядели существенными для евреев, однако же для фараона, и так не расположенного доброжелательно к ним, они были смешны. Он бы мог даже сказать, что его бы это как раз и устроило, чтобы евреям было ещё хуже, чем есть, но это было бы политически близоруко, евреи могли и обидеться, и вина была бы на фараоне. Но Моисей не зря сказал такие слова – если власти Египта считались заботящимися о их благополучии, то они должны были бы пойти им навстречу, чтобы подданным не было ущерба. Но вместо реакции заботящегося о благе людей правителя фараон явил иной подход, знакомый многим тон радетелей о пропадающих человеко-часах, человеко-днях и того же-годах. "Что это вы, Моисей и Аарон, отвлекаете народ от его дел?" – прозвучало неотразимое обвинение. Люди должны работать на благо страны, а вы тут что-то придумываете... Фараон добавил – "Ступайте на свою работу", то есть даже их, давно отработавших своё людей, заслуживших отдых, пытался заставить работать вместе с остальными. Правда, это было несерьёзно, скорее такой плоской шуткой, никаких надзирателей он к Моисею с Аароном не приставил. И ещё продолжил в том же духе – "народ многочисленный, а вы отвлекаете его от работы". Настолько знакомый с советских времён голос от тех, кто своей мелочностью прививал ненависть к работе и труду и к системе вещей этими лозунгами, что за секунду в масштабах страны производятся столько-то и столько-то всего и всякого, как будто все проблемы страны концентрировались в этих человеко-секундах.

Лозунги, как всякое мобилизующее слово, хорошо работают поначалу, но обычно недолго. Когда люди к ним привыкают, их действенность теряется, и если у идеологических органов не хватает светлых умов, то прежние лозунги, изначально помогавшие повысить мотивацию, разлагаются и начинают портить людей, ухудшать атмосферу в обществе, практически производя обратный эффект. Сколь высока доля влияния умерших лозунгов в разрушении Советского Союза, трудно преувеличить... Когда Андропов выдвинул свежий слоган "Чем лучше мы будем работать, тем лучше

будем жить", повеяло некой свежестью, он не вызывал отторжения как почти все предыдущие, но он был всего лишь один такой и не смог практически ничего изменить.

Моисей с Аароном ушли в этот раз ни с чем, без всякого результата. То есть результат был, но совсем не тот, который ожидался. После их ухода фараон, рассуждая в том же репрессивном духе, вознамерился отбить у евреев мысли о внезапном отпуске. Это он ещё не знал, что евреи собрались уходить... Но со стороны Моисея или даже Бога оповещать об этом фараона означало бы потерять всякую возможность разговаривать, так как об этом не могло быть никакой речи. В этом случае пришлось бы действовать сразу грубой силой, и хотя это для кого-то было бы, наверное, более зрелищно, но Бог хотел в этом противостоянии дать уроки для всех. Он выбирал более мягкий вариант с постепенным раскрытием Своих возможностей.

Пышущий негодованием фараон недолго думал, что бы сделать неприятного евреям, и ему понравилась идея загрузить их работой ещё больше. Для этого он приказал не давать им соломы, которая им нужна была для выработки саманного кирпича, пусть выделяют от себя работников на это и ищут сами. Это уменьшало количество работающих на замесе глины, что вело к снижению выработки кирпича. Однако же задание на количество кирпича не изменилось, и если они могли в принципе напрячься и работать больше и дольше, чтобы компенсировать нехватку рабочих рук, то если они не найдут достаточно соломы, то выполнить свою норму они никак не смогут. Евреи, услышав такие обновлённые распоряжения, увидели, что их жизнь станет ещё тяжелее, и приуныли. Как ожидалось, так и получилось – им пришлось разослать по округам людей, которые искали солому, но так как та собиралась через какие-то ведомства централизованно, то уже была вся собрана (ещё осенью), склады ею были заполнены, но им её не выдавали... Нормы они выполнить из-за этого не смогли и спустя какое-то время их мастеров стали физически наказывать. Никакие оправдания не срабатывали, над ними смеялись – "вы слишком праздны, захотели праздников – так вот вам новая забота".

Люди пошли к фараону с жалобами, но там им ответили тем же. Выходя от фараона, начальники работ встретили Моисея с Аароном – те, зная о проблемах, пришли поддержать своих представителей, но они с порога обвинили Моисея во всех проблемах. Мастера сказали – "Пусть Бог судит вас, вы сделали нас ненавистными фараону, ... дали в его руки меч, чтобы убить нас". Здесь проявился дух недалёких и ограниченных людей, они не выдержали довольно небольшого испытания. Многие люди страдали за свою цель или мечту, за вещи, ради которых стоит переносить трудности, многие не жалели и жизни за благополучие своих близких или своего народа, но здесь и сейчас таких не нашлось. То, что они помянули Бога, не говорит о их вере в Него, это лишь фигура речи для них, но Бог для них нереален, они всё хотели получить сразу и без затруднений. Но как-то получается – это от маленькой цели можно отказаться, если есть преграда для её осуществления, типа "не вышло, да ладно, не очень-то и хотелось", но здесь же цель весьма высокая – выйти из рабства, обрести свободу, обрести страну, которую ещё надо отвоевать... Вот, опять те самые "мрак и ужас" из видения Авраама о будущем своих потомков. Этот мрак настолько сгустился сейчас, люди почти совершенно не соответствовали своим предкам, как будто выродились за четыре-пять поколений до неузнаваемости. И ради таких сражаться с этим миром, когда этот мир поселился в них неискоренимо...? Но и оставить их здесь нельзя – это люди Сущего, все знают их в этом качестве, через их унижение унижен и их Бог. Впрочем, малодушные ещё не предательство, и Бог на этом этапе ещё не искушается оставить их, с пониманием и сочувствием относится к чувствам маленького человечка, то настроение придёт после, хотя Он прекрасно знает, каково большинство из них. Но ради тех, кто имеет другой характер, Он согласен потерпеть всех остальных...

Моисей вместе со всеми был также разочарован, в нём ещё жили его старые наивные представления об освобождении, он ожидал от Бога чего-то большего, чем такое робкое и бесславное

начало. Поэтому он обращается к Богу с вопросом: "Сущий, зачем Ты подверг этот народ такой беде? Зачем послал меня?" Он видит, что от его вмешательства в судьбу народа стало только хуже. Не подумал ли он, что могло бы случиться, если бы он начал освободительную борьбу по своему? Там бы плетью не обошлось, а была бы большая кровь...

Он продолжил свой вопрос к Богу – "Фараон стал ещё хуже поступать с нами, а Ты нас не избавил..." В принципе, пострадали, причём не очень серьёзно, кто-то такие проблемы даже проблемой бы не назвал, лишь начальники из самих же евреев, бригадиры, их работники работали даже меньше, потому что им не удалось найти достаточно соломы и сена. Проблема была лишь психологической, они были морально разбиты и ожидали худшего от своей инициативы. Но Бог не делает им выговора за столь короткое терпение и слабую мотивацию к достойной жизни. Он лишь заверил Моисея, что больше подобного не случится, что после этого пролога Он начинает действовать и проявит Свою силу вплоть до того, что фараон отпустит их и даже выгонит из своей земли. Этого оказалось достаточно для Моисея, остальные же некоторое время тревожились, но и они скоро увидели то, что в Библии названо "крепой рукой Бога". Проблемы же с тяжкими условиями работы прекратились, больше никого не били и не спрашивали о невыполнении нормы выработки, не до того стало...

В этом разговоре с Богом, в ответ на свой малодушный вопрос, навеянный малодушием бригадиров, Моисей услышал нечто новое, что было неким новым этапом в раскрытии этому миру знаний о Боге, с новым именем Яхве-Сущий, которого прежние поколения как будто не знали. Бог повторил ему вещи, связанные с Его планами о наследниках Авраама, показывающие, что происходящее с ними здесь происходило не потому, что Он забыл о них, но именно сейчас пришло время возвращаться к отложенным делам – брать землю хананеев в свои руки, прежние хозяева будут отстранены от управления. Обещанное Аврааму не могло откладываться надолго. Итак, говорит Бог, Я помню завет Мой и избавлю вас от рабства и проявлю Мои силы и чудеса над Египтом и верну вас в вашу землю. Моисей пересказал содержание этого разговора евреям, но они на тот момент были испуганы и не восприняли идеи, лишь со временем, когда стала разворачиваться борьба и египтяне не могли осуществлять свои угрозы, развернули плечи. Впрочем, когда Бог сказал Моисею идти снова к фараону с требованием отпустить евреев, он тоже воспринял это не в самом бодром состоянии духа. Он сказал, что он не речист, как же тогда фараон станет его слушать? Наверное, он думал, что если бы он умел говорить как его брат, легко и цветисто, то фараон пошёл бы навстречу? За ним была сила, создающая миры и вселенные, а он был озабочен своим дефектом речи... Другой бы на его месте ещё радовался, что его дефект как раз наоборот, добавляет врагу неприятных ощущений, досада врага гораздо больше, когда сильнее оказывается кто-то выглядящий неприглядно. Проигрыш тому, кто совершенен, не столь досаден, чем когда проигрывают кому-то с теми или иными недостатками во внешнем виде. Впрочем, это скорее плюс Моисею, что он не злораден...

Противостояние усиливается

Бог не утешает Моисея о том, что его расстроило. Вместо этого Он говорит ему о Своих дальнейших планах и как теперь будет идти дело. И этого более чем достаточно, чтобы Моисей не только сам забыл об унынии, но его воодушевления хватило даже на остальных, пребывающих пока что в полном упадке и отчаянии. Они все думали, что если уж сам Бог не в силах защитить их, и от Его заступничества, выглядящего так неэффектно, стало лишь хуже всем, то что же будет дальше... Говорить о их маловерии было бы очень уж общим местом, но всё же хотя бы вспомнить своих предков могли бы. Видимо не все учили свою историю, не столь уж давнюю, там было достаточно событий, чтобы понять, что если Бог начал что-то делать, то не отступится.

Было сказано, что Моисей назначен фараону богом, боги же способны карать и миловать, то есть фараон будет беспомощен перед ним, как бывает между людьми и богами в языческом представлении. Это как бы в Египет пришёл ещё один бог, стоящий вровень с его богами, только в отличии от его истуканов могущий говорить и действовать. Каков же тогда Тот, Кто стоит за Моисеем? Аарону было предназначено выполнять роль глашатая или пророка, передающего слова нового для Египта бога. Своего рода действие, перформанс... Это сцена, на которой действует Большой Бог, игру Которого наблюдают до сих пор все читатели Библии. Прежде Бог проявлял Себя немного, лишь в Потопе Он явил Свою справедливость и гнев. Для будущих времён нужно было дать некую новую картину о Себе, характеристику, чтобы у людей была возможность лучше понимать Его и Его принципы. Сейчас было время, когда делалась история, на которой Он сделал Себе новую известность. Это не был новый имидж, это развитие прежней картины. Он снова выступил как будто жестоким, хотя уже не таким страшным, как при Потопе, наращивающим давление постепенно, давая противнику шанс одуматься, тогда если бы Его требование было удовлетворено, никаких жестокостей им испытывать не пришлось бы. В этом уже видна определённая снисходительность к непослушным. Но ведь есть ещё и другая сторона, которую этот Бог защищает от обидчиков, от сильных мира сего. Для потомков Авраама Он сплошной позитив без малейшего недостатка, разве что они бы на Его месте мстили обидчикам гораздо жёстче.

Египет имел немало благ от этого Бога в прежние времена, двести лет назад, страна могла придти в упадок вплоть до исчезновения от долгого голода, но они давно забыли об этом, ведь то было при другой династии. Также они поработили оказавшихся среди них пришельцев, что тоже не было честным и правильным делом. Было время, когда убивали детей этих пришельцев, и за это ещё никто не ответил, те репрессии всё ещё продолжались, пусть в более завуалированном виде. Ладно не ответил никто, так ведь никто даже и не думал извиняться, даже не считали это неправильным... Поэтому Бог сказал Моисею, что Он подтолкнёт фараона не сдаваться сразу, а поможет ему посопротивляться, чтобы на этом сопротивлении показать Свою силу и превосходство. Это не было несправедливо, фараон, правивший тогда, вполне заслуживал такого обращения. Накопилось за ним столько с прежних времён, что если бы он испугался и сразу согласился отпустить Израиль, то расплатился бы слишком легко. Это бы вело ко многим лишним проблемам потом – они бы снаряжали военные походы для возврата ушедших, охотились бы за ними в пустыне, ходили и в Ханаан, не давая им укорениться на новом для них месте. Огромным фактором служит также то, что большинство из евреев, не обладая глубоким мышлением, могли считать, что с египтянами можно было бы договориться и просто уходили бы обратно туда, где родились. Так что эта борьба, заострённая Сущим, создала некий барьер в их душе против земли их рабства. Однако даже с этим барьером, зная, что их хотели уничтожить, они не раз говорили о возвращении, и один раз даже уже назначили себе кого-то в вожди и совершенно серьёзно собрались пойти обратно.

То, что Бог собирался, как Он говорил, воздействовать на фараона, чтобы тот не отпускал евреев, многих смущает, однако же любителям справедливости в то же время понятно, что если фараон бы сдался сразу, то все его преступления остались бы неотмщёнными, он бы не дал тогда повода... И это тоже как будто неправильно. В таких обстоятельствах, так ли уж выглядит неправым Бог, заставляя фараона сопротивляться? Однако есть и ещё сторона в этом деле – а заставлял ли вообще Бог сопротивляться фараона? Я такой точки вмешательства не обнаружил. Прямо так буквально, чтобы можно было указать – такого незаметно, то есть не приходил к фараону с требованием не отпускать евреев – Я, мол, ещё не отомстил тебе, не спеши выполнять Моё требование... Не было такого, чтобы через Моисея звучало требование отпустить, а по ночам голоса угрожали не отпускать. Дело было такое, что Богу и не требовалось фактически оказывать какое-либо давление на него. Сама инерция всего того, чем жил фараон до сих пор и его

предки, требовала не отпускать этих рабов. Фараон был заложником самим им созданной системы, невольником всего того, что говорил и делал всю жизнь. Сейчас пришёл лишь момент расплаты, и повернуть назад, изменить себе было немислимо. Сделай он уступку Моисею, он потеряет лицо, потеряет авторитет, а за этим и власть и жизнь. Для многих честолюбивых и гордых властителей это пострашнее смерти... Если где-то Бог и собирался повоздействовать на фараона, то лишь в качестве подстраховки при очень уж тяжёлых воздействиях на Египет, ближе к концу времени тех напастей, что Он обрушил на несчастную страну. В те моменты фараон уже был почти готов сдаться под напором непреодолимой силы, но его самолюбие быстро восстанавливалось, едва проблема уходила. И он уже привык к этому, раз за разом пугаясь, а потом вздыхая облегчённо – "стоит только чуть расслабиться, и сразу всякая ерунда в голову лезет"... Тем более срабатывало правило жизни многих конченных людей – "обещай что угодно, а когда придёт время исполнять обещания, там посмотрим" – обычная практика тех, кого называют нечестивыми в религиозных кругах. Кстати, фараон почти ни разу не давал распоряжения отпустить евреев во время воздействий на него, он сначала просил убрать наказание и только потом будет отпускать, точнее, подумает... Одни эти привычки уже обеспечивали Богу желаемое, что фараон не сдастся до самого конца, Он лишь уверяет Моисея и остальных, что попридержит фараона от преждевременной сдачи, если возникнет такая нужда, но, как мне кажется, Ему так и не пришлось применять Своё воздействие. Просто не видно такого момента, всё обеспечено самой натурой этого правителя и постепенностью увеличения тяжести наказаний.

Фактически, говоря, что Он ожесточит фараона, Бог не говорит, как может показаться на первый взгляд, что будет именно удерживать его силой в сопротивлении, используя что-то типа гипноза или внушения – нет, Бог обеспечивает это совсем другим механизмом, расставляя обстоятельства и дозируя воздействия, используя его собственный характер, то есть подбирая воздействие под его характер, соизмеряя момент и настроение фараона. Никаких чудес здесь не было нужно, достаточно было "читать" фараона.

Первое чудо

Первым чудом, продемонстрированным фараону, был жезл Моисея, превращавшийся в змею. После отказа фараона отпускать народ в ответ на первую то ли просьбу, то ли требование, Моисей с Аароном пришли снова, не смущаясь размышлениями, как это выглядит в глазах египтян. Правда, это как будто могло смотреться неприглядно – их выгнали и сказали, что ничего не будет, а они тут снова приходят и что-то хотят сказать. После первого разговора с Богом Моисей перестал смущаться и зарядил тем же духом и брата, так что фараону было интересно поглядеть снова на настырных братьев – чего же они всё-таки хотят, есть ли у них чего сказать снова? От них он услышал стандартное – "Бог Израиля говорит – отпусти народ Мой, чтобы он отпраздновал Мой праздник". Почему-то вместо того, чтобы заскучать от повторения одной и той же фразы, фараона зацепило выражение "Бог Израиля". Прежде он ясно выразился, что не знает этого Сущего, однако же в этот раз ему вдруг стало интересно, всё же не атеистами были древние – что же это за Бог, что Он может? Захотелось сравнить, устроить состязание богов, сравнить не религии, а те силы, что за ними стоят. И он предлагает – сделайте-ка чудо. Если уж вы о своём Боге так говорите, то покажите, что Он умеет... Если бы Моисей не смог сделать ничего такого, то их бы выгнали с позором и вряд ли бы в дальнейшем разговаривали. Это была не типичная миссионерская беседа, Моисей пришёл знакомить слушателей со своим Богом не на основе книг или сравнении разных Писаний, а с Его силой и возможностями. Этот Бог пришёл показать Себя, защитить Своих и атаковать противников, при этом Бог делал историю, которая потом будет долгие века использоваться для ознакомления людей с Ним и что Он из Себя представляет.

Моисей бросил свой жезл, который тут же стал змейёй. Зрелище было эффектное, однако же фараону это не показалось совсем уж новым, он уже то ли сталкивался с подобным, то ли слы-

шал. И он позвал своих жрецов для демонстрации их возможностей. Это были люди высокого уровня развития, о мудрости Египта в древности говорят все, включая Библию, и им что-то было доступно из области умений воздействия то ли на природу, то ли на человека. Многие говорят, что это было гипнозом со стороны жрецов, это самый простой вариант для большинства людей, хотя и он требует немалой подготовки и сил. Со стороны было невозможно определить, какая сторона какую "технология" использует, где змеи реальные и живые, а где кажущиеся. Практическое превосходство было на стороне Моисея – его жезл, то есть в данное время змей, по-проглатывал жезлы жрецов. Однако же в глазах фараона сами чудеса выглядели равнозначными, и он не собирался пока признавать за еврейским Богом каких-либо преимуществ. На первый раз встреча завершилась ничьей, в смысле так решил фараон, и никаких обещаний о выходе израильтян он не дал. Разошлись, понимая, что этот разговор будет продолжаться. Однако надо заметить, что фараон больше не требует для евреев усиленных нагрузок и не говорит, что они слишком распустились от нечего делать. Те первоначальные трудности от первого визита к фараону быстро угасли, никого больше не били и не заставляли работать тяжелее прежнего. Мне кажется, что евреи вообще перестали работать после первых пары чудес от Моисея.

Чудо второе – вода, превращённая в кровь

Когда Моисей и Аарон ушли от фараона, Бог говорил с Моисеем. Он сказал – "фараон упрям, не хочет отпускать народ". Это было констатацией факта, вступление к дальнейшей программе действий. Он указал, что надо будет сделать завтра – придти не во дворец, а к реке, где в это время будет фараон то ли на прогулке, то ли на каком-то торжественном действе. В последнем случае то, что должен был сделать Моисей, могло подпортить египтянам праздник, но зато было бы весьма действенной демонстрацией силы Яхве. Моисей должен был встать на пути фараона со своим жезлом в руке и выдвинуть всё то же требование о походе Израиля в пустыню для праздника и жертвы своему Богу.

Наутро это было сделано, и Моисей произнёс новую угрозу фараону: "Ты до сих пор не послушался голоса моего Бога. Теперь Он говорит: "из этого узнаешь, что Я Сущий" – вот этим жезлом я ударю по воде и она превратится в кровь. Рыба в реке умрёт и вода будет смердеть, и египтянам будет омерзительно пить воду из реки. И будет кровь во всей стране". После этих слов Моисей ударил жезлом по воде, а Аарон также поднял свой жезл и и обвёл им вокруг в направлении всяких прудов и каналов. Не указано, насколько быстро вода стала краснеть и издавать зловоние, но это произошло на глазах всех. Никто не мог пить воду после этого, её надо было как-то обрабатывать или фильтровать. Это не было смертельно, посидеть какое-то время без воды, тем более время было не жаркое, конец зимы или начало весны, но неприятно. Также если очень уж хотелось пить, эта вода не была смертельной или болезнетворной, только лишь неприятной. Евреям также приходилось одинаково с египтянами терпеть недостаток воды, так что никому не было особо обидно.

Фараон, скривившийся от всего виденного и слышанного, обратился к своим жрецам – что у них имеется против того, что продемонстрировано Моисеем от имени их Бога. Те имели – найдя чистую воду, они продемонстрировали фараону, что это им тоже вполне по силам, так что Моисей и его Бог не выглядели особо выдающимися. Правда, жрецы не стали делать ударение, что им не под силу очистить воду, как и фараон не стал этим интересоваться... А поскольку силы на суд фараона выглядели равными, то отпускать евреев на этом этапе было даже как-то несерьёзно... Так что опять фараон и Моисей расстались, понимая, что встреча не последняя. Несмотря на некоторые неприятности, происходило всё же что-то очень необычное, так что всем было даже интересно...

Люди всё же нашли некоторый выход из положения – они стали копать около реки, и просачивающаяся сквозь песок вода оказывалась достаточно чистой. Так что никто не пострадал. Но красный цвет воды и неприятный запах держались целую неделю. Моисей не тревожил фараона визитом в это время, давая египетской стороне время на размышления. Правда, пока пищи для ума было немного, и фараон сильно не тревожился.

Третье чудо. Жабы

Пока вода была непригодной для питья, никто никого не беспокоил. Моисей не приходил к фараону с требованиями, фараон не напоминал о повышенных трудовых обязанностях (видимо евреям выдали солому и всё пошло как прежде). За неделю все освоились в новой ситуации – евреи стали привыкать к хорошему, египтяне к тому, что надо быть готовыми к неожиданностям. Пережитые чудеса не казались опасными, и неприятности, наращиваемые постепенно, казались если не приемлемыми, то переносимыми. Наконец, когда вода в Ниле и других местах очистилась, пришло время для нового воздействия. Моисею было сказано снова идти к фараону и повторить требование отпустить их, иначе на них придут жабы. Что это будет, было расписано довольно подробно, причём тут мог звучать унижительный подтекст в выражении "подняться на тебя и на слуг твоих". В мифологии египтян лягушки носили позитивный смысл, были связаны со многими из их богов, символизировали бессмертие. Наказание лягушками и жабами должно было вызвать в египтянах разочарование их богами и мифами, давало им практически ощутить ущербность не столь давно изобретённой языческой символики, удалившейся от древних исконных смыслов и истин.

Моисей высказал это фараону с придворными, но фараон не отреагировал, тем более не согласился отпустить народ. И Моисей, как было предписано, сказал Аарону, чтобы он навёл свой жезл на все водоёмы страны, сам в этот раз не пускал в ход свой жезл. На этом они покинули дворец, но довольно скоро появились эти земноводные, массы которых заполняли улицы, дворы, заходили в дома, дворцы и храмы. Фараона же интересовал вопрос о соотношении сил, сильнее ли Бог Моисея его богов. Озадаченные им жрецы тоже вызвали жаб и лягушек, так что для фараона вопрос пока был ясен – его боги выглядят вполне на уровне и поэтому никаких поблажек евреям он пока давать не собирался. Правда, опять был нюанс со жрецами – они могли повторить то, что делал Моисей, но не отменить сделанное им, этим ещё усилив нашествие, вместо того, чтобы ослабить его или защитить от них хотя бы дворец. Но вслух никто об этом не говорил...

Довольно скоро, увидев масштабы кишения жаб и не имея ни минуты покоя, фараон ощутил, что дело принимает скверный оборот – стихия, когда её слишком много, может разрушать... Впервые он попросил о пощаде и пообещал отпустить евреев на их праздник. Но он не сказал, что уже отпускает, а лишь пообещал отпустить, то есть он собирался делать это позже, что было явным признаком, что он ведёт игру даже перед лицом непреодолимых сил. Вызвав Моисея с братом, он просит их – "сделайте⁹, чтобы Суций убрал жаб от меня и моего народа". Моисей попросил назначить время, чтобы исчезновение жаб было чётко связано с волей его Бога и не могло быть приписано случайности и совпадению. Фараон предложил "завтра", и на следующий день эти земноводные остались только в реке, остальные же, бывшие на суше, массово вымерли, что вызвало дополнительные проблемы в виде тяжёлой вони по стране.

Фараон, имея не самые верные настроения и ориентиры в отношении происходящего, когда увидел, что можно снова спокойно ходить по дворцу, излишне успокоился. Он уже привык

---

9 Хотя в Синодальном переводе говорится "помолитесь", но фараон использует слово "атар", изначально означающее "жечь", то есть имеет ввиду воскурить фимиам или совершить некий обряд, означающий ходатайство перед высшими силами. В этом случае означает "походатайствуйте там"...

к спору с Моисеем и его Богом, и вместо страха о будущем испытывал некий азарт "соревнования систем"... Отчасти дело с отпуском для евреев осложнялось ещё и нестыковкой протоколов – Моисей не приходил за ответом к фараону после того, как снимал воздействие, как бы ожидая, что если фараон отпустит их, то пошлёт своих людей известить их об этом, фараон же не спешил посылать слуг, ожидая, что Моисей сам явится за бумагами на освобождение от работ, где его будут посылать от одного чиновника к другому, пока ему не надоест беготня, и тогда в том, что евреи не смогли пойти на свой праздник, виновным бы вышел уже Моисей. Но Моисей не шёл за ответом – когда он приходил в следующий раз, то приходил с новым сюрпризом...

Четвёртое чудо – мошकारа

После жаб Моисей не стал напоминать своё требование отпустить свой народ. Видимо, нужно было какое-то разнообразие. Они с Аароном снова появились перед фараоном и без всякого предупреждения навели на Египет ещё одну проблему. Моисей сказал брату, передавая ему распоряжение Бога – "подними жезл и ударь в пыль на земле". Они ещё сами не знали, что из этого выйдет, и когда Аарон сделал это, то эта пыль стала подниматься вверх, и они увидели, что произошло немыслимое – она ожила и стала мелкими мошками. Наверное, они даже не кусались, хотя они все тянут на себя, как правило, и даже некусающиеся насекомые иной раз начинают кусаться. Эта мошकारа садилась на людей и животных, затмевала зрение, лезла в нос и глаза... Эта напасть длилась, думаю, всего один день, но когда её много, то это неприятно.

Фараон с вопросом поглядел на жрецов, своих учёных мудрецов, которым было известно многое из тайн человека и психики, а также природы, умевших управлять силами – до сих пор они могли повторить всё, что делали Моисей и Аарон. Но в этот раз что-то пошло не так. Они честно пытались что-то сделать, наверное, навести иллюзию мошकारы, но там, где Создатель повторил свои действия, которые имели место при Творении, они никогда не были... Они могли бы создать некую иллюзию, но создать живое из неживого – это работа совсем иного уровня сложности, для которой ни у кого из созданных существ просто нет нужных то ли отделов в мозге, то ли органов, то ли конечностей... Да и иллюзия у них вряд ли бы получилась, слишком много нужно бы было для достоверности проработать деталей. Нет, они честно пытались призвать мошकारу, но если жабы слышали их зов, то они были живые, способные слышать, а пыль на дороге не была живой... Они прямо сказали фараону, что такой уровень работы уже сверхчеловеческий, это рука Бога, однако фараон не был склонен сейчас прислушаться. Мошकारа не выглядела страшным наказанием, всего лишь неопасно досаждала, поэтому внушительным этот аргумент не выглядел. Одного поражения было недостаточно для полного удостоверения, так что согласия ожидать было рано.

Когда животные смотрят на нас, как мы лепим что-то из глины или песка, не кажемся ли мы им тоже своего рода богами, имеющими нечто, что кардинально отличает нас от них? Мы с ними во многом схожи, генетический код у всего живого принципиально одинаков, различия занимают не более семи процентов, если верно помню числа, но возможности этого живого различаются очень сильно. Так Бог, хотя и создал людей по Своему образу и подобию, имеет нечто в Своих способностях, отличающееся сильнее от наших способностей, чем наши руки от лап животных. Как бы искусны и быстры животные не были в своей сфере возможностей, им не создать инструменты, не работать ими. В теории эволюции, чтобы обезьяна стала человеком, она должна была значительно изменить строение руки в вещах, недоступных ей, чтобы стать человеком. Но реального перехода от одного состояния в другое не было и не может быть. Тут нет постепенного накопления изменений, чтобы потом произошёл качественный скачок. И единичной мутации также недостаточно для этого. Тем более гены есть программы, цифровой код, не может произойти аналоговое закрепление

внешних признаков, просто негде, не в чем их закреплять, если нет информационной службы. И случайный сбой в программе, чем является случайная мутация, ведёт к не работоспособности программы, а не к появлению новых свойств программы. Сама сложность живых систем не позволяет единичным поломкам стать чем-то здоровым и работоспособным, только больным и поломанным. Ну и совсем простое – без программиста программы не складываются и, соответственно, не работают. Генетика просто тычет нам в лицо факт наличия в мире Программиста, установившего символическую связь между идеей и замыслом, воплощённом в генном коде, которому соответствует строение белковых молекул (впрочем, не только белковых). Также этот код определяет, какие макрообъекты из них будут собираться, какую форму иметь, как функционировать и прочее подобное. Это гигантская работа, сама собой не могущая быть спроектированной и выполненной, против неё работает закон энтропии, по которому сложное стремится к упрощению и распаду, из-за которого нет ничего вечного в вещественном мире. Чтобы из простого возникало сложное, нужно Усилие, внешнее воздействие, и не просто энергия, но целенаправленно применённая, управляемая Разумом. Чем сложнее работа, тем меньше вероятность её выполнения случайным образом.

Пятое чудо. Слепни

Через какое-то время Моисею было сказано, чтобы он снова пошёл к фараону. Бог сказал ему встать рано и придти к воде, где опять будет фараон. Моисей снова произнёс требование отпустить евреев, и если это не будет сделано, то, предупреждает он, Бог наслёт на Египет слепней. Как и прежние напасти, они появятся в великом множестве, влетая в дома и не давая покоя никому и нигде. Причём в этот раз появилось очень существенное отличие – на этот раз евреев не коснётся эта проблема, в то время как прежде евреи вместе с египтянами ощущали все неудобства и проблемы от нашествия жаб или мошек. Теперь концы города и районы, где живут евреи, будут свободны от всего, что будет насыпаться на египтян. Бог показывал не просто Свою силу, но ещё и изощрённое владение ею, разделяя воздействие на свои и чужих. Это не было полным отчуждением язычников, то есть для Него все люди свои, но здесь и сейчас, из-за того, что Египет был виновен в угнетении Его людей, Он показывал Своё к этому отношение, как он сказал фараону, "чтобы ты знал". И начнётся это, предупредил Моисей, завтра. Фараон ничего не ответил, хотя многие на его месте могли бы уже начать соглашаться, однако этот человек отличался определённым характером. Надо же узнать, что это такое там будет завтра, а тогда и посмотрим...

Мне немного "повезло", как и жителям города, где я жил в девяностые, видеть слепней стаями, подобно как это было в Египте. Наверное, это не было настолько же масштабно, я не знаю, как это выглядело тогда в Египте, но когда они покрывают практически всю одежду как покрывалом, и куда ни хлопни, убиваешь их горстями (была шальная мысль бить их лопатой, мол, эффективнее было бы), а новые стаи роями слетаются туда, где есть хоть что-то живое... Нам нужно было что-то сделать на участке друга, и нам пришлось работать бегом, одной рукой делая дело, другой же прибывая этих насекомых там, где они прокусывали одежду... Невозможно было пасти животных – кто поначалу не понял проблемы и привязывал телят или коз к кольшку, могли не найти их – они металась, покрытые этими слепнями, срывали кольшки и убегали куда глаза глядят. Эта проблема длилась два лета подряд, почему-то тогда был сильный неурожай комаров в той местности, но вместо них повились другие, эти вот слепни. В городе их было не так много, но уже на окраинах было не спастись от их внимания. Псковичи могут рассказать, это было где-то в 95-97, насколько

я помню. В радиусе сорока километров от города творилось то же самое, но где-то была граница, где были комары и численность слепней не превышала нормы, так что по центральным новостям никаких репортажей не было, да и даже в самом Пскове никакие газеты об этом не писали, мне не попадалось.

На следующий день началось – тучи слепней преследовали людей и животных, и залетали даже в дома, которые не были герметичны. Люди убивали их горстями, не целясь – везде, куда ни коснись рукой, они кишели и кусались, кусались... Мёртвые слепни покрывали полы уже слоями, но меньше их не становилось. "Земля погибала от слепней", выразил общее состояние людей Моисей. Долго ли продержался фараон, не известно, но он вызвал Моисея и начал переговоры. И в этот раз он начал не с просьбы удалить напасть, а сразу предложил совершить их празднество, правда не уходя никуда, в самом Египте. Было видно, что он был весьма впечатлён, но торговался отчаянно.

Каноны и правила жертвоприношений у евреев действительно довольно отличались от египетских, и это тоже был фактор, из-за чего евреи были в презрении у многих в Египте, это шло ещё от неприязни к гиксосам, с которыми евреи имели сходство в кочевом образе жизни когда-то. Моисей не зря сказал, что если они будут делать это в пределах Египта, то это будет вызывать негодование, вплоть до насильственных действий. Может быть он и преувеличил относительно побоев камнями, но если в жертву приносят животных, священных для египтян, неприкосновенных, то это всё же вызов всему обществу. Действительно, зачем делать в глазах людей то, что им сильно не нравится, и мало того, что это будет неприятно египтянам, но и самим евреям будет неловко, они будут ощущать неприязненные взгляды и кто-то будет комплексовать по этому поводу – зачем, когда можно сделать всё для всех гораздо более приемлемо? И этот аргумент подействовал, фараон с этим не спорил. Он выразил согласие отпустить их в пустыню, правда, сказал, чтобы они не уходили далеко. То есть не "три дня пути", не семьдесят-сто километров, а хватит и десяти, полдня пути... И прибавляет просьбу, чтобы Моисей сделал что-то со слепнями, поговорил со своим Богом об этом. Моисей ответил, что о слепнях он поговорит и не стал торговаться дальше, его требования были известны и фараон пока не согласился на них. Фараон попросил избавить их от слепней, и они удалятся лишь на следующий день, так что у фараона и всего Египта будет достаточно времени подумать и не настаивать на ограниченных версиях отпуска. Вообще только представьте, как проходили эти первые переговоры, в каком положении кто находился – Моисей стоял спокойно, ни один слепень к нему не приближался, а вот фараон и его слуги должны были отбиваться от стай слепней, движимых жутким голодом. Там должны были быть слуги, отгоняющие слепней от первого лица государства, но они вряд ли могли постоянно наносить удары, как-то суетливо и некрасиво выглядело, не по царски, да и сами должны были отмахиваться от садящихся на них кровососов. Так что фараон, как его не обмахивали, не мог сидеть или стоять спокойно, он должен был так или иначе бить их на себе хотя бы время от времени. Конечно, могла спасти толстая одежда, которую слепни не могли бы прокусить, но и тогда оставались бы лицо, руки могли быть в рукавицах, да и если были складки одежды, то они легко заползали туда и могли пробираться по ним внутрь. Кстати, не было у египтян ни брюк, ни толстых одежд скорее всего, судя по древним изображениям, разве что они могли закутываться в несколько туник, но это вряд ли выглядело прилично. Так что мне трудно удержаться от чего-то такого: картина маслом – "Фараон отбивается от слепней на переговорах с Моисеем"... Почему-то никто из мастеров кисти не взялся за этот библейский сюжет, видимо слишком уж комедийно выходило, хотя скорее не вчитывались в детали, беря лишь прямо обозначенные случаи.

Моисей вышел от фараона и воззвал к Богу. Не говорится о долгих молитвах или разговорах, мне кажется, что здесь было что-то краткое, наподобие "Сущий, со слепнями хватит!" Если

это был вечер, то с наступлением тёмного времени после захода солнца уже считался новый день, новые сутки. Так что слепни могли закончиться уже скоро. Если не ошибаюсь, они активны лишь днём, ночью все отдыхали от них. Так или иначе слепни на следующий день уже не появились, и все вздохнули спокойно.

Люди далеко не линейны, мы сложно, даже очень сложно устроены. Многие удивляются – если выгодно или хорошо делать так, почему бы именно так и не делать, зачем люди не живут так – ведь просто же! Но это очень уж упрощённые представления. У каждого человека несколько линий интересов. И хотя действительно лучше делать "так", но это если ценить простые вещи жизни, а если этих интересов много или некоторые из них лежат в разрушительной области бытия? Тогда одни запутываются, а другие просто решают делать то, что для них выглядит важнее или интереснее, даже если оно и "не так" – вместо долгой жизни выбирают развлекательную, с наслаждениями. И ведь жизнь науки или искусств, ремёсел интересна даже больше, но кто-то не успел этого понять... Иные бессознательно делают это, лишь краем сознания ощущая, что идут вроде не туда, но зачем заморачиваться; другие вполне сознательно рассчитывают пожить в своё удовольствие за счёт ускоренного разрушения себя, а кто-то и других, выигрывая для себя время, но зато полностью перемещаясь в разряд криминала. В общем, "так" живут лишь самые прямодушные из нас, а большинство отклоняется от Пути, к счастью, обычно ненамного, оставаясь более-менее на уровне "добрых людей". Фараон не выбирал простого пути, он слишком много делал "не так", чтобы сейчас вернуться на простой и прямой путь, отпустив евреев на их праздник и не создавая проблем евреям, себе и своей стране.

Чудо шестое. Мор животных

Прошло ещё несколько дней, евреи продолжали свою обычную работу, и никто не вёл речь о перерыве в их трудах на благо Египта. Отсутствие вестей из дворца означало, что надо опять идти туда самому. Только его визитов там многие уже боялись, ни один из них не проходил без сюрпризов, с каждым разом всё менее безобидных. Вот и на этот раз Моисей пришёл к фараону с посланием свыше. Наверное и Аарон был тоже с ним, но теперь Моисей стал говорить и сам, где-то в этих событиях потеряв прежнюю стеснительность из-за дефекта речи, возможно, больше воображаемого, чем настоящего. Он не упрекает фараона за непослушание, просто опять озвучивает послание к нему Всевышнего, чтобы отпустил народ на праздник. В этот раз он грозит на завтрашний день мором животным Египта, с которых люди кормились или на которых работали. Снова Бог говорит о разделении скота египетского и израильского. Предупредив фараона, Моисей удалился. Фараон, как уже стало привычным для него, завяз в противостоянии Богу этого народа, думаю, что он попытался озадачить жрецов охраной благополучия животных, надеясь, что угрозы этого Бога могут быть нейтрализованы и отражены.

Однако на следующее утро посланные принесли ему плохие вести, по всей стране заболело и умерло множество животных. Обвинять кого-то во вредительстве было немыслимо, такое масштабное бедствие организовать без особых приготовлений невозможно, тем более за короткий срок, евреи же все были на виду в ограниченной области страны. Жрецы подтвердили, что животные показывали признаки болезни, всё было натурально. Да и фараон видел, что до сих пор проявлялась именно сверхъестественная сила, поэтому он не отягчал себе участь обвинением непричастных. Однако же данное несколько дней при слепнях разрешение отпуска евреям не подтвердил, сделав вид, будто ничего такого не было или же раз им не воспользовались, то и говорить не о чем. Новая беда больше ожесточила его, чем напугала. Его, наверное, в самом деле захватило противостояние, да и излишняя щепетильность в престиже не отпускали его.

Чудо седьмое. Нарывы и воспаления на коже

Снова без предупреждения Моисей и Аарон по команде свыше сделали ещё одно чудо. Они взяли пепел из печи и бросили его вверх, сделав это перед фараоном, ничего не говоря ему при этом. Тот хранил молчание о своём обещании отпустить, о прежней просьбе удалить слепней, и они тоже молча сделали это. В этот день на людях и животных появились воспаления с нарывами. Жрецы и мудрецы фараона в этот раз оказались неспособны делать что-либо, это воспаление поразило их также как и всех, и мешало им сосредоточиться. В глазах окружающих они были проигравшими, а Моисей победителем в очередном раунде "соревнования систем". Однако почему-то для фараона это было совсем неубедительно – некоторые виды пепла вызывают воспалительные явления на коже, если работать с ним неосторожно, и это казалось ему слишком простым и обыденным. Эти воспаления были свойственны слугам, но не высшему классу, которые не занимались обыденными делами, за которых всё делали слуги и рабы. То, что Бог Израиля сравнял их болезнью со слугами и рабами, фараону не прибавило настроения идти навстречу этим людям. Его сердце в очередной раз "ожесточилось", как говорит Библия, и опять никаких усилий для этого Богу не нужно было делать, с этим фараон вполне справился сам.

Библия не говорит, как долго держалось это воспаление, скорее всего недолго, и это помогло фараону оставаться упрямым и несговорчивым. Моисей и Аарон ушли с этой встречи без результата. Но за этими переговорами давно со всем вниманием напряжённо следили все евреи, да и остальные жители Египта тоже. Отсутствие прогресса на переговорах лишь притягивало всех, и многие задавали вопрос, что будет дальше. Закончится ли всё это благополучно?

Чудо восьмое. Град

Бог снова говорил к Моисею, сказав ему идти с утра к фараону, но в этот раз Моисей должен был говорить речь (хотя говорил Аарон), в которой Бог передавал послание фараону, впервые за всё время. "В этот раз Я пошлю язвы Мои в твоё сердце", на народ, на всех слуг и рабов, "чтобы ты узнал, что нет подобного Мне". Он сказал ему, что мог бы поразить фараона и весь Египет за один удар, но "для того Я сохранил тебя, чтобы показать на тебе силу Мою". Уже давно этот царь мог быть и должен бы был быть наказан, но в рутине дней подобные события не хранятся людьми в памяти и выводы из них мало кто делает. Поэтому Бог оттягивал расчёт, но при этом накопились и сами недобрые дела и проценты за них. Поэтому не думаю, что такой отложенный расчёт выглядит для кого-то совсем уж несправедливым. Зато масштаб событий стало гораздо труднее игнорировать, то есть многие наказания свыше были заметны лишь для тех, кто им подвергся и вскоре забывались. Потоп и сожжение Содомы были заметными и памятными событиями, однако уже довольно давними, и сама забывчивая природа человека требовала несколько освежить понятия для живущих сегодняшним днём...

Если прежние напасти были довольно неприятны и болезненны, однако не смертельны, то в этот раз Бог собирался навести большой град, от которого многие могли погибнуть. И Бог вводит ещё одну ступень отбора – разделение делается не только между евреями и египтянами, но и среди самих египтян, поверившими Сущему и теми, кто не принимал Его во внимание. Те, кто прислушаются к предостережению, останутся невредимы, но беспечные получают беду. История предыдущих наказаний Египта уже могла научить египтян, что слова как будто чужого для них, но весьма реального Бога, не должны игнорироваться. Этот Бог не заставлял их поклоняться Себе, не претендовал на место в их пантеоне, просто просил их отпустить тех, кто был Его избранными людьми. Сначала просил, потом требовал, увеличивая весомость аргументов, и вот дело дошло до опасных воздействий. Его нетрудно было понять и мало кто мог обижаться на Него, многие другие на Его месте были бы намного резче. Простой народ и большинство непростого уже бы давно отпустили евреев, будь их воля, вряд ли у них был какой-либо интерес в их

удержании в стране, но вмешиваться в дела царские было рискованно, тут слова и дела государевы... В результате такого довольно гуманного отношения Бога к противникам и врагам, удерживающим в рабстве Его людей, многие египтяне стали приверженцами живого Бога, отличавшегося от их традиционных кумиров.

"Итак", передаёт Моисей послание Бога египтянам, "пошли вестников собрать стада и людей с полей", чтобы никто не погиб от града. Тут фараон послушался, ибо уже представлял себе силу Того, с Кем он спорил. Интересно, что нашлись, непонятно, много ли было таких, кто не стал собирать ни стада, ни людей в укрытия. Однако остальные вняли голосу фараона, Моисея и Сущего. На следующий день Моисею было сказано протянуть жезл к небу, он сделал это, и начался сильнейший град, какого в Египте не бывало со времени поселения там людей. Молнии при этом, как он описывает, растекались по земле, то есть разряды были долгими и, наверное, были и шаровые молнии. Тем, кого эта стихия застала в поле, выжить было трудно, если только не повезло найти какую-нибудь щель, куда можно было спрятаться. Град побил многие растения, особенно которые уже наливались зерном, но немалая часть более поздних культур не погибла, оставляя людям надежды. При этом там, где проживали евреи, никакого града не было.

Фараон был впечатлён, даже поражён. Сейчас он увидел стихии во всём их буйстве, такие картины мало кого оставляют равнодушными, они потрясают. Он послал за Моисеем и Аароном, и когда они пришли, повинился перед ними – "Я виноват на этот раз". Интересная оговорка сорвалась с его языка про "этот раз", будто раньше он был прав... Он скорее признаёт не вину, а проигрыш в данном раунде соревнования. Из-за этой оговорки он и после "этого раза" свернул на наезженную колею. Или она показывала, что внутри у него ничего не поменялось, его встряхнуло, но всё опять улеглось на старые места. Но пока что он говорит очень хорошо – "Я и мой народ виновны, а Сущий праведен". В давние времена суд был чуть проще, но зато и принципиальнее, чем сейчас – если кто-то выходил прав, то другая сторона автоматически оказывалась виновата, что здесь и озвучивает фараон. И он опять просит сделать Моисея что-то, чтобы гроза и град прекратились. "Пусть перестанут эти божественные громы и град, я перестану удерживать вас". Судя по будущему времени "перестану", в данный момент он ещё не даёт разрешения, а будущее – оно такое... Моисей ответил, что как только выйдет за пределы района, где живёт фараон, то протянет руки к небу и гроза прекратится, "из чего ты убедишься, что земля принадлежит Сущему". Мягкость и податливость фараона были обеспечены сейчас лишь впечатлением от стихийного бедствия, и Моисей сказал ему, что он ещё не испугался настолько, чтобы действительно отпустить израильтян, что он ещё будет продолжать свой курс. В какой-то мере сами эти слова Моисея могли снова настроить фараона на бунт против высших сил, но он и так своим существом был настроен против них, так что Моисей не добавил ему этим ничего. Или всё же спровоцировал на продолжение сопротивления? По крайней мере это было не со стороны Бога...

Спустя некоторое время град и дождь прекратились. Фараон помнил свои слова, однако когда он стал думать, как будет отпускать так презираемых им евреев, оказалось, что вынести все эти процедуры и распоряжения он не сможет... Нужно отдать распоряжения по изменению планов работ, нужно посылать к евреям гонцов с его приказами, и настроение стало падать. Для него это всё выглядело проигрышем и падением престижа, уязвлённая гордость требовала какого-то другого выхода. Таких прямых, открытых обещаний он как будто ещё не давал (некоторое время назад, при слепнях, он предложил совершить их жертву никуда не уходя, не отпуская их), это было первое такое обещание, и нельзя ли ещё потянуть резину?

Чудо девятое. Саранча

Снова Бог говорил к Моисею, что текущий настрой фараона устроен Им с далеко идущими планами, чтобы Моисей и остальные не разочаровывались от безуспешности попыток упротить или заставить фараона отпустить их. Прошло уже столько воздействий, а фараон всё не отпускал их, так что Бог вовремя напоминает о смысле происходящего, чтобы люди не впали в уныние, мол, всё напрасно. Оставалось ещё немного, и было бы неприятно в последний момент получить среди Израиля множество нежелающих покидать Египет и неподчиняющихся Моисею. Поэтому Бог ободряет их известием, что упорство фараона нужно Ему и им для будущей славы и чтобы было что рассказывать детям и внукам. И при всём этом не прослеживается ни одного момента, где бы на фараона надо было воздействовать сверхъестественным образом, чтобы заставить его поступать так, как выгодно Богу. Везде я вижу, что фараон и сам прекрасно справлялся с этой задачей. Подобно как Люцифер с помощью змея и расставленных намёков обстановкой завлёл Еву в ловушку, примерно так же действовал и Бог вокруг фараона, используя его собственную гордыню и прочие черты характера против него же самого. Не зря говорится "язык мой враг мой", и бывают и иные случаи, когда человек сам действует себе во вред (о чём пишут и Соломон и Достоевский) и не может свернуть с плохого пути даже понимая происходящее и чем это может кончиться. И даже дьявол видел, что не может расстроить планы Бога, что Бог использует всё, чем характеризуется его правление человечеством¹⁰ против его же планов. Максимум, что он мог бы сделать, это настроить фараона поскорее согласиться с требованием евреев и отпустить их, чтобы у евреев не было чего вспомнить потом и уменьшить славу Бога как умелого стратега и тактика. Однако именно гордыня фараона не давала сделать даже этого...

Моисей с Аароном пришли к фараону и заявили: "так говорит Суций, Бог евреев – долго ли ты не смиришься передо Мной?" После явлений непреодолимой силы этого Бога это уже не было наглой дерзостью, но скорее указанием безопасного пути, что с ним всё ещё разговаривают, не желая разрушать всю его страну. Правда, сама фигура речи поставлена так, чтобы он опять возмутился, что ему, главному лицу могущественнейшего государства Земли, указывают в такой грубой форме. Скорее здесь и был секрет воздействия Бога на фараона, эти слова заставили фараона упорствовать, а не мистическое невидимое воздействие.

"Если ты непустишь Моего народа, то завтра Я наведу на землю саранчу, на твою область". Здесь Бог ограничивает воздействие, посылая бедствие не на весь Египет, а на ограниченную область, как выглядит из текста, не желая лишать весь народ последних ресурсов, оставшихся после града. Он описывает, что саранча поест любую зелень, также наполнит даже дома, подобно как было в прежних наказаниях. После этих слов они повернулись и вышли от фараона. Если бы здесь был только фараон, то дела шли, наверное, как они шли до этого, но присутствовавшие здесь советники фараона, которые были поближе к жизни народа, пожалуй, недоумевавшие о причинах столь огромного упрямства фараона в этом вопросе, обратились к нему со своим видением дела: "Долго ли он будет мучить нас? Отпусти ты этих людей, пусть они совершат свою службу своему Богу Яхве. Неужели не видишь, что страна гибнет?"

Непредвзятый взгляд на вещи вдруг на какое-то время прочистил фараону разум и он увидел дело с другой стороны, какой Египту был нанесён ущерб. Даже если евреи были источником многих богатств страны и перерыв в их работе в самом деле уменьшал возможные новыеобретения, однако же сейчас страна несла весьма значимые потери, и если не остановить это проти-

---

10 Использую это выражение не в буквальном смысле, человечество достаточно свободно в своих планах и действиях, его "правление" не имеет явных и выраженных структур, ограничиваясь лишь косвенными влияниями. Хотя в отдельных случаях вполне возможно вмешательство вплоть до личного явления отдельным ключевым фигурам в какие-то критические моменты истории, это само по себе как будто не запрещено. Известны расписки отдельных известных личностей дьяволу о "продаже души" ради достижения своих целей.

востояние и борьбу с этим Суццим, то может стать и совсем плохо... И фараон дал распоряжение вернуть Моисея с Аароном к нему и начал решать столь долго тянущееся дело, торгуясь и этим торгом снова теряя возможность прекратить эту войну. Евреям было просто нечего уступать.

Недавно фараон уже сделал первое предложение, чтобы они устроили свой праздник никуда не уходя или уходя недалеко. Но божественное условие для служения было чтобы расстояние от Египта было "три дня пути". Теперь он согласен на то, чтобы они шли так далеко, как им надо, как их Бог требовал от них, но он нашёл другие позиции для торга. Он спросил – кто пойдёт, в смысле вы берёте всех старых и малых? Моисей ответил, что пойдут все и даже животные, они тоже часть того действия, что должно совершиться там. Противостоящие стороны любого взаимодействия обычно рассматривают какой-либо залог, как гарантию того, что их не обманут. Здесь евреи собирались уйти все, не оставляя ничего, кроме жилищ, и поскольку они жили не в дворцах, то фараон имел сильное подозрение, что они могут не вернуться. И он предлагает им оставить в залог их возвращения детей, иначе это выглядит подозрительно, это даёт повод видеть в их действиях умысел, невыгодный ему. И фараон отрезает, поднимая цену ещё выше, отпуская вообще одних лишь мужчин. И на этом разговор прекратили и их выставили от фараона. Фараон посчитал вопрос решённым, думая, что и так слишком много им позволил, такой он добрый... Вот только в споре и гневе он забыл, что за Моисеем и Аароном есть сила.

Моисей услышал, как Бог говорил к нему – "протяни руку твою на Египет, пусть нападёт саранча и поест всё, что уцелело от града". Моисей поднял жезл и обвёл им вокруг, от чего сразу начался восточный ветер, всё усиливавшийся, и наутро следующего дня он принёс несметные стаи саранчи. Её было много, Моисей пишет, что прежде не слышали о такой, и подобной не будет больше. Из зелёного весеннего Египта столичный край стал жёлтым, коричневым, красным, серым – зелёного цвета не осталось. Для людей, живших натуральным хозяйством, кто прямо зависел от выращенного землёй, это был ужас и признак голодной смерти. Надежда могла быть лишь на то, что в других областях не было саранчи и государство через перераспределение ресурсов могло как-то помочь пострадавшей области.

Фараон опять вздрогнул, когда увидел и осознал силу этой жующей зелень стихии. Он срочно послал за Моисеем. Он снова был готов на уступки. Но когда Моисей пришёл, то хотя фараон и повинился перед ними словами "виноват перед вами и Суццим", однако же то ли забыл, то ли отложил торг. Моисей же не стал напоминать и требовать, ведя такую линию – раз просишь, значит это тебе надо и ты готов на уступки. При таком подходе если фараон не отпускал их после того, как воздействие снималось, значит он обманывает. Большого и не требовалось, по крайней мере Богу, это как раз и было то, что Он хотел – чтобы фараон как можно дольше сопротивлялся Ему, и затягивание решения вопроса, хотя и не было сопротивлением, в это прекрасно вписывалось. Если бы тот хотел действительно освободиться от присутствия и воздействий этого страшного и сильного Бога, то давно мог это сделать, выполнив его требование. Нетрудно заметить, что фараон, как и немалое число людей, в одной ситуации впечатляется и готов обсуждать предлагаемый вопрос, в другой, едва меняется фон, полностью переключается в какое-то другое состояние, не желая ни в коей мере испытывать эмоции предыдущего состояния. И мысли у этих состояний тоже совершенно разные. Когда это происходит у тех, у кого расстроены психические процессы, подобное называют маниакально-депрессивным синдромом (или раздвоением?), но нечто подобное имеет место и у совершенно здоровых людей, и тогда это называется двойными стандартами. Разумеется, у здоровых и больных мало общего и никак не хочу их даже ставить рядом, только отмечаю некоторое принципиальное сходство. И также то, что это нежелательное явление, не красящее человека. Двойные стандарты зачастую имеют место, когда человек сознательно относится к одним вещам строго, а к другим снисходительно, но гораздо чаще это происходит бессознательно. Чем меньше мы знаем себя, тем чаще это происходит...

Однажды я себя поймал, буквально схватил за руку – не помню, о чём была конкретная мысль, но я вдруг сообразил, что об одной и той же вещи в одних случаях я говорил людям и себе самому одно, и в других каких-то ситуациях другое, исключаящее первое. И поскольку не помнил прежних случаев, идея была не из тех, которые обсуждают часто, то делал это спокойно и искренне... Но как-то вспомнил о том и о другом мнениях для разных случаев, и очень удивился этому. Проанализировав, понял, что это было оттого, что я не думал глубоко о той вещи, и поэтому в одной ситуации в голову приходила одна сторона дела, а в другой ситуации с другими интересами – другая, и при отсутствии полноты представлений о деле выводы напрашивались разные. Если бы копал глубже, то без особого труда нашёл бы обе стороны дела и мог бы уже делать более взвешенные решения или выводы. В общем, знание – сила. А ещё внимательность и вдумчивость. И искренность, без преднамеренного преследования своих целей любой ценой... В общем, фараон здесь тоже продемонстрировал недалёкость и неосновательность своего мышления и подхода к вещам. Расслабился на верховной должности, чего правителям делать нельзя, жизнь иногда может повернуться не столь удачно, как прежде.

Фараон попросил прощения у Моисея с Аароном, что говорит о его искреннем ощущении беды в данный момент. Наверное, он не был искренен перед Моисеем, но впечатлён масштабом проблемы был вполне, не в первый уже раз. Он опять просит их походатайствовать за него перед их Богом, чтобы саранча была убрана с его земли – "только чтобы отвратил от меня эту смерть..." И при этом опять ничего не обещает, как обычно. Что ж, Моисей, раз его просят, идёт выполнять эту просьбу фараона, оставляя его на собственную совесть, фараон же, раз его ни о чём не попросили и не спросили, ничего и не обещал. И в очередной раз полностью расслабился, когда сильный западный ветер унёс всю саранчу из его области в ту же сторону, откуда она прилетела.

Чудо десятое. Осязаемая тьма

Снова шло время, и как фараон не давал никаких сигналов об освобождении евреев для похода на их праздник, то, как и прежде в подобных случаях, Моисей совершил очередное чудо, не предупреждая фараона, этим напоминая ему о том, что кое-кто всё же ждёт ответа. Фараон не возражал, обычно после такого он признавал, что он сам виноват, что ему пришлось напоминать таким образом. Бог сказал Моисею снова поднять руку к небу, и, сказал Он, в этой земле наступит тьма. Тьма наступила такая, что её описывают как осязаемую, даже свет светильников её не мог пробить. Люди могли передвигаться лишь на ощупь, по памяти, даже в домах никто не видел друг друга, светильники не помогали. И хотя темнота была везде, но в домах у евреев светильники давали нормальный свет, их жилища были свободны от фактора, подавляющего свет. Ни одно наказание Бога не длилось слишком долго, было ограничено и это, но трое суток людям пришлось провести в бездействии. И какие мысли кому лезли в голову, вряд ли угадаешь, разве только общее направление эмоций у разных сторон нетрудно понять.

Фараон как-то сумел послать людей, которые смогли добраться до Моисея, чтобы вызвать его во дворец. Может быть это были служащие из евреев, кому тьма не была столь серьёзной помехой, как для остальных, или же тьма уже уходила на исходе третьего дня, и посланники могли различать дорогу. Фараон был на грани. Он не мог отпустить Израиль без хоть каких-то уступок с их стороны, и продолжил торг, давая разрешение в целом, отпуская даже детей, но в залог потребовал, чтобы скот евреев оставался здесь. В принципе, если бы речь шла только о свободе для евреев и решали они, то они могли бы согласиться на такую потерю ради освобождения, но если можно было взять то же самое за меньшую цену, то зачем тратиться? Моисей мог подождать ещё, и он имел для фараона мощный аргумент, гласящий, что им нужен для жертвы весь

их скот. Они сейчас не могут назначить жертву, сейчас это неизвестно, что они должны принести в жертву, сколько животных – всё это будет объявлено Богом на месте. И даже если бы было известно, каков должен быть состав жертвенных животных и их расписание, то всё же выбирать их из стада нужно было только на месте, своего рода лотерея, на кого падёт жребий. Это на самом деле важный ритуал, и язычники вполне уважали такой метод выбора, жребий во многих случаях священен. Аргумент Моисея был неотразим, но фараон больше не имел предмета для торга. Проигрыш для него был неприемлем и фараон пришёл в ярость. Он перешёл к угрозе – "Берегись, больше не появляйся передо мной. Если ты ещё раз увидишь меня, умрёшь" – таков был его вердикт. Он принял судьбоносное решение о судьбе евреев, что им не видать никакого отпуска и праздника. Их судьба решена – навечно быть бесправными рабами в его стране. Никаких других богов не должно быть, и Египет слишком горд, чтобы пересматривать свой пантеон или уступать место постороннему Богу. В этот только момент Моисей пишет, что Бог воздействовал на фараона, эта вспышка ярости, в принципе, совершенно натуральна и ожидаема, уместна в этой ситуации, и момент для воздействия Бога лишь в том, что фараон опять переместился из одной реальности в другую. Я уже говорил, что фараон несколько раздвоен – он то искренне впечатляется делами Сущего, являемыми ему, то полностью забывает о этой силе и пребывает в уверенности, что может безнаказанно игнорировать её. Здесь он высказал Моисею угрозу, начисто забыв, что только что был готов выполнить его требование, надеясь лишь выбить из него маленькую уступку-гарантию о скоте, залоге возвращения евреев из отпуска... Будь он в трезвом уме, нераздвоенном, оценивающим обе стороны дела одновременно, он, хотя и был бы недоволен неуступчивостью Моисея, просто не смог бы ему угрожать, понимая, что произнёс бы приговор не только себе, но и своей стране. Бог, если даже и воздействовал на фараона в этот раз, то воздействие это было микроскопическим, всего лишь переключением его мироощущения во второй основной режим, где для фараона не существовало внешних превосходящих сил, был только он и вся сила его государственного механизма.

В ответ на угрозу Моисей не стал пугаться, как сорок лет назад. Он воспринял это как нормальный рабочий вариант, когда дела можно делать и без личных встреч. Фараон не хочет видеть меня? – для того, чтобы покинуть эту жестокую страну, эти встречи, в общем-то, и не нужны. В принципе, так было даже и намного удобнее – после финального удара у египтян будет много горя и страдания, и встречаться с противником в этой ситуации как-то не очень. Твоё превосходство слишком очевидно, его униженность и поражение также, и в этой ситуации действительно лучше не встречаться. С другой стороны эта угроза смертью снимала моральные преграды с Бога, давая Ему полное право обращаться с фараоном как с врагом на поле боя.

Пока ещё Моисей оставался во дворце, он высказал фараону о том, что будет дальше. Ему Бог уже раскрыл план, как надо действовать дальше. Нужно было воспользоваться моментом и взять с Египта плату за многие построенные объекты для страны, за которые ему было заплачено лишь едой, что было грабительством.

В этот раз за угнетённых было кому заступиться, и что-то мне кажется, если бы побольше людей были накоротке с Богом, то многие злоупотребления были бы невозможны, поскольку Бог не раз обещал людям защиту. Но если она не востребована или о Боге вспоминают лишь когда становится плохо, на время, а там намереваются и дальше жить без Него, делая много чего запретного или разрушительного, то да, Он остаётся в стороне, оставляя людей жить в той буре, что вызвана стихиями мира – их эмоциями и поступками. Дела могут быть созидательными и могут быть разрушительными, и как Богу защищать людей от последствий сделанного их же руками, когда само сделанное зачастую не считается даже предосудительным или не согрешить кажется невозможным?

Бог сказал ему, чтобы народ просил у своих соседей и друзей драгоценности. Этот факт показывает, что у простого народа на руках было немало изделий из драгоценных металлов. Египтяне жили довольно неплохо, и немалые состояния даже простых людей были основаны на тяжёлом труде рабов. Сейчас восстанавливалась некоторая справедливость. Соседи вполне охотно делились с поднявшимися евреями. Все понимали, что нечто меняется, и евреев они вряд ли увидят скоро. Авторитет Моисея в глазах простого народа был, по его словам, довольно большим, они помнили, что он и их Бог заботились о их жизни, когда был град. Да и сами все чудеса, случившиеся на их глазах, несмотря не те или иные неудобства, не могли оставить их равнодушными. Они симпатизировали угнетённым, зная их жизнь уже долгое время, может быть помня, что они не всегда были рабами. Симпатии были настолько высоки, что многие из египтян просто-таки примкнули к евреям, и когда те уходили из страны, ушли вместе с ними в обещанную им землю. Если бы они руководились не только эмоциями, то вполне могли бы действительно стать частью Израиля и иметь свою долю в их наследии. Этого достигли немногие, но на начальном этапе число присоединившихся было довольно большим.

Этого Моисей не сказал фараону, но сказал, что будет дальше. О том, что в полночь Сущий пройдёт по Египту, и умрёт всякий первенец в стране, и это коснётся даже животных. Для всех остальных безопасность полная, но первенцы обречены, если только не воспользуются средством, которое должны делать евреи. Жест символический, Он называет Израиля Своим первенцем, самым дорогим, что у Него есть на этой земле, и за него Бог готов наказать жёстко. Фараон явно не был первородным у своего отца, поэтому даже такую угрозу пропустил мимо ушей, раз его лично это не касается. После этого, говорит Моисей, слуги фараона придут к нему и сами будут просить их покинуть Египет. "И тогда я уйду", сказал Моисей фараону и с гневом покинул помещение. Его гнев не привёл к необдуманным поступкам, это была эмоция достаточно взвешенная, он лишь выразил своё отношение к правителю Египта и его политике, которая вела его самого и его страну в большие проблемы, и не была разумной в принципе. Напоследок достало, но Моисей умел держаться с достоинством и научился самообладанию. Фараон же, выслушав этот ответ на свою угрозу, так и не проникся. Ведь встреча началась с того, что фараон сам же послал за Моисеем, чтобы отпустить их, конечно же, поторговавшись предварительно и рассчитывая на уступку, но переключившись в режим упрямства и сопротивления, уже не воспринимал реальности нового удара от Сущего.

Инструкции перед выходом. Пасха и Исход

Десять чудес, и каждое показывало силу Бога и радовало евреев, хотя даже для них не всегда они были приятными, тем более для Египта, миновали. Теперь оставалось только одно дело, и к нему надо было подготовиться, иначе могло ударить и по евреям, если бы кто-то не послушался и не выполнил предписанные действия. Бог рассказал Моисею всё расписание действий, и он передал им, что надо делать, чтобы быть готовым к визиту Бога и не пострадать вместе с египтянами. Сделай египтяне то же самое, что делали евреи, они бы тоже были защищены, как ни кажется это удивительным. В десятый день первого месяца общего для многих народов календаря нужно было отделить от стада одного ягнёнка, который должен был пять дней находиться в доме с людьми. В четырнадцатый день вечером на закате солнца он должен быть зарезан и испечён на огне, и эта ночь с четырнадцатого на пятнадцатое число была особой – нельзя было спать, готовясь к тому, чтобы уходить, когда будет на то команда. В эту ночь съедали испечённого ягнёнка по определённым правилам – не ломать его костей и есть с приправами из "горьких трав". Если что-то оставалось недоеденным, то это должно было быть сожжённым к утру. Его кровью нужно было помазать косяки дверей, и это было самым главным во всём том действе. На чьём доме была кровь, тот был защищён от Ангела-губителя. Разумеется, в том доме должны были и есть ягнёнка, кровь которого была на двери и косяках, также никто не должен был выхо-

дуть в эту ночь за дверь – лишь соблюдение всех этих правил обеспечивало защиту от Ангела. Написано, что многие в ту ночь сделали евреями, то есть сделали так, как предписал Моисей всем, кто не хотел оказаться под ударом сам или его домочадцы. И никто из них не пострадал, и после этого те египтяне вышли в путь вместе с израильтянами.

Также в четырнадцатый день в доме уже не должно было находиться ничего бродящего или квасящегося, всё такое должно быть вынесено из домов. Это всё было символично, имело смысл праведности и чистоты, без чего терялся смысл жертвы избавления, как избавлять от смерти тех, кто не очищает себя, кто не хранит закона? Всё то, что сделали тогда евреи по повелениям Бога, стало называться праздником Пасхи – минованием или "пройти мимо". Бог не исключил евреев по умолчанию от угрозы гибели первородных, как было с градом или другими напастями, но объединил обе стороны противостояния под одну угрозу, показывая этим, что все люди грешны и все находятся под одной проблемой и угрозой, и всем предлагается одинаковый путь избавления от беды. В этот раз Он различал не по национальности или происхождению. Не думаю, что среди евреев нашлись беспечные, кто не стал делать предписанного, но зато среди египтян не все выполняли предписанное о Пасхе, так что те, кто были старшими в семье среди египтян, в страхе за свою жизнь вполне могли проситься приютить их на ночь Посещения в тех домах, чьи двери были отмечены кровью жертвы. И сохранили этим свои жизни.

Прошёл четырнадцатый день месяца, и во всех домах потомков Иакова готовили дома и себя к тому, чтобы в эту ночь посещения Проходящий по улицам не зашёл в их дом. Работы было много, кроме подготовки к обряду Пасхи надо было собираться также и в дорогу, причём как можно незаметнее для египтян. Зашло солнце, что было началом следующего, пятнадцатого дня. Израиль пёк мясо своих жертв в очагах, началось пиршество, в котором люди не расслаблялись, одетые и приготовленные в дорогу. В полночь по стране неслышными шагами прошёл Ангел мести, и где он проходил, те, кто были рождены первыми у своих родителей, старшие среди братьев, умирали. Дворец фараона тоже не был пропущен. Погибали не только люди, но и животные.

Люди, предупреждённые Моисеем, ожидали и, наверное, мало кто спал в Египте вообще. Разве только если фараон умолчал и не проинформировал никого о предупреждении, но и в этом случае слух бы всё равно разнёсся мгновенно, даже сам вид делающих необычные приготовления евреев насторожил бы людей. От последней встречи у фараона прошла целая неделя до этого дня. Пасха не готовилась тайно, так что люди знали, что делается и что будет происходить. Когда начали умирать старшие своих поколений, гордость всякой семьи, то во многих местах практически одновременно поднялся вопль скорби. Предупреждения Бога и Моисея сбылись... И всего этого можно было избежать тем или иным путём, от предоставления евреям отпуска до совершения Пасхи по их рецепту. Но люди предпочли ждать до конца, когда уже нельзя было ничего отменить. В то время, кажется, не существовало поговорки о незаметно подкравшемся конце, который был виден издалека, она появилась лишь недавно, но была бы совершенно уместна там. Природа человека оказывается иногда такой беспечной, что даже предупреждённые неоднократно и очень убедительно люди ждут беды, не делая ничего. Авось хорош когда не известно ничего о будущих обстоятельствах, но не в таких случаях, когда предупреждают заранее.

Фараон снова потерял своё упрямство, слишком явно было преимущество чужого Бога, и он понял отчётливо, что если он не выполнит Его требование сейчас, то у страны будет новый фараон, и то если страна не исчезнет вместе с ним. Угроза Моисею забылась, гнев на него куда-то делся, вождь Израиля был прав, а он нет. И прямо сейчас он зовёт к себе Моисея с братом и отпускает, даёт разрешение без всяких условий.

Может показаться кому-то, что при таких силах можно было не заботиться о чём-то разрешении, право силы... Зачем цепляться за правила, когда эти евреи могли давно уже никого не спрашивая просто взять и уйти, и их никто бы не смог остановить, с таким-то Покровителем... Однако же Бог соблюдал правила взаимности в человеческом обществе, уважая все народы и сообщества, подавая пример, как надо вести дела в большинстве случаев, что сила не должна становиться правом, всегда надо начинать разговор, как говорится, по хорошему. Если бы евреи были в опасности истребления, если бы никакие их права не соблюдались, тогда бы можно было действовать иначе, однако же пока были какие-то закон и порядок, нужно было держаться именно этого пути.

Ни о каком торге фараон не думает. Он говорит: "Идите совершите служение Сущему, как вы говорили". Они могли забирать и детей и стариков и скот, никаких ограничений. "Идите и благословите меня", добавил фараон. Удивительное здравомыслие в этот момент – он не держит зла на живого Бога, после столько столкновений Он уже как будто и не чужой... Он знает, что если этот Бог благословит, то очень многое будет компенсировано из того, что он своим упрямством навлёк на своих людей. Слуги фараона также со своей стороны всячески ускоряли евреев, торопили их – после гибели родных и друзей они опасались, что если евреи задержатся здесь ещё, то начнут умирать рождённые вторыми, третьими... Обряд этой первой Пасхи есть одетыми и даже с посохами в руках был более чем к месту в эту ночь, так что едва Моисей и Аарон вернулись, все были готовы выступать. И они выступили. Исход начался.

* * *

С собой они захватили набальзамированное тело Иосифа, который завещал потомкам не оставить его лежать здесь, когда придёт время уходить. Некогда Иосиф не стал, как его отец, устраивать свои похороны в Ханаане, но он считал себя чем-то должным Египту, стране, которой он сделал много доброго, да и для египтян тогда это было бы знаком отчуждения. Но с той поры изменилось слишком многое, и теперь нынешней власти он был неинтересен. Эта страна больше не нуждалась в нём, не считала его достоянием своей истории и не желала помнить его заслуг...

Это была ночь пятнадцатого дня первого месяца. Моисей пишет, что Израиль вышел "четыреста тридцать лет" спустя (это 2523¹¹ год), и это не время обитания их в Египте, достаточно взглянуть на многие родословные (три-четыре поколения от двенадцати сыновей Иакова), а время, прошедшее от обещания отдать землю, на которую он прибыл, его потомству. Четыре поколения они обитали в Египте, как и сказал Бог, причём сам Моисей по отцу был как раз четвёртым поколением¹² от Левия, пришедшего в Египет. Но ему было сейчас восемьдесят, и после него было ещё одно поколение, хотя пророчества это не нарушило, выходило четвёртое поколение. Они задержались на тридцать лет с выходом из-за фальшстарта Моисея, начавшего действовать слишком рано, без команды свыше. Сейчас в той огромной толпе, идущей по дороге на восток, было шестьсот тысяч одних лишь мужчин, нетрудно прикинуть общее число вышедших. С ними шло множество людей других национальностей, которые были спасены ими, возможно, от смерти в эту ночь, или просто впечатлённых возможностями Бога евреев. Нет, это не "еврейский Бог" – у других народов боги являются символическими фигурами, воображаемыми, созданными из предков либо из стихий жрецами и мудрецами, но никак не реальными личностями. Так что их храмы наполнены не славой реальных сил, а лишь почитанием и поклонением, их личной энергией, что они принесли туда воображаемым фигурам, но этого так мало. В эту ночь

11 Если считать надо от входа Авраама в Ханаан, когда ему было 75 лет, это был бы 2513, но я считаю от момента, когда он получил это пророчество, десять лет спустя, когда ему было 85.

12 Левий → Кааф → Арам → Моисей

Бог обрёл Себе народ, который должен бы стать миссионерским проектом по просвещению всех остальных о многом, в том числе и о том, что боги народов, как правило, все были либо отголосками Сущего, либо полностью воображаемыми величинами. Как пойдёт их история – дело будущего, а сейчас был славный момент, который будет помниться вечно, по крайней мере в этой жизни.

Долгая дорога к наследию отцов

Боевое крещение "в облаке и в море"

Манёвры с маршрутом

Люди не торопились – с детьми, стариками и скотом быстро идти не получается. Даже наличие повозок помогало мало, волы не везут их быстро, лошадьми же евреи не занимались. Им приходилось делать стоянки, на которых они готовили пищу и выслушивали первые наставления, передаваемые Моисеем от Бога. В эти первые дни услышанное ими должно было накрепко врезаться им в память, и Бог использует это время для того, что народ запомнил какие-то ключевые вещи, которые бы не только помнились сами, но и способствовали закреплению всего остального комплекса жизненно важных правил, необходимых для построения успешного общества.

Он просил их помнить этот день месяца Авива, месяца колосьева, когда они получили свободу от работы на чужих людей, когда строили то, что им потом не принадлежало, при этом не получая благодарности за это и даже плата их была ничтожной. Помните... Праздник Пасхи ещё не окончился, он должен был длиться целую неделю. Ягнёнок был уже съеден, но целую неделю они должны были питаться пресным хлебом, не давать тесту заквашиваться. В дороге это получалось само собой, не было времени заниматься этим специально, и пресный хлеб было проще делать. Это отсутствие закваски символизировало свободу от разлагающего действия образа жизни, захватившего всё человечество, от всего того, что называется в религии "мирским", то есть общечеловеческой склонностью к нарушению, к превалированию удовольствий над трудом. Им нужно было показать миру нового человека (хотя на деле это получалось плохо, но само требование было уже важным делом), в котором отсутствует то, что портит всё остальное человечество или, по крайней мере, с этим борются. Положение обязывало быть особыми людьми. Также Моисей передал им новое положение о первенцах людей и животных – на них был знак особенности, посвященности. На первенцах Египта Бог как бы присвоил Себе всех рождающихся первыми, и все они принадлежали Ему, эта фигура обрела священный статус. За нечистых животных, которые не могли быть приносимыми в жертву, и за людей надо было вносить плату, чтобы они могли оставаться дома, то есть быть выкуплены от повинности храму, чистые же животные отделялись для жертв, на них нельзя было работать. Эти первые последствия Пасхи должны были быть увековечены в обычаях и обрядах Израиля.

Когда Израиль оказался в походе, впервые за долгое время свободным от тяжёлых работ, это было необычным для них опытом. Они ощущали себя в полной безопасности. К тому же они заметили, что над их собранием неподалёку возвышается необычный столб света, как бы огненный. Он направлял их движение, идя впереди их на восток. Когда настал день, облако осталось, но теперь выглядело как обычное облако тумана, только ниже, не в небе, а достаточно близко к ним. Они знали, что в этом облаке скрывается их Бог, который до сих пор столько сделал для них и ради них в Египте. Временами этот столб останавливался и тогда они все останавливались на привал или ночлег. И этот Ангел, видимый ими как столб облака, повёл их не прямой дорогой –

вместо того, чтобы свернуть на север к Ханаану, Он повернул их к югу и повел в горы к Красному морю. Западный залив они миновали сразу, как только вышли, и шли теперь к восточному заливу этого моря. Но там, где они шли, были горы, которые делали дорогу для них неясной и запутанной, закрывая перспективу.

Тем временем в Египте всё ещё продолжалось... За Израилем следовали люди, посланные проследить за ситуацией, фараон ощущал, что что-то в этом деле не так, и не доверял им, что всё так просто. В принципе, он был прав, но только разговаривать с ним прямо о вещах такого рода было невозможно – если он не хотел отпустить евреев всего лишь на праздник, то трудно предположить, что он делал бы, если бы только заикнуться о том, что их ждёт их собственная земля, обещанная их предкам. Поэтому он сам был виноват, что Моисей ему не раскрывал всей правды. На войне как на войне, если приходится защищаться от насилия и угрозы силой оружия, то невелико дело, что приходится держать врага в неведении о своих целях и планах. И это не было уловкой Моисея, он представлял дело так, как сам Бог ему велел изобразить. Это не было ложью, это была не вся правда. Итак, когда посланные следить за евреями увидели, что после трёх дней пути они не остановились, но пошли дальше, то послали сказать фараону, что евреи уходят. От этих известий, хотя фараон и ожидал чего-то такого, он снова потерял тот настрой, который заставил его отпустить евреев. То, что фараон и его совет при этом сказали, показывает их глубинное отношение ко всему этому комплексу проблем с еврейскими рабами – "Что это мы сделали? Зачем отпустили их, чтобы они не работали на нас?" Смена состояний ума от здравого мышления к агрессивному неприятию Сущего, евреев и всего с ними связанного заразила и советников фараона, которые недавно говорили "отпусти ты их, неужели не видишь, что Египет гибнет?" Или то были другие советники?

Если где-то кто-то до сих пор расценивает других людей как бесправную рабочую силу, то они виновны так же, как и древний Египет в этом отношении. Тогда за евреев вступился Бог, но тот же принцип работает и сейчас – это преступление, и если не сразу, то некогда расплата за это обязательно придёт. И когда придёт, то мало не покажется. Многие до сих пор почему-то сочувствуют Египту и фараону, но это только из-за неприязни к евреям или Богу, забывая о принципах, что это их собственные права. Кража человека и продажа его в рабство в законах Израиля каралась смертью – серьёзное напоминание всем, кто порабощает насильем и угрозами. Хотя это не отменяло рабства само по себе, так как оно возникало в большей степени по экономическим причинам, от бедности или в результате войн и пленения противника, но лишать человека свободы насильно Бог считает злом. Права человека – не вымысел либеральных кругов, за их нарушением Бог следит также, как и за любым другим злом.

Возбуждённые этой идеей о потерянном ресурсе, они тут же собрались в поход, решив вернуть их назад. Получив известия, что евреи уклонились к югу и направились к восточному заливу Красного моря, фараон подумал, что они будут там в тупике, сбившись с пути, и ему останется лишь догнать их по следам, окружить и, показательно наказав некоторых особо упрямых, вернуть назад. Странно, как быстро он забыл о тех силах, которые заставляли его дрожать и извиняться, теряя гордость. Что-то с тем царём было не совсем правильное, но цари тоже люди, подверженные слабостям и ошибкам. Пока что эти его качества оказались как нельзя более подходящими для того, чтобы египтяне расплатились за столетнее угнетение этого народа и жизни младенцев поколения Моисея, за которые никто не извинился и не раскаялся и не было никакого расчёта. Большое войско начало преследование беглецов. Их ярло преследование, возбуждало предвкушение охоты на людей, не имевших воинского опыта и умений. Отследить их путь не было ни малейшей проблемы, следы людей и животных ясно показывали направление.

Западня и избавление

Израиль расположился лагерем на берегу залива, с одной стороны было море, с другой горы и одна дорога между горами, приведшая их сюда. Они были заперты здесь, и в любой другой ситуации были бы обречены. Когда показались египтяне на колесницах и пешие воины с оружием, народ весьма приуныл. Не один фараон легко переключался между крайними настроением, то же самое оказалось свойственно и евреям, они так легко забывали не раз проявленную на их глазах силу их Бога. Если ситуация начиналась с активности врагов или неблагоприятные обстоятельства приходили первыми, то они как-то не догадывались хотя бы вспомнить, что их Бог рядом, совсем рядом, прямо вот перед их глазами в облаке, сопровождавшем их и служившим им Проводником. Нет, они поддавались текущей ситуации и исполнялись эмоциями, происходившими из внешней картины, и не даже пытались хоть чуть-чуть шевельнуть воображением, памятью. Собственно, посреди реальности внешнего мира вызвать или вспомнить что-то из мира внутреннего и есть самая важная суть веры. Все сильные люди именно этим и сильны, что живут не только тем, что видят в окружающем мире, но тем, что они делают с этими вызовами внутри себя, что вспоминают или изобретают, слабые же люди потому и слабы, что их реакции примитивны, они реагируют лишь на воздействия внешней среды, сами себя исключая из факторов, формирующих реальность. Маленькие дети в такой же ситуации вспоминают о матери или отце, могут пригрозить врагу сколь угодно сильному, что сейчас выйдет их отец и покажет тут всем... Но со взрослыми израильтянами было не так. Правда, они закричали к Богу, но даже не ожидая никаких результатов, забыв, что Он рядом – "сильнее кошки зверя нет"... Мало того, что они малодушно перепугались, так ещё в этом страхе сумели найти повод поскандальничать с Моисеем, придаться к нему и обвинить в общей беде, дав выход какому-то подспудному изначальному недовольству этим Моисеем, явившемся из ниоткуда и потрясшему все их основы, которые пусть не были хороши, но они к ним хотя бы привыкли. Их обвинение выглядит прямо-таки предательством всего дела, не только своего собственного интереса, но и планов и дела Бога, имевшего для них, потомков знаменательных святых людей, их богатейшее завидное наследие в той земле, куда они, вообще-то и направлялись. Послушайте эти придирки, скандальный тон: "Разве нет гробов в Египте, что ты привел нас умирать в пустыне? Что это ты сделал с нами, выведя нас из Египта? Не это ли самое говорили мы тебе в Египте, сказав: оставь нас, пусть мы работаем на египтян? Нам лучше быть в рабстве у Египтян, чем умереть в пустыне". Вот как с таким контингентом работать? У Моисея от таких заявок опускались руки. Он знал, что будет такая встреча, что враги должны догнать их, потому что Бог ещё не закончил с египтянами, но вот этот обвинительный тон от своих... Ему было труднее – он страдал от общения со столь недалёковидными сородичами, и его борьба была на две стороны, не только против врагов, но и уже и со своими.

Моисей, однако, не разочаровался в этот миг, как был твёрд множество раз и в последующие времена, когда свои же придирались к нему по каждому удобному и неудобному поводу, находя прямо-таки садистское удовольствие в том, чтобы обвинить его в малейших своих неудобствах. Лишь однажды он потерял терпение, лишившись из-за этого возможности войти в Ханаан. Вместо ответных упрёков, он, научившийся за сорок лет работы пастухом терпению, утешает их: "Не бойтесь". Им не надо ничего делать, просто смотреть и они увидят ещё раз, как и до этого, руку Бога, избавляющего их от бед. Он указал на находящегося рядом с ними их Бога в облачном столбе, и сказал, что сейчас будет действовать Бог, им не надо ничего делать, Он будет бороться с их преследователями. Перед этим сам Моисей испытал мгновение страха, увидев египетских воинов, хотя больше испугался за народ, какова будет их реакция на такой сюрприз. Он не ошибся в своей оценке момента, и обратился к Богу, пока ещё к нему не сбежались люди. Тот ответил ему, что нет никакого повода паниковать. В этот момент Бог объяснил Моисею, как надо действовать дальше – надо сообщить народу, что они пойдут через море... Моисей должен будет своим жезлом указать на море, и оно разделит свои воды, повинувшись этому указанию. Это

Моисей и объяснял сейчас народу. Пока он успокаивал трясущихся от страха людей, даже в этот момент страха не упускающих случая высказать своё недовольство и претензии, облачный столб, находившийся между народом и водой, в том положении, как Он привёл их сюда, поднялся над лагерем и перенёсся на другую сторону, заняв положение между армией египтян и Израилем. Египтяне из-за тумана, появившегося перед ними, потеряли из виду тех, кого преследовали, и остановились лагерем. Соваться в густой туман просто так никто из них не стал, и правильно сделал. Командиры, помня сюрпризы от Суцего, решили подождать, пока туман рассеется, и ждали до следующего дня, проведя ночь в бездействии. Ночь для израильтян была как обычно освещена сиянием из облака, но на стороне египтян была непроницаемая мгла, в которую было страшно заходить и, пожалуй, даже смотреть в ту сторону.

Когда облако закрыло от их взгляда врагов, народ несколько приободрился. Моисей подошёл к берегу и навёл жезл на воды, в результате чего начал дуть сильный ветер с востока, им в лица. За ночь этот ветер настолько понизил уровень моря, что обнажилось дно. Довольно интересно, что Абакский залив Красного моря довольно глубок, но в одном месте порода с берега засыпала дно на большую высоту¹³, и хотя даже в том месте глубина более сотни метров, но раньше эта естественная насыпь могла быть и повыше. Также не исключено, что они находились в районе современного Шарм-Эль-Шейха, там вообще залив очень узкий, и в середине залива находятся острова, и глубины намного меньшие. Путь для беглецов был свободен. При этом Моисей отмечает, что по сторонам их дороги были видны воды выше их уровня, но не спешащие сомкнуться. Люди двинулись в путь, как им и было обещано, и начали они этот переход, как мне кажется, ещё до света. По мере уменьшения народа на берегу облачная преграда перед египтянами тоже отступала, и египтяне, видя, что туман отходит, продвигались на освободившееся пространство. Передвигаясь, они так никого и не встретили, кроме следов пребывания людей, и стали замечать, что они идут очень уж далеко, берег уже давно должен был закончиться, но воды всё не было. Они могли слышать доносящиеся звуки передвигающейся толпы, мычание и блеяние скота, но стена тумана так и не давала им приблизиться к догоняемым. Днём этот туман не выглядел менее пугающим, чем ночью, и никто не пытался войти в него. Им было достаточно, что туман отступает. По сторонам от них видимость была нормальной, и они видели те же стены воды вокруг них, но фараон не давал команды отступать, они были воины и должны были не бояться смерти. Позже апостол Павел сравнил эти две группы людей, переходящие море – египтяне шли вслед за евреями, но без веры или каких-либо отношений с этим Богом (враждебные отношения – не отношения), который вёл одних и преграждал путь другим. Он обобщающе сказал о вере, хотя среди евреев не все были действительно верящими и покорными Богу людьми, но они хотя бы были послушны Его командам, почему Бог мог взаимодействовать с ними и помогать. Египетская же сторона была врагами принадлежащих Богу людей, не признавала Его своим Богом, выступала активно против Него. Неудивительно, что их попытка воспользоваться чужим чудом привела к гибели и командира и подчинённых.

Переход не был долгим, средняя ширина залива около десяти километров, разве что им пришлось идти не прямо, следуя высоким местам. Такой путь занимал для одного человека часа два-три неторопливого перехода, но людей было много, также и стада обычно идут не спеша, и они растянулись большой колонной, так что передние давно отдохнули на другом берегу, пока подтягивались последние. Как ни медленно шли последние, преследователи не могли их догнать, облачная стена не давала им этого сделать. Однако же после часов преследования и медленного хода они стали замечать, что туман редет и собирается в одно место. Постепенно стали проявляться очертания другого берега и находящихся там людей, которых они пытались догнать и вернуть назад в рабство. Дорога была практически открыта, ещё рывок и они настиг-

¹³ По данным Рона Уайета. Также имеется место с небольшой глубиной, в южной крайней части Синайского полуострова.

нут их. Однако же со стороны облака они вдруг ощутили взгляд и присутствие кого-то гораздо больше, чем человека. Моисей пишет об этом моменте, что Суций устремил взгляд на египетскую армию, и они внезапно ощутили себя весьма неуютно. Колёса у их колесниц стали вязнуть, им приходилось толкать их вручную, но и это слабо помогало. Они поняли, что это вмешательство Бога, и поднялся крик – "Бежим! Это Суций помогает им против нас!" В сторону берега бежать не получалось, там стояло облако с Богом внутри него, поэтому бежали назад. Но в это время Моисей поднял жезл и снова навёл его на море, и вода стала возвращаться к нормальному уровню, валы по краям стали смыкаться... Египтяне были довольно недалеко от берега, так что когда бурление вод успокоилось, многие тела египетских солдат вынесло на берег. И лишь теперь народ окончательно почувствовал себя свободным – и от врагов, но главное, от своих страхов. Последние минуты, когда они увидели чужое войско недалеко перед собой, им показалось, что сейчас они побегут, выскочат на берег, и всё окажется напрасным... Даже переход посуху через море, если бы вода не вернулась на место так вовремя, не смог бы их спасти. Чудо и сила Бога едва не дали их врагам такое же преимущество, как и им самим, а оружия у них ещё как будто не было никакого. Так что нервы были на пределе. На этом моменте можно было бы снять весьма драматическую картину, но вряд ли за это возьмётся Голливуд.

Вопли радости, совсем не толерантное торжество над мёртвыми врагами, вырывалось изо всех ртов, все прыгали и веселились изо всех сил. Кто-то хочет осудить их торжество над смертью врагов? Те, кому приходилось быть в опасности, ощущать явную угрозу гибели от ножа или оружия или просто разъярённого сильного человека в невыгодных для себя условиях, не поймут таких морализаторов. После того, как кто-то ощутил присутствие смерти, и затем угрожающий оказался побеждён и уничтожен, вряд ли даже вид его крови испугает или будет неприятен. Воодушевление оживило даже самых слабых и старых. В это время все казались себе твёрдо верящими своему Богу, они убедились, что всё, что Он делает, надёжно и Ему вполне можно доверять и доверяться. Хотя он допустил немало острых моментов, но именно благодаря им остро чувствовалось и ценилось избавление. Если бы армия преследователей погибла вдали, они бы не увидели этого и не смогли бы оценить возможностей их Бога. Их неверие сейчас казалось им столь мелочным и глупым... Если бы ещё не короткая память и не столь придирчивое расположение духа, этот настрой остался с ними навсегда и в большинстве своём они были бы намного более лучшим народом. Но эмоции этого дня мало помогли им в дальнейших испытаниях и воспитательной работе Бога над ними.

К этому надо добавить, что не только Богу поверили люди, но убедились и в Моисее, что было в их условиях тоже очень важным. Часто они были склонны как будто доверяться Богу, но при этом любили поддеть Моисея, однако через недоверие Моисею они теряли доверие и к Богу. Они ощущали связь Моисея, их вождя, с их Богом, и издеваясь над ним, теряли связь и с Тем, Кто вёл Моисея, оскорбляли и Его. Но в этот момент они увидели, что Моисей столь же надёжен и верен, как и Бог, которого он представлял. Прежние придирки к Моисею предстали им в истинном свете, многим было стыдно за проявленное малодушие, упоминание о Египте и упрёки в его сторону. Это вполне могло бы сохраниться и помочь в разрешении дальнейших конфликтных ситуаций, но увы, они, как правило, выбирали иной путь.

Многие люди хорошо понимают значимость тех или иных моментов, хотя иной раз само применение этого понимания оказывается нездоровым. Этот момент избавления не нуждался в пояснениях, всем было ясно, что надо это как-то отметить. Личное веселье уже выразилось в восторгах, прыжках и криках, но великое благо, если группа людей имеет понимающих ведущих, формальных и неформальных, которые могут устроить и общее, коллективное веселье, отметить каким-то празднованием. Это то, что объединяет, сплачивает, скрепы, на которых держатся народы... Моисею не пришлось долго уговаривать никого, вместе с сестрой Мариамью они

сложили просившиеся на язык слова в строки, какая-то музыка уже была на уме и руки были готовы её сыграть. Собрав женский актив всегдашних заводил в песнях и танцах, она научила их словам и музыке, и взяв инструменты, они вышли в круг и начали танец с песней – "Пою Сущему, потому что Он вознёсся высоко – коня и всадника вверх в море". Наверное, я уже отмечал стиль и слог некоторых мест в Библии, называемых песнями в особо возвышенном значении этого слова, которые звучат одинаково в любых переводах, во все языки проникает особое состояние духа, поддержанное присутствием Всевышнего. Здесь это также присутствует, только эта песня не принадлежит одним лишь Моисею или Мариами, хотя это и есть "Песнь Моисея", но всем, прошедшим через этот опыт. Люди веселились уже не каждый по отдельности, но соединились в одно, где все чувства и переживания слились в общем порыве радости. Победа была достигнута не ими, но как можно запретить радоваться ребёнку, которого отец спас из серьёзной проблемы? Сказать, что нечего радоваться, раз победил не он, а его отец? – а это уменьшит гордость ребёнка своим отцом? Не ерундой ли занимается такой разоблачитель? Они и не приписывали победы себе, даже не унижали врага, но радовались избавлению и проявлению силы Защитника, благодарили избавившего их.

Кстати, в этом примере видны некоторые принципиальные различия – предыдущее избавление, Пасха, стало вечным праздником этого народа. Но люди мало видели, что происходит за пределом их круга семьи, не были прямо вовлечены во многие процессы, в результате которых они получили свободу. Сейчас же, прошло едва недели две от выхода из рабства, они радовались весьма прочувствованно и осознанно и ярко, но этот день не стал каким-либо праздником и памятным днём. Всю эту огромную радость они отпраздновали один раз, Бог не дал им заповеди отмечать этот день как праздник, хотя снова была проявлена Его сила и в очень большом количестве. Не думаю, что они забыли это событие, оно навсегда осталось в народной памяти, но праздника как такового установлено не было. Стоит отметить себе этот момент на будущее, когда речь зайдёт о праздничных временах и памятных событиях. Этот вывод имеет отношение к пророчествам и ключевым событиям Апокалипсиса. Просто представьте, что из этого события сделали бы католическая и православные церкви, да и просто самые обычные люди, случись это в раннем средневековье. Евреи не навесили на памятное событие какого-либо священного значения, делая таким образом это событие памятным днём, сравнимым по масштабу с праздником, установленным Богом. В одном случае событие лишь событие в череде многих других более или менее памятных, в другом же праздник отражает глубинные смыслы планов и замыслов Бога.

Синай

Испытание быть народом Всевышнего. Горькие воды Мерры

Торжество закончилось. Проводник Израиля, облачный столб, поднялся выше, что означало пора в дорогу. К облаку-Проводнику уже начали привыкать. Привычка же, в зависимости от того, куда она применена, может быть позитивной либо разрушительной. Присутствие сверхъестественного Существа, в принципе, для природы человека вещь самая что ни на есть естественная – Им мы созданы и на Его заботе и попечении росли, даже если многие этого не замечают и не сознают. Люди достаточно автономные и самодостаточные существа, однако же не всегда. Без помощи и заботы родителей новое поколение просто не вырастет и не будет жизнеспособным. Социальная природа человека требует становления, причём разумного и умелого, не меньше, чем физическое, иначе человек деградирует и теряет человеческий облик, пределом которого является исчезновение. Биологического выживания ребёнка мало, без обучения он не сможет стать взрослым, ответственным, умелым человеком, его возможности останутся почти все нераскрытыми. Этот факт намекает, что есть и более высокая забота о человеке, которую ро-

дители и учителя с правителями неспособны осуществить без ещё более высокой инстанции. Люди занимаются воспитанием и обучением, однако делаемое в этих областях упускает что-то ещё в надёжности и качестве. Эта инстанция отвечает не просто за выживание сегодня, но за обеспечение на завтрашний день, чего человек сам не может обеспечить. Может быть это не очень очевидно, многим кажется, что человек сам по себе бог и может обеспечить себе будущее. Идея просто превосходная, я бы "за" двумя руками, однако мы всё же не одни в этом мире, а главное, что человек нездоров и несёт в себе много разрушительного. Именно это ставит под вопрос наше будущее. Эта проблема, как религия утверждает, в самом по себе человечестве решения не имеет. Бог существует помимо нашей веры в Него или неверия. Разумнее было бы считать, что Он существует и обладает действительно намного большими возможностями, чем человечество во всей его совокупности. Не все станут Ему немедленно поклоняться, но что жизнь стала бы осмысленнее и взвешеннее, а также веселее, это точно. Правда, надо сказать, что лицемерие Бога само по себе не гарантирует праведности и святости, как и послушания и следования пути добра, если сам человек не ставит себе такой цели. Так было с Люцифером, родоначальником зла. Поэтому Бог не спешит раскрывать и являть Себя всем подряд, убеждать чудесами, потому что это никак не гарантирует, что все люди станут праведниками. Правильный характер и надёжность – отдельное дело и долгая работа, и нет никакой гарантии, что все, сподобившиеся увидеть Бога, вдруг полюбят добро и разлюбят свои мелкие и крупные нарушения закона и порядка. Бог знал, что вскоре евреи настолько привыкнут к Его присутствию в их лагере, что забудут об этом и будут делать то, к чему привыкли, без того, чтобы вникнуть сначала, стоит ли это делать или нет. Привыкнут до равнодушия и даже полного игнорирования, будут не замечать, как будто Его никогда с ними не было. А потом из этого состояния выйдет другая идея – если Бог всё же с нами, значит мы уже делаем всё правильно и Он доволен нами (что бы мы ни делали), иначе бы Он с нами не ходил...

Такая идея не учитывает терпения Бога и заботы о них, как о маленьких детях, которых прежде чем наказывать, надо сначала научить, попредупреждать какое-то время, и лишь после этого начинать наказывать. Да и наказывать – это вводит наказывающего в иное состояние духа, в которое не хочется переходить, всё так было хорошо... Родителям знакомо это, если только они не слишком суровые люди, держащие детей в ежовых рукавицах (таким нет нужды переключаться из радостного состояния в суровое, они всегда в одном и том же состоянии...). Довольно неприятно, когда радуешься чему-то, а тут ребёнок что-то не то делает – и после наказания так трудно вернуться обратно, всё настроение хорошее потеряно. Из-за этого многие родители, сберегая своё настроение, не наказывают или не останавливают детей, когда это жизненно важно для всех, и для детей в первую очередь, и теряют возможность вырастить правильного здорового человека.

Поэтому Богу приходится устраивать людям ситуации, где их недостатки характера и привычек выявляются. Когда их заметили, уже можно работать с этим, если такая цель есть, конечно. Три дня они шли и нигде не встречали воды. Время было весеннее, но в пустыне уже достаточно жарко, и хотя облако всегда защищало их от зноя, но вода всё равно требовалась. На третий день стало трудно уже всем, страдали и люди, и животные. Жажда была сильной, и вот они увидели впереди воду. Однако когда попробовали её, никто не смог её пить. Она не была ядовитой, пить её было, похоже, безопасно, но какой повод оказался для некоторых... В результате выдуманного скандалистами претензий большинство стало думать, что воду пить опасно, и это настроило общество определённым образом. Это место так и назвали, или оно уже имело название Горечь, Мерра. Это обстоятельство выявило, кто есть кто, кто бесконфликтен, а кто был замкнут в самом себе и своих интересах. Наверняка в среде народа было немало здравых людей, не спешащих обвинять кого-либо в этом, но даже добрые люди могли заразиться от них этим духом

вечной придирки и недовольства. Столько терпеть, уже падать от жажды, увидеть воду, но она оказывается негодной – что они скажут тому, кто ведёт их?

Многие из нас склонны преувеличивать и даже нагнетать эмоции, и это может привести людей к возмущению вплоть до взрыва. Недобрая черта, нежелательная, как бы поменьше её проявлять, есть ли ситуации, где она нужна и ведёт к добру? Есть и другой характер, здравый, гораздо более терпеливый и спокойный. И в этой ситуации в Мерре, после долгой жажды, столкнувшись с долгожданной водой, оказавшейся непригодной для питья, они могли подойти к Моисею и просто спросить, как быть, не виня его ни в чём, понимая, что не Моисей привёл их сюда. Раз они оказались здесь под руководством Бога, и без воды многим угрожает опасность, то спасший их из столь многих проблем сделал это с какой-то целью и уже имеет решение проблемы, потому что не в Его целях губить людей, которых только что спасал. Может быть это Бог хочет показать им очередное чудо? Однако первыми к Моисею подбежали скандалисты, как правило, самые активные в обществе люди. Они подсознательно тоже где-то ощущали, что Моисей не виноват, но не могли не уколоть его – "что нам пить?" – требовали они от него и винули в своих обманутых надеждах. Этот класс людей, любящих использовать любую возможность, чтобы обвинить кого-то, называют "вредные люди". И чем лучше качество правителя, тем сильнее его критикуют и тем безнаказаннее себя чувствуют, и тем худшие качества ему приписывают, беря за основу свои собственные. Я не случайно уделяю внимание качеству людей, через этот критицизм и необоснованные болезненные придирки в общество Израиля вкрался и закрепился дух восстания, диссидентства, болезненного прекословия. И он стал средством разрушения планов Бога, планов по воспитанию и облагораживанию народа. Поскольку Моисей был связным между Богом и народом, то и влияние Бога через Моисея было ослаблено, вплоть до практически полной потери. Недавно они просили Бога не говорить к ним, так как боялись погибнуть от этого, а Моисея нейтрализовывали, обесценивая его влияние как никуда негодного правителя... Впоследствии (много позже) сам этот дух придирок не развился в постоянную черту народного характера, они прекрасно уживались со многими царями и вождями, и лишь Моисею составляли упорную оппозицию. Но разрыв между Богом и народом, однажды начавшись так вроде невинно всего лишь придирками всего лишь к человеку, постоянно нарастал. Пусть не всё общество разделяло такой подход к Моисею, но именно ненавидящие и завидующие ему всегда задавали тон.

Моисей не стал отвечать на придирки худшей части общества, не тратил времени на ответные выпады, он и сам, как и они, был в некотором недоумении. Будь люди повнимательнее к своему вождю, они бы видели, что он тоже имеет вопросы к Богу (впрочем, такое состояние Моисея было им весьма удобным, чтобы атаковать его в момент уязвимости). И разрешал их так же, как и они сами могли бы сделать – просто спросить. В принципе, они тоже могли спросить Бога, и не факт, что они бы не получили ответа. Позже многие из них претендовали, что всё общество свято, что все они народ Бога, а не один Моисей, однако же обращаться к Богу оставили лишь ему, сами даже палец о палец не ударили в этом отношении, хотя чего проще – просто повернись в сторону облачного столба и задай свой вопрос... Это всё тот же "дым и мрак" из видения Авраама при рассечённой жертве, великий духовный упадок. Врагом было найдено (или создано) уязвимое место, воздействуя на которое, он сумел добиться зарождения и закрепления традиции держаться подальше от Бога. Такая себе привычка. И насколько бы могло пойти дело по другому, если бы крикунам, придирающимся к Моисею по любому поводу, не дали проводить свою подрывную работу, или каким-то чудом их просто бы не было... Единство общества это не столько единство, когда есть лишь одна группа в обществе, но скорее когда разные группы могут находить общий язык и уметь сотрудничать.

Когда Моисей обратился к Богу с некоторым недоумением, разделяя эмоции народа, так как тоже был в некоторой степени разочарован несбывшимся ожиданием, Бог указал ему одно из

деревьев, которое делало вкус воды приемлемым. Исследователи отмечают, что такие растения действительно существуют, что улучшают вкус воды, если она из-за минеральных примесей неприятна на вкус. Так что в этот раз Бог не стал делать чудес, но выступил источником информации, дал необходимую справку. Тоже чудо, но для народа, привыкшего уже к постоянному нахождению с ними Бога, вроде как дело уже и естественное, как к соседу обратиться. В принципе, состояние правильное, как раз к такому "хождению с Богом" Он и хотел приучить людей, чтобы это было совершенно естественным для них, только вот они как-то низвели это несколько ниже, чем оно должно было быть. Как родители близки с детьми, так Бог собирался быть тем же для человечества, только этот мир подпорченностей никак не подстраивался, искажая то одно, то другое, то третье. Родители по определению не могут и не должны быть равными с детьми, даже старшие братья или сёстры в семье становятся воспитателями младших, поэтому как бы ни были родители и дети дружны, порядок всё же определяется родителями.

Отмечено самим Моисеем, что к Богу он обращался громко, во всеуслышание. В этом выражалось и его расстройство от долгой дороги и невозможности пить воду, плюс к этому претензии скандалистов, выставивших его в неприглядном свете, и расстройство, что он подвёл надеющихся на него людей. Люди видели, что он расстроен, однако же идёт со всей своей горечью к Богу, не упрекая Его, как делали они по отношению к Моисею. И они видели, что ответ практически сразу был получен и они получили желаемую влагу, спасшую, наконец, их жизни. В том, как Моисей поступал в трудных случаях, был урок и для них, но, к сожалению, некоторые не перенимали эту черту, так ясно им показанную. Пусть себе во вред, но уколоть вождя для них было дороже, чем все остальные радости жизни. Может не сразу, но постепенно это стало отчётливой чертой характера многих. Эта придирчивость, ярко проявившаяся здесь и закрепившаяся на многие годы, ушла лишь вместе с её носителями...

Введение в Путь

Здесь на этом месте Бог начал просвещать людей, куда они, собственно, попали. Неприятный опыт с жаждой и усталостью был неслучаен, он должен был подготовить людей к обучению, к познанию и пониманию Бога и Его замыслов. Авраам и его ближайшие потомки были хорошо осведомлены о их задачах, но с потомками отдалёнными дело обстояло не столь блестяще. Нельзя сказать, что они совсем забыли своё происхождение и призвание, но всё шло именно к тому. Когда был рождён Моисей, то знания о их призвании ещё были полными, он сам был просвещён матерью об очень многом из их истории, но за прошедшие пару поколений, когда численность этого народа стала резко увеличиваться, столь же резко стала падать духовность, и молодёжь уже начинала считать себя египтянами. Их тяжёлое рабское положение отчасти сдерживало духовный упадок¹⁴, сами египтяне не подпускали их к себе близко и давали им понять, что это у них не выйдет, но многие всё же стремились перестать быть евреями и забыть о своём наследии, считая, что все их беды от их отличий от египтян.

Здесь была первая длительная стоянка после перехода моря, и праздничная обстановка победы там не очень благоприятствовала обучению забытым истинам, но здесь, где был дан хороший урок о доверии и Богу, и назначенному Им руководителю-связному, было хорошее место и момент, чтобы люди начали осознавать перспективы, предназначенные для них. Знакомые с религией могут часто слышать, что Бог призывает людей приходить к Нему такими, как они есть,

---

14 Духовность порядка и закона отличается от того, что является культурой, как и сама культура содержит не только обычаи песен и танцев, но и культуру поведения и взаимоотношений. Кто-то мог бы сказать, что в условиях подавления наступает упадок всего, в том числе и духовности, но в удовольствиях и процветании духовность исчезает гораздо вернее. Тяжёлые обстоятельства очень конкретно напоминают о ценности добра и праведности, своего рода отрицательная обратная связь, разочаровывающая в благах поверхностных.

и это совершенно верно, однако реже говорится, что после этого они не смогут оставаться такими, какими пришли... Человек немного может сделать для себя без Бога, поэтому придти к Нему сначала будет правильным, не ожидая, пока станешь лучше – Он это сделает и лучше и вернее. Но после того, как пришёл, и начнётся процесс улучшения, очищения, воспитания и всего прочего возрождения. Приходить как есть – лишь первый шаг, а второй – стать лучше, точнее воспринять Его средства и не отказаться от тех перемен, что последуют от предлагаемого Богом. Беда, если человек делает наоборот – как-то пытается очиститься сначала сам (обычно это больше просто успокоение, при котором зло проникает дальше внутрь), затем приходит к Богу, думая, что он чист (а это серьёзная ошибка), и дальше уже остаётся прежним собой и ни о каких преобразованиях не думает, хотя и может сделать те или иные поверхностные перемены в себе, которые всё ещё далеки от идеала. К сожалению, во многих религиях такие люди составляют большинство, и это есть та причина, почему "мы живём так странно две тысячи лет"¹⁵. Здесь же лежит основа всего называемого Вавилоном, "великим городом, правящим земными царями, матерью блудниц и мерзостей земных"¹⁶, системой религии, где не религия управляет человеком к исправлению, но человек приспособливает религию к извинению своих дел и недостатков характера. Оно может быть не отражено в доктринах, но это своего рода эпигенетика, влияние среды, когда среда определяет, какие из генов будут осуществлены, а какие подавлены. "Гены" во всём христианстве практически одни и те же, но их реализация весьма и весьма разная. И при этом ещё каждый человек на своём уровне также решает эти же вечные вопросы – соответствовать призванию или извинять свои недостатки, меняться ли под воздействием Плавильщика или оставаться собой прежним, делая всю Его работу в нас напрасной. Так что в каждой из церквей при всей их разнице как правило есть представители этих двух путей. И поэтому любая церковь, и не только церковь, но и духовные и идейные организации, сколь угодно продвинувшиеся в изучении основ, находятся в опасности вырождения в нечто, потакающее слабостям и порокам, даже не теряя какое-то время своих теорий и идей.

В этом месте горечи, в Мерре (символично – обычному человеку не весело слышать о настоящих требованиях к человеку, о том, каким он должен быть), Бог раскрыл людям Свои законы и правила, требования к человеку вообще, и Своему народу в частности. Здесь не было ничего впечатляющего, как будет позже на Синае, Бог не говорил Своим голосом к людям, были просто освежены те знания, которые должны были передаваться из поколения в поколение. Он как бы проверил, хорошо ли потомки Авраама усвоили уроки жизни его и остальных своих предков. Всё это проводил Моисей, это было подготовкой к откровению на Синае большого свода законов, правил, уставов и всего комплекса жизни избранного народа. Давние уроки предков практически всем были знакомы хотя бы отрывочно, но сейчас перед ними предстала некая общая картина из вопросов Моисея ко всем и их ответам, также и встречным вопросам от общества по уточнению многих деталей, о которых родители не всегда могли ответить детям. Для последних поколений, у которых была ослаблена родовая идентичность, это освежение памяти в определённой степени стало возвращением их к своему народу, к славному пути предков. Они перестали стыдиться своего происхождения, им открылись вещи, о которых они прежде не думали, а может быть и не знали. В заключение этих бесед прозвучали слова, обобщающие всё, что они до сих пор видели и слышали и что пережили. Моисей передал слова Бога – "Если ты будешь слушаться Суцего, делать то, что нравится Ему, слушать Его команды и выполнять Его уставы", то на тебе не будет ни одного из тех бедствий, которые Он навёл на Египет. Здесь был очень важный урок – Бог наказывал Египет не потому, что это Египет, и вызволял евреев не потому, что они евреи и лучше других людей, а всего лишь за несоблюдение правил и законов жизни. Избрание евреев на особое место в планах Бога означало ответственность, а не возможность возвы-

---

15 Б.Г., "Вавилон"

16 Откр.17:5.18

шаться над другими. И вообще им предстояло служить всем народам, как Тот, Кому они готовили путь, говорил, что "Сын Человеческий пришёл не чтобы Ему служили, но чтобы послужить", но пока это не было раскрыто. Массы народа не были готовы к такому откровению.

После стоянки в Мерре они перешли в оазис Елим, где могли лучше восстановиться после тяжести безводной дороги и подзарядиться для дальнейшего пути к Синаю. Новая картина их жизни, какой она должна быть, обретенная в разговорах в Мерре, должна была закрепиться в них в этом красивом и хорошем месте.

Манна

После оазиса в Елиме они двигались дальше на восток, прошёл как раз месяц с момента исхода, и их запасы стали заметно подходить к концу. Их скот, правда, не уменьшался, пустыня весеннего времени поставляла достаточно травы для животных, но многие начали волноваться о зерне и овощах. При кочевой жизни земледелие невозможно, также они находились вдали от селений, где можно было менять продукты животноводства на нужное им, и люди посчитали, что они могут пострадать от недостатка пищи. Сами по себе соображения были здравые, но вот в каком духе это было освещено, как подано Моисею, говорило о больших проблемах в их умах и душах. Добрые люди подошли бы посоветоваться, подумать, как вместе решить назревающую проблему. Может быть Моисей уже думал об этом и имеет готовый ответ, и даже если нет, то уж их Бог точно не даст им голодать и болеть, стоит только передать Ему через Моисея свою озабоченность, но ведь нет – надо было обязательно подать это как неспособность Моисея заботиться о них, как будто не Бог ведёт их к славному будущему, а Моисей жульничает и злоумышляет против них что-то. Ужасные сердца... Главная беда, в этот раз уже не какие-то отдельные скандалисты стали придирается к нему, а уже всё общество пропиталось этим духом. И когда неприязнь захватила все умы, то придирки стали уже искусством, яд жажды укусить побольнее начал подводить их к опасной черте, когда они говорили уже не просто против Моисея, но и против Бога. Да, прямо на Бога они ещё не осмелились говорить, это было впереди, однако Его планы и замыслы о них они уже подвергли критике – сам выход из Египта стал для них ошибкой и бедой, они этим говорили, что не нужно было уходить оттуда. Они сказали буквально следующее: "Да если бы мы умерли от руки Сущего в земле Египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта! Вы вывели нас в эту пустыню, чтобы все собрание это уморить голодом", то есть как будто Моисей с Аароном сделали это всего лишь чтобы вот так взять и уморить больше миллиона человек голодом! Это уже чёрная неблагодарность, и это голос подавляющего большинства... Нет, они так не думали, это всего лишь жажда куснуть, уязвить, обидеть. Но эта жажда заставляла их преувеличивать, лгать на их вождей, таким образом заставляла их вместо реальности выдумывать себе что-то выгодное для текущего момента. Так люди ослепляют себя, и человек делает для себя невозможным различить правду и истинное положение вещей. Такое озлобление может возникнуть даже без причины, оно может быть направлено не только на вождя, но и на соседа, на другой какой-то народ, и хотя всё общество будет кипеть негодованием на кого-то воображаемо нехорошего, массовость и единство их злобы не сможет стать истинной из-за их единства. И хорошо такие вещи не кончаются.

Насколько я понимаю, скандалили люди последних двух поколений, молодёжь и те, кто родились в последние семьдесят лет, когда их положение в Египте улучшилось после прекращения самых тяжёлых репрессий. Как раз они и составляли огромное большинство народа, их деды и прадеды оказались в меньшинстве и их голос был слабо слышен. Но даже и среди старших поколений запросто могли быть противники Моисея, так как они имели к нему свои претензии – став вождём, Моисей невольно потеснил их княжеские звания и положение. И голоса таких старейшин также сливались в единой гармонии в придириках к Моисею. Между старыми и молоды-

ми ощущалась ситуационное единство, и здоровые голоса терялись в общем ропоте. Ради котлов с мясом они были готовы умереть в Египте вместе с египтянами, возможно, даже осознавая, что для того, чтобы Сущий убивал их, как они говорили, они должны были бороться против Моисея, быть против выхода из Египта, быть на стороне фараона... Когда они стремились к свободе, это было романтично, но теперь, обретя её, они взглянули на всё прошедшее какими-то совсем иными глазами – теперь им казалось, что никакой такой свободы у них сейчас нет, кругом какие-то ограничения и требования, нехватка то того, то другого, в то время как в Египте хотя и была тяжёлая работа, но зато они имели достаток еды и какой-то привычный круг вещей, да и даже работа уже не казалась такой тяжёлой, как была. Стремилась ли они назад в рабство, было ли это проявлением пресловутой "рабской психологии"? Вряд ли так буквально – для них сейчас рабство не помнилось, им казалось, что через оегипчивание их перестанут считать людьми низшего сорта и проблемы со временем прекратятся, они ощущали неплохие перспективы, которые теперь потеряли... Только вот что по этому поводу считали египтяне и власти страны – большой вопрос, так что их представления были наивными, и по меньшей мере лет сто им не на что было надеяться. Это Моисей принёс те перемены, когда они ещё в Египте стали ощущать себя людьми, и ошибочно перенесли эти ощущения на прежние времена. И сейчас эти люди третировали Моисея, лишая его ореола власти и мудрости, отвергая того, кто принёс им желаемое избавление, о ком они молились многие годы, развенчивая этим и Того, Кто ответил на их просьбы и поставил Моисея среди них.

Проблемой было не только огорчение Моисея, и не только то, что прерывалась связь и облагораживающее влияние Бога через него на общество, а то, что люди теряли возможность выполнить задание... Если бы они в ситуации, где были искушены придираться к Моисею, шли неконфликтным путём, то научились бы доверяться Богу, их характер в этих трудностях изменялся благодаря терпению и самобладанию. Да, неконфликтный путь это прекрасно, но как же тогда шпильку Моисею подкинуть? И ради этого ничтожного удовольствия они жертвовали своими характерами, теряли возможности совершенствования, деградируя в неприязни. И ведь все их трудности посылались им как раз для выработки нужных качеств, но они теряли эту возможность.

Моисей и Бог пока как бы не замечали злобного тона и слов оскорблений. Может быть ещё одумаются, да и если обижаться на этих детей, то они ещё больше станут придираться, если же не реагировать, то часто отсутствие реакции на оскорбление разочаровывает обидчиков, они теряют интерес к этому делу (много раз видел такое, оно вполне работает) и оскорбления смолкают. Но это в норме, здесь же не работало ничего – и реакция и её отсутствие одинаково воспаляли жажду придираться ещё и ещё. В принципе это закономерно – помимо видимого присутствия Бога с Израилем там находились также и невидимые агенты зла, которые весьма успешно работали над теми, кого видимое присутствие Бога уже не трогало, по привычке...

Бог увидел реакцию людей на Его испытующее обстоятельство и, конечно, был разочарован. Претензии людей были обращены как будто только против Моисея, ни в коем случае не против Него, однако же и Его характер уже был очернён этой сентенцией – "если бы мы умерли от руки Сущего, лишь бы быть у котлов с мясом"... Но на первый раз прощается. Это не было прощением греха, это не было проигнорировано в Его реестрах, свидетельства о том всё ещё хранятся там против тех, кто не раскаялся в сделанном до времени суда, но наказывать их Бог не стал в тот момент, снисходя как к маленьким. Если бы они изменились и переоценили делаемое ими, оно было бы и совсем прощено как исправившимся, для этого Бог и проявляет Своё долгое терпение. Как бы не обращая на это внимания, Он говорит Моисею, что накормит людей и мясом и хлебом, передавая инструкции, как надо обращаться с новым продуктом, прежде невиданным – манной. Их нужды были объективны, запасы пищи действительно сокращались и был

близок день, когда ничего не останется. Всего лишь та форма, в которой сия нужда была высказана... Но Бог снисходил к этим недалёким грешникам, рассчитывая на их сотрудничество в выработке новых характеров и нового человека. И он собирался даже сейчас угостить их по царски, дав не только пищу для поддержки любых нужд их тел, но и деликатесы в виде мяса. Не служили они, но как показать, что Бог в принципе Хороший Парень, что людям с Ним было бы выгоднее и лучше по всем статьям?

На упрёки и вызывающие слова Моисей ответил просто: "Вечером вы узнаете, что Сущий вас вывел из Египта, и утром увидите Его славу. Что мы такое, что вы обвиняете нас? – ваши слова против Сущего, а не против нас. Он слышит ваши обвинения, но это против Него, а не против нас". В то время, как Моисей отвечал людям о планах Бога, он обратил внимание людей, что сейчас к ним хочет говорить Бог, и когда они повернулись в ту сторону, где было облако, в котором находился Ангел-Сущий, оно приблизилось к ним, и люди увидели, что Моисей слушает какую-то речь, идущую к нему из Его присутствия. Потом Моисей обернулся снова к людям, и рассказал им ещё о планах Бога вдобавок к тому, что ему было раскрыто перед этим. Он передал суть послания Всевышнего к этому народу: "Я услышал ропот Израиля. Вечером будете есть мясо, и утром насытитесь хлебом. И узнаете, что Я Сущий, Бог ваш".

Вечером на лагерь израильтян стали приземляться перепела, большие стаи. В это весеннее время перелётные птицы летели на север, и огромная стая птиц решила расположиться прямо в этом месте. Изголодавшимся по мясу людям хватило. Наутро же их ожидал ещё один сюрприз, хотя вряд ли он казался им столь же ценным, что и вечерний дар, правда тем, кто переел мяса, часто хочется чего-то другого. Утром, когда ночная роса высохла, на поверхности земли обнаружилась новая деталь, которой они не встречали раньше – что-то мелкое как песок или крупа. Они знали, что утром их ожидает хлеб, но в каком виде он появится, не было известно. Люди смотрели и спрашивали друг друга – что это? По еврейски это звучало "мана?", так что этот вопрос как-то закрепился в памяти людей и стал названием этого "небесного" или "ангельского" хлеба. У людей есть немало версий о происхождении этого съедобного продукта¹⁷, начиная с естественных, однако даже то, что это вещество сопровождало евреев во всех их путешествиях, перемещаясь вслед за ними, указывает, что как минимум управление им было сверхъестественным. Люди могут иметь поддержку для их нужд, судя по тем событиям, везде, независимо от ресурсов той или иной территории. Подобное происходило с водой, и также это может быть с любой другой необходимостью человека. Нужно лишь одно условие – присутствие рядом того, Кто обустроивал наш мир, хотя важно ещё не быть с Ним при этом во вражде... Разумеется, Он не станет покрывать запросы людей там, где нужно поработать для обеспечения своих потребностей, но в случаях недостатка ресурсов на Него можно рассчитывать.

Людям было сказано, что норма сбора манны – одна мера¹⁸ на человека в день, которая равнялась примерно два литра или чуть больше. Не знаю, все ли вышли собирать её или представители от семей, но всем вполне хватало. Вкус этой манны был, как пишет Моисей, одновременно хлебный и сладкий. Получался как будто десерт, может не самый сладкий, но совершенно не безвкусный. После многих лет такой диеты Моисей говорит Израилю, что они не имели в своём странствии никаких проблем со здоровьем, и это во многом связано с составом того, что они ели. Да, были недовольные, но никто не пострадал от этого однообразного питания.

Собирали не всё, что выпадало в окрестностях лагеря, и Моисей предостерегал от собирания в запас. Те, кто отложили собранное на следующий день, не смогли этим воспользоваться –

---

17 В том числе и сегодняшние случаи с выпадением чего-то очень похожего. Кому интересно, погуглите на английском "манна, Angola". За полную достоверность для неверующих ручаться не могу, хотя для меня это факт.

18 Хомер, гомор, омер (мера?) – как-то так передают с оригинала разные переводчики. От 2 до 2.5 литров объёма.

завелись черви и появился неприятный запах. Многим бы такое обстоятельство не казалось проблемой, однако же у Бога было одно существенное требование к Израилю – в его рядах не должно находиться ничего осквернённого, в том числе гниющего и разлагающегося (квашение хлеба сюда не входит, лишь на Пасху квашеное становилось нежелательным). Это бы привело к тому, что Бог мог оставить их, отвернуться от них. Они должны были следить сами за порядком, и в принципе делали это достаточно успешно, большинство людей было с этим требованием совершенно согласно. Чистота и опрятность были стандартом, без этого жизнь людей начинает расшатываться и идти под откос, почему-то это обычно так. Поэтому, когда манна на следующий день стала протухать и запах выдавал семьи нарушивших предписание, то Моисей с гневом предупредил людей не делать этого больше. Думаю, первого опыта было достаточно, никто больше не пытался хитрить и нарушать этот порядок.

Однако приближался выходной, седьмой день, недавно восстановленный в своих правах в этом обществе. Прежде из-за охлаждения людей к Пути и упадка, связанного с рабством в Египте, субботний покой был многими забыт или оставлен, однако в Мерре, где состоялся большой разговор о целях и планах Бога о них, уставы и порядки Всевышнего были подняты на должную высоту. В шестой день недели, что у нас называется пятницей, Моисей предупредил, что заготавливать надо вдвое больше, чем в обычные дни, потому что завтра манна не выпадет. Бог таким образом приучал людей не работать в седьмой день, прививая им понятие о особом качестве и статусе седьмого дня, которым было запечатано Творение. Собранным в шестой день надо будет питаться не только в этот день, но и на следующий. Пятница стала днём приготовлений к праздничному седьмому дню, каждый седьмой день был праздничным, где люди должны были восстанавливать израсходованные в работах силы, а также и продвигаться в развитии. Может быть не все этим пользовались как надо, но таков потенциал субботы – восстанавливать и развивать человека, смена физических занятий на умственные сама по себе может много сделать для человека.

Всем, наверное, известно, что многие процессы роста или развития происходят не в активном состоянии организма, а когда он отдыхает. В состоянии покоя те усилия, когда человек что-то пытался освоить и у него не получалось сразу, как раз и "укладываются на свои места", для этого нужна тишина.

Моисей передал инструкции от Бога, однако в субботу некоторые люди не удержались от того, чтобы всё же взять сосуды и пойти попробовать собрать манны. Однако её не было. Если из-за порчи манны сердился Моисей, то на это нарушение высказался уже Бог, сделав выговор Моисею, что люди не держатся порядка. Может быть Моисей и не был в силах один организовать поддержание выполнения уставов, но то, что Бог выговаривает ему за всех сразу, причисляя и его к числу нарушителей употреблением "вы", указывает на то, что по крайней мере стоило попытаться установить такую службу в обществе.

Манна, собранная в пятницу, на следующий день не портилась, что вызвало некоторое удивление и благоговение перед избирательным действием божественных сил¹⁹, подтверждавших Его слова. Они вспоминали сказанное Богом о том, что Он даёт им день отдыха, и поэтому делает так, чтобы в этот день им не приходилось собирать манну, давая двойную норму в пятницу.

Искушение-и-Спор (Масса-и-Мерива)

Они уже почти достигли цели – гора или массив гор, называемый Хорив, а также и Синай, были уже рядом. Облачный столб, ведший их, остановился, однозначно показывая, что здесь они

19 Вроде как и существование "демона Максвелла" становится возможным...?

должны расположиться лагерем. Обычно там, где Бог вёл их, было необходимое для них, особенно вода. Но здесь, в Рефидиме, её не было, повторялась ситуация с нехваткой воды. Бог уже испытывал их в этом, хотя это был больше урок, чем испытание, и сейчас был тест для одних, и повторный урок для большинства. Прежний урок они провалили, но ни Моисей, ни Бог, не укоряли их за это. И Бог просто вынужден был повторить его, раз они не продвинулись и не сделали выводов для себя. Это общий принцип, и не только у Бога – пока материал не усвоен, обычно невозможно двигаться дальше. Сам механизм обучения, природа вещей требует этого. Здесь они должны были избыть как-то своё вечное недовольство Моисеем, точнее любовь изображать дело в мрачных тонах, что, в свою очередь, давало им возможность придирается к Моисею. Что им было в этом за удовольствие, трудно сказать, но многие их понимают... Какие эмоции или выверты подсознания они таким образом удовлетворяли, не знаю, но это повторялось раз за разом при каждом удобном случае – хлебом не корми, дай обвинить его в чём-нибудь. Что бы он ни делал, они делали недовольные лица и давали ему понять, что он им опять не угодил. И вот нет воды...

Казалось бы, вопросы должны были возникнуть к Богу, к их Проводнику, давшему команду располагаться именно здесь, в безводном месте. И они все сами видели действия их Ведущего, но Его критиковать как-то не смели, зато к Его представителю не упускали ни единой возможности предъявить претензии. Как-то даже странно. Но искать рационального объяснения или спрашивать их о причинах неприязни было бы бесполезно. Они пришли к Моисею, и говорили разное – одни просто требовали воды прямо здесь и сразу, другие обвиняли его, что он хочет их уморить, и снова ставили в вину выход из Египта. Сначала Моисей пытался с ними говорить, взывая к разуму – "Что вы меня-то укоряете? За что? Что искушаете Сущего?" Не помогало. Вместо того, чтобы одуматься, многие подумали совсем немного, и додумались, что и вправду, их Бог тут тоже причастен. И тогда в Моисея полетели обвинения или претензии не только как к отвечающему за всё, но и как представителю их Бога, который должен был давно уже решить вопрос. Они предъявили своё недовольство уже и Богу – "Есть среди нас Сущий, или нет?" Не знаю, вслух или про себя, но Моисей, которого такие демонстрации протеста уже крепко достали, взмолился к Богу: "Что мне с ними делать? Ещё немного, и меня побьют камнями!" Это не было шуткой, настроение толпы, немало озабоченной безводностью места, вполне могло раскрутиться до опасных оборотов и пойти вразнос, Моисей ощущал реальную угрозу. Вожди, когда не справляются с обязанностями, или хуже, когда им начинают не верить или подозревать в слабости, могут быть очень жёстко спрошены, у них свои риски и тяжёлые опасности. Но Моисей не стремился господствовать или управлять этим народом, и ему неприятно было слышать в свой адрес то, с чем нужно было обращаться не к нему. Что поделаешь, на причастных распространяются и слава и бесславие дел или личностей, к которым они причастны.

Бог ответил, чтобы он выбрал себе спутников в свидетели, которые должны сопровождать его в совершении очередного сверхъестественного дела. Стоящие рядом, как бы участвующие в чуде свидетели, становились сопричастниками, и это могло расположить многих князей народа к Моисею, уменьшив зависть к его власти, а также снизить концентрацию недовольства на Моисее, распределив его на его помощников. Это могло даже добавить симпатии к Моисею от народа, что он их князей привлёк к сверхъестественному. То, что Моисей не должен был брать всех их, а выбирать сам, кого привлечь, показывало им, что наиболее скандальные не будут участвовать в его и божественной славе, что должно было заставить их умерять используемые ими слова и поведение. Жезлом нужно было ударить в скалу, указанную Богом, над которой Он будет стоять в облаке. Когда Моисей ударил по скале, из неё или из-под неё потекло много воды, и утомлённые люди и животные, наконец, утолили жажду. По замыслу Бога, если бы евреи вели себя спокойнее, то могли бы извлечь ещё один урок, что Бог воспитывает или вырабатывает в них доверие к Нему, к Его надёжности и силе. Их придирки к Моисею выводили их умы в совершенно иной

режим работы, их эмоции неприязни и скандальное поведение обесценивали это чудо практически в ноль, в то время как могли бы порадоваться не меньше чем после перехода моря. Получив воду, они не смогли испытывать благодарность даже к Богу, не то что к Моисею, для них ситуация была примерно такой – "всё же этот Моисей может, если на него хорошенько надавить, но пока не накричишь на него, он и пальцем не пошевелит"... От полученной воды, от утолённой жажды они всего лишь смягчились по отношению к Моисею. От такого их состояния умов всякие усилия Бога по их воспитанию становились почти напрасными. От недоверия легко перейти к доверию, но из раздражения это намного труднее, их эмоции должны были пройти более долгий путь, не только на другой край качелей, а ещё и, образно говоря, завернуть за угол и ещё там дойти до другого края... Они до сих пор практически не изменились, не произошло никакого прогресса в их характерах. Все испытания Бога пока что были использованы ими скорее во вред себе, чем в пользу. Кратковременный всплеск благодарности и веры после перехода моря давно испарился, не оставив результата, злоба к Моисею съедала все усилия Бога. Пока что Бог не говорил ничего, но столь извращённо ориентированные умы зарабатывали себе приговор, отрицательные очки всё накапливались в Его записях. Время на исправление ещё было, и очень многое могло быть исправлено и навёрстано. Это неприятное происшествие отразилось в названии этого места. Моисей дал имя, означающее "Искушение и спор", дав этим понять народу, что вели себя они в высшей степени безобразно. Они могли бы иметь праздник и торжество по поводу обретения воды, Бог мог быть прославлен в их глазах и стать ещё ближе и надёжнее, но увы, не получилось.

Счёт к амаликитянам

Часто кажется, что многие наши состояния вполне могут навлекать на нас последствия, сгущаться в события, то есть последующие события могут вытекать из нашего предыдущего состояния души. Если нашей жизнью кто-то управляет и имеет цель что-то из нас сделать или помочь нам достигнуть некой цели, то неудивительно, что когда мы срываем уроки, Воспитатель может принять дисциплинарные меры, чтобы вернуть нас к разуму²⁰, как говорят в одном из европейских языков, по нашему – образумить. Бог обычно охранял путь израильтян, не допуская никаких вредностей, даже насекомых, но тут вдруг поблизости оказался отряд враждебно настроенных амаликитян.

Не считаю и не верю, что есть плохие народы. Так учили всех нас, и это верно. Однако же всем прекрасно известно, что бывают вредные люди, и иногда они встречаются чаще, чем в среднем по обществу должно бы быть. Когда формируется какая-либо группа людей, её руководитель или заводила вместе с ближним влиятельным кругом принадлежит либо к добрым либо к вредным людям, и группа, поначалу небольшая, поневоле несёт отпечаток этого ядра. Избежать такого влияния трудно, и чем меньше формирующаяся группа, тем ярче влияние начального ядра. Поэтому какое-то время это общество имеет и сохраняет добрые либо плохие черты, окружающие также чётко идентифицируют эту группу по её делам и влияниям, что она несёт окружающим людям. Конечно, со временем последствия их дел начинают сказываться и так или иначе выравнивать их путь, умы у людей всё же работают и многие видят, что их жизнь не всегда такая, какая по совести и разуму должна бы быть. Иные группы из-за избыточной злобы исчезали с лица земли, поскольку не могли остановиться, рассчитывать последствия своих целей и слишком допекали остальных. Другие же причиняли много бед окружающим, но оказались сильнее или им сопутствовала удача, однако же умножившись в благоприятных обстоятельствах, растворялись из-за расслабления от

успехов. Чем дольше живёт народ и чем он многочисленнее, тем меньше выражаются особые и экстремальные черты его начального характера, растворяясь в многих индивидуальностях (человек есть человек) и изменяясь под воздействием уроков из своей истории и жизни.

Амаликитяне в то время ещё не были многочисленной группой, но чрезмерная гордость была их сильным недостатком. Они были родственным евреям²¹ народом, однако из-за своего характера и перенятой от Исава подсознательной неприязни к Иакову, чувства испытывали далеко не родственные. Они слышали, что евреи вышли из Египта, и пошли им навстречу разузнать об обстоятельствах. Они понимали, что те вышли из Египта толпой недавних рабов, вряд ли обученные воинским искусствам и в основном без оружия. Они знали, что их охранял Бог, знакомый им по рассказам от недавних прародителей, но могли не придавать этому большого значения, да и знали Его довольно плохо. В силу этого они, воспринимая евреев враждебно, собрали отряд для грабежа израильтян, рассчитывая, что с их опытом и умениями грабить и отнимать, они как минимум успешно пощиплют их, а может быть и вовсе уничтожат их. Это было также прямым вызовом Суцему. И попали как раз очень удачно для себя, потому что израильтяне раз за разом показывали такой характер, что Богу было всё труднее охранять их.

Совсем недавно Бог защищал израильтян от желавших напасть на них египтян, но здесь не сделал для них подобного. Амаликитяне, увидевшие отставших от основного лагеря группу людей, утомившихся в пути без воды, по какой-то причине так и не подтянувшихся к остальным, не могли из-за своего характера не напасть. Если вы видели хулиганов и их привычное поведение, вы прекрасно понимаете, что произошло – едва увидев беззащитных, те потянули мечи из ножен и напали на отдыхавших людей. Для живущих разбоем это нормальное поведение, как для некоторых животных всё, что меньше них размером, автоматически расценивается как добыча. От лагеря увидели и услышали избиение безоружных и успели отреагировать. Моисей, видя, что нападавших достаточно много, велел собрать имеющих оружие и под руководством одного из помощников, проникшихся причастностью к появлению воды из скалы и ставших надёжной опорой для Моисея, вступить в сражение с агрессором. Сам же он, взяв брата и второго из новых молодых помощников – Ора²², сына Халева, поднялся на холм неподалёку и взял с собой жезл, с которым делал все чудеса, который был "заряжен" силой. Он понимал, возможно из разговора с Богом, как нужно сейчас действовать и почему Бог за них сейчас не вступался. Но Он и не покинул их, это был тоже урок народу, полюбившему придирается к поставленному Им вождю, что без Моисея они, как и без Него, никуда. Сейчас от Моисея и его поведения зависело благополучие и безопасность всех евреев. Когда Моисей держал свой жезл поднятым, то израильские ополченцы, как ни неопытны они были, успешно теснили амаликитян. Когда же он уставал, и опускал жезл, чтобы дать рукам отдохнуть, амаликитяне снова вспоминали своё разбойное умение и теснили израильтян. Бог проявлял сейчас Свою силу не напрямую, а через Моисея, и его человеческие ограничения сказывались на количестве этой силы и её эффективности. Некоторые люди, несмотря на рабство, всё же теми или иными путями практиковались в борьбе и владении оружием, в боевых умениях, и их способности сейчас спасали жизнь всем остальным. Все они, откликнувшиеся на зов Иисуса Навина, вызвались защищать лагерь и держали оборону. Руки Моисея уставали всё больше, и быть бы израильтянам разбитыми, но кто-то придумал посадить Моисея на камень, и встать по сторонам от него, поддерживая его руки. И это сработало, как ни затекали руки, но Аарон и Ор поддерживали их до самого вечера, и защитники за это время практически полностью разгромили нападавших, обратив их в бегство. Весь народ

21 Описывая времена Авраама, Моисей упомянул область, где жили амаликитяне, однако скорее всего он описывает современному ему читателю известный ориентир своего времени, страну амаликитян, но во времена самого Авраама амаликитян, потомков внука Исава, ещё не было.

22 Родословная Халева из книге Паралипоменон, Ор один из его сыновей.

видел, что они были в опасности и как Моисей стоял за них с поднятыми вверх руками, изнемогая от усталости, как от его рук зависела их жизнь. Это не могло не подействовать, придирки людей поумерились и крикунам стали давать укорот более сознательные люди. Так в Масса-и-Мериве, в Укоре-и-Искушении, Моисей получил несколько верных и надёжных помощников, один из которых повёл Израиль после Моисея в обещанную землю, а народ стал посдержаннее и уважительнее к Моисею, защитившему их хотя и силами Бога, но пропущенными непосредственно через его руки и жезл.

После этого нападения Бог говорил к Моисею, сказав, что об этом сегодняшнем происшествии надо записать, чтобы следующие поколения помнили об этом вероломном, ничем не оправданном бандитском нападении, и что память об этом должна быть увековечена, а также, что у Бога планы об этом народе самые неприятные – этот народ должен быть стёрт с лица земли. Те, кто собирают о живом Боге всё плохое, могут здесь сделать заметку, однако же судить здесь Бога как неправого означает сделать правыми бандитов и хулиганов. В те времена, когда характеры народов были ярко выражены, среди амаликитян практически все были с таким характером, с психологие мародёров, убийц, грабителей. Если бы среди них нашлись люди иного характера, то в процессе войн с ними Бог вполне мог, как Он делал это в других случаях, вывести из-под удара тех, кто отрекался от преступных путей, кто не соглашался с подавляющим большинством, смелых на преступления. Впрочем, не думаю, что найдутся много тех, кто за этих людей стал бы заступаться сейчас, перенося сегодняшние принципы правосудия на времена, когда справедливость могла законно вершиться на месте, без долгих процедур и канители. Одно лишь ещё замечание стоит добавить – если бы сей народ, услышав о планах Бога по отношению к ним, переосмыслил свою жизнь и принципы, решил бы измениться, то это нашло бы самую горячую поддержку со стороны Бога. Он объявлял о Своих принципах следующее – если Он объявит о ком-то, что хочет уничтожить кого-то за зло, а те люди изменят свою жизнь и дела, то и Бог отменит²³ Свои планы о возмездии. У Него нет мстительности и мелочности к тем, кто хоть как-то серьёзен в поисках лучшего...

После этого Моисей сделал жертвенник, который назвал "Сущий – моё знамя". Думаю, что когда он прежде делал чудеса в Египте и в дороге, то это были в основном недолгие моменты. Он мог ощущать, как силы Бога проходят подобно току по его рукам и телу, ощущал жезл, напитанный присутствием или памятью о божественных влияниях, но в этот раз ему пришлось очень долго, без перерыва делать это, и хотя он сильно устал, но дела, делаемые в изнеможении и усталости, обычно и врезаются в память, даже в память тела и клеток, сильнее обычного. Так закреплялись в его рефлексии Бог и Его присутствие, делая его сильнее и крепче во многих отношениях, он становился всё крепче привязан к Создателю. Это всё он вложил в название жертвенника. И ещё он добавил то, что увидел в видении о том, что Бог делает в отношении амаликитян – "Рука Сущего на троне, война у Сущего против Амалика из рода в род".

Визит Иофора

В этом месте Израильтяне прожили довольно долго, и если перемещались, то примерно в том же районе, вокруг священной горы Хорив, возле которой были также ещё горы, называемые Синаем. Они подходили ближе или отходили от этой горы, где получили законы и где было построено святилище. Пока они жили здесь, к Моисею вернулась семья. В Египет они пошли вместе, но после происшествия в дороге, ощутив серьёзность и ответственность предстоящей борьбы, они решили, чтобы она ушла с детьми снова к отцу до более благоприятного времени. Теперь проблемы борьбы были позади, и то ли он послал к ней вестников, то ли известия о приключениях евреев дошли до них сами. Пришли посланные от Иофора и доложили Моисею, что

²³ Это излагается в Иер.17,7-10.

его тесть идёт к нему вместе с его семьёй, желая узнать лично всё, что слышал о бывшем там. Побывать среди потомков Авраама, ставших теперь народом Всевышнего, было его если не мечтой, то близко к этому. Как поклонник Сущего среди усиливавшегося язычества Он был рад любой вестью о делах и успехах его Бога. Сейчас в их мире делалась история, и он не мог позволить себе упустить возможность прикоснуться, а может и приобщиться к ней.

Моисей вышел ему навстречу и с радостью приветствовал тестя, поклонившись ему, как старшему. Они всегда были дружны, когда ещё Моисей был никем, пришельцем без роду и племени, но Иофор помогал ему, а узнав ближе, отдал и дочь в жёны. Теперь же его зять был в ранге вождя или даже царя, с большим народом и с могущественным Богом и силами за спиной, но их отношения никак не изменились. Ему устроили отличный приём, Моисей рассказал обо всех событиях и происшествиях, начиная с Египта. Они устроили также жертвоприношения, где Иофор принёс свои благодарственные жертвы, после чего устроили пир, на который пришли все старейшины Израиля. Иофор радовался всей душой, слыша о великих делах своего Бога, об успехах Его людей, о силах, проявленных на Земле.

На следующий день у Моисея был приём, судебный день, люди приходили с накопившимися вопросами, в том числе и тяжбами друг с другом по самым разным поводам. Похоже, до сих пор подобные мероприятия проводились нечасто, если вообще случались, и ещё не отработались до мелочей механизмы и процедуры таких заседаний. В этих расследованиях житейских проблем Моисей на практике сразу имел возможность применить и научить людей правилам и законам Всевышнего, так они намного легче усваиваются. Моисей сидел, а ждущие очереди все стояли. Никто не возражал, всё было вроде как надо, только Иофор, присутствовавший здесь тоже, подметил сразу, что другие могли ещё долго не заметить. После тяжёлого для многих дня Иофор наедине спросил Моисея, зачем он так себя и всех утомляет, причём подметил неравенство, когда Моисей один сидит, а все остальные стоят. Мне кажется, что Моисей сидел, потому что ему было тяжело стоять весь день, но люди, приносявшие свои дела к нему, стояли. Однако же те, кто имели дело, не занимали весь день, и закончив свой вопрос, могли уходить отдыхать, таким образом они не утомлялись. Но всем хотелось быть свидетелями на этих распросах и расследованиях, и поэтому им приходилось тоже стоять, хотя если бы они ждали своей очереди вдали, то могли бы отдыхать и не томить себя долгим стоянием. Насколько я понимаю, их никто не держал в присутствии Моисея, но они сами хотели слышать все разборки, а то и вставить свои соображения или свидетельства, если удастся. Подобное практикуется в американских судах гражданских дел, где все вызванные на рассмотрение своего вопроса могут слышать все перипетии отношений своих ближних, пока дойдёт их очередь. Правда, тут вмешиваться никто не может, задаёт вопросы лишь судья и отвечает лишь тот, кому он задан. Иофор сразу подметил, как люди устают в ожидании и тягостности неинтересных дел, и понимал, что это может добавить Моисею проблем, увеличивая и так неприязненное отношение к нему народа. И он, со своей стороны выдал отличный совет, разрешающий сразу много проблем, выигрышный со всех сторон. Он предложил выдвинуть из народа разумных людей, могущих рассматривать и разрешать многие проблемы на месте. Из этих выдвинутых создавалась трёх или четырёхступенчатая система, от десятника до тысячника. Более развитые люди стояли выше, они могли бы разрешать дела посложнее, и самые сложные дела доводили бы до Моисея и Бога. Множество мелких дел даже не требовали участия высших инстанций, и передача судебных полномочий вниз освобождала много времени и сил. Распределённые полномочия давали многим людям возможность реализовывать их способности и амбиции, это снимало нагрузку с Моисея и одновременно притензии многих способных людей, ощущающих свою ненужность или отсутствие для них возможностей не то, чтобы к власти, но к самореализации. Структура разделённой власти также снимала (ну, почти, по крайней мере давала возможность) вопрос зависти и ревности князей племён, которым нашлось место в новой системе управления, также как и многим людям, кото-

рые при существующей системе авторитета могли никогда не подняться повыше. Сами по себе их княжеские положения Моисей не затрагивал и не пересматривал, это они могли ощущать себя лишёнными чего-то, когда по многим вопросам люди обращались к другому авторитету. Так что Иофор дал хороший совет, и Моисей, не откладывая, занялся обустройством управления в обществе по совету тестя.

У Синая. Перед встречей

Спустя какое-то время столб присутствия Бога поднялся, показывая, что пора в дорогу, и из Рефидима израильтяне перешли ближе к Синайским горам. Это путешествие было недалёким, и теперь они стояли напротив священного места, горы Хорив. Здесь неподалёку Моисею совсем недавно являлся Бог в пламени куста и обещал ему, что именно здесь он вместе с его народом будут "совершать служение" Ему. То, вокруг чего всё вращалось в событиях выхода из Египта, ради чего Бог потрясал ту страну, свершилось. Они находились там, где нужно было праздновать праздник своему Богу, в этом месте должны принести свою жертву. Тот, Кто вёл их в облачном и огненном столбе, теперь встречал их на этой горе. Он довёл Своих людей сюда, Он ходил за ними, посылал специально отобранного с нужными способностями человека, прошедшего высокую степень очистки, ставшего пригодным для Его целей и задач. Теперь бы и остальных подтянуть до того же уровня... Впрочем, Бог видел всех этих людей, что они малоприспособлены для Него, но если бы они всего лишь позволили Ему поработать над ними – все проблемы могли бы быть решены. Так что греховность или неготовность или слишком слабая и даже никакая духовность не были серьёзными преградами для Него. Он не обвиняет их, напротив, проявляет исключительное терпение, точнее снисхождение в расчёте на их перемену. Если же не захотят, то есть и другие варианты, но лишь после исчерпания всех возможных средств.

Моисей поднялся на гору, и там Бог говорил к Моисею. Не понятно, было ли это вслух остальных людей, используемый глагол позволяет думать, что это было вслух, так что другие люди могли это слышать, но не громовым голосом, как при объявлении десяти Заповедей. Первая речь Бога в этом месте короткая, всего два или три предложения, которые Моисей должен передать людям от имени Бога, приветствующего их в Своих владениях²⁴. По сути это короткое приветствие после многих приключений и дальней дороги, здесь как бы звучит – "Ну вот вы и здесь. Вы видели, что Я сделал за вас египтянам, как Я носил вас как орёл на своих крыльях... У вас прекрасное будущее, если вы будете слушаться Меня, а Я собираюсь сделать из вас людей высокого класса или уровня. Тогда Я смогу вас использовать в Своих планах на Земле, вы будете Моим инструментом, Моей особой собственностью. Я Хозяин Земли". Многие, наверное, радовались этой возможности, но многие могли испытывать сомнения, и небезосновательные – "Чем придётся пожертвовать? А если я хочу жить попроще?" Если бы это было как у обычных царей на Земле, где власть даёт больше возможностей, чем ответственностей и обязанностей, они бы с превеликой радостью согласились. Если быть в команде царя, то это означает быть придворным, приближённым к власти – это мечта многих. Но властолюбцам путь сюда был закрыт, без властолюбия – пожалуйста, от прочих недостатков тоже надо освободиться, и тебе охотно помогут, приближённость к Верховному накладывает обязанности. Нужно быть подобным Ему, чтобы верно представлять Его. "Вы будете царством священников и священным народом". Не надзирателей, не палачей, не даже "воинов света", но Учителей и Воспитателей, мастеров, знатоков и целителей, потому что цель Бога – подъём и восстановление человечества из его беды, это цель и стратегия Бога, суть Его замысла о народе, несущем свет.

²⁴ Трудно сказать, что та гора Синай-Хорив есть действительно особо священное место, где Бог являлся или держит как одно из любимых на Земле. Нет достаточных данных для таких выводов, иначе здесь можно было бы и сегодня встречаться с Ним. Или сталкиваться с проблемами, если идти нахально без приглашения. Впрочем, туда трудно попасть, оно находится на территории Саудовской Аравии.

Моисей спустился с горы и передал это людям. Торжественная обстановка места и ситуация снова мобилизовали израильтян, они ощущали себя стоящими перед Видящим их насквозь, и их эмоции и настрой здесь и сейчас соответствовал обстановке, они отвечали как будто бы адекватно: "Всё, что сказал Сущий, выполним!" По другому как будто бы и не должно было быть, но всё же им стоило поразмыслить больше, осознать всё предложенное. Может быть они считали, что это как выкрикнуть лозунг на параде, а после него можно снова жить как жили..? Они же как будто лишь соглашались на должности и преимущества, думая, что с остальным сумеют как-то разобраться с дальнейшим, разве может быть всё настолько серьёзно? В этом секрет некоторого поражения Ветхого Завета – в изначальной поспешности ответа без осознания меры ответственности и нужды, огромной нужды во внутреннем перерождении. Многие говорят, что начало определяет многое в том, как пойдёт дело дальше. Не знаю, иногда и правда похоже на то. По крайней мере здесь вышло именно так – поспешное, необдуманное и невзвешенное обещание неизбежно привело к его нарушению...

После этого Моисей вернулся на гору, передав Богу реакцию людей и их принципиальное согласие на предложение. Теперь Бог сообщает дальнейший план событий, что теперь Он будет говорить с Моисеем в глазах народа, так, чтобы это слышали и видели все, чтобы авторитет Моисея возрос, когда они увидят его вхожесть к Нему, их Богу. Нужно было приготовить людей к дню, когда сам Бог будет перед ними, и это не простое событие, в народе не должен был находиться никто нечистый, осквернённый от чего-то или чем-то, ни случайно, ни намеренно. Такой человек мог из-за этого погибнуть либо Бог отказался бы иметь с ними дело. Это требование к чистоте – характеристика Бога, Он не гнушается осквернёнными, не бросает их (отдаляя осквернённых на некоторую дистанцию, Он даёт им время восстановиться), но хочет, напротив, возвысить человека до Своего уровня. Люди за время жизни вдали от Бога несколько подзабыли об атмосфере вокруг Него, поэтому некоторые Его требования могут показаться неожиданными или не имеющими смысла, но чистота внутри и вне всё же очень много определяет.

Трудно объяснить понятие "скверны" на словах, чем именно плохо осквернение, однако же в норме все люди избегают вещей, явным образом неприятных – например, гниющих остатков пищи, понимая, что это не полезно для организма. Но если проследить вещи, которые подпадают под определение "скверного", то это всегда нарушение целостности, когда внутри уже идут процессы распада, разложения, даже если снаружи всё выглядит почти нормально. Это или отходы жизнедеятельности или что-то подобное, то, что находится в процессе умирания, перехода в иную форму. В этом свете легче понять и смысл вещей, называемых скверными в моральном отношении, что они где-то разрушительны и неправильны, и хотя выглядеть могут даже престижно, если их обернуть в блестящую упаковку, их понимают и ощущают как нечто плохое.

Можно привыкнуть к скверне как к норме, однако те, кто это делают, становятся для других, непривычных к этому людей, неприятны и отталкивающи. Современная толерантность в замысле своём имела доброе начало, что осквернённых чем-то людей можно и нужно восстановить, сделать здоровыми, однако кое-где это выродилось в то, что скверну объявили нормой, заставляя нормальных людей принять скверну в свою жизнь, уравнивая несовместимое с чистым и светлым. "Чтобы было нормально всем, оскверним всех" – вот идея извращённой толерантности. Такая идея легко может стать "темой для новой войны", но того, кто это продвигает, война не волнует, ему именно того и надо.

Нужно было выстирать одежду, вымыться самим, чтобы чистыми. На эту подготовку отводилось два дня. Также прозвучало требование не прикасаться к женщинам. Хотя семейные отно-

шения нормальны и чисты, однако же есть моменты, когда воздержание ограничивает и эту сферу. Мало того, что неудача в близости могла сделать человека нечистым на целый день, но даже законная близость имеет своё влияние, с которым особая торжественность несовместима. Некоторые моменты высшей торжественности или ответственности требуют ограничения даже в нуждах, поддерживающих и обеспечивающих жизнь, а близость всё же не нужда, как пища или одежда или дом – это привилегия... В принципе, это то же, что и пост – еда совершенно законна и не может считаться плохим делом, но бывают моменты, когда еда становится несовместимой с ситуацией, где аппетит может исчезнуть, вытесненный влиянием ситуации, когда становится не до еды, когда продолжающий есть выглядит ненормально. Также вокруг горы надо было провести черту, за которую даже животные не должны заходить, и нарушитель должен быть уничтожен, причём руками касаться его было нельзя. Не то, чтобы вообще нельзя было подходить к священной горе – по Его разрешению или вызову можно, но не раньше. С этими инструкциями Моисей снова вернулся в лагерь и пересказал людям всё, что нужно сделать для подготовки к встрече с Богом.

В прошлом с Богом встречалось немало людей, но чтобы целый народ оказался с Ним лицом к лицу, такое было впервые. Сейчас это была встреча с Ним потомков Авраама, человека, отобранного для большой цели, и в какой-то мере это был смотр, что вышло, что получилось из этого, насколько они похожи на Авраама, смогут ли продолжить его дело. Очевидно, что сами по себе они были малопригодны, за исключением горстки людей из всего множества, и это слишком мягкое выражение. Однако же, если бы они поддались воспитанию, дали Ему возможность сделать из них нечто лучшее, чем они есть, всё их прошлое не играло бы никакой роли.

Закон

На третий день лагерь просыпался под громкие звуки, похожие на звук труб. Вспыхивали молнии и гремел гром, на священной горой клубилось густое облако. На гору сходил Бог в облаке огня и этот спуск сопровождался громом трубного звука. Моисей вывел людей к горе и они расположились вокруг неё в некотором отдалении от проведённой черты. Земля сотрясалась от энергий Бога, не в силах быть стабильной в Его присутствии – здесь Его сила не была скрываемой, Он хотел явиться людям в Своей силе, в нормальном обличье, чтобы они имели представление о Нём, чтобы у них не было возможности бояться гнева каких-либо других богов, о которых они были слышаны раньше. Когда ваш друг и защитник силён, это вызывает весьма приятные эмоции, многие с этим хорошо знакомы из жизненного опыта. Они уже знали о Его расположении и доброте к ним, а также Его снисхождении, так что вряд ли возможно говорить о противоречии между силой Синая и добротой Голгофы, как многие философствующие делают сегодня. Конечно, во время земной жизни Христос дал много возможностей понять сторону любви Бога, намного больше, чем это можно было извлечь из опыта Синая, но для отдельного человека и этого явления Бога было более чем достаточно, чтобы разобраться в вопросах, важных для решения, на чьей стороне быть или понять, что такое Бог.

В норме Богу желательно быть поближе к людям и человечеству в целом, и если такой порядок вещей не осуществлялся долгое время, это вина не Бога. Уже не раз отмечал, что Его присутствие само по себе никак не обеспечивает ни посвящённости, ни послушания, поэтому Ему пришлось работать издали, нужно было удалиться, чтобы выявить тех, кто действительно хочет быть ближе к Нему. Зато когда будет общество тех, кто искренен в этом желании, то тогда Он мог бы ходить среди этого общества более явно... Я уверен и знаю, что такое время снова наступит, когда человек сможет повторить слова Давида – "Суций – тень моя с правой стороны моей".

Как бы близко к человеку ни был Бог, как бы ни был видим и осязаем, вера всегда будет нужна. Работа воображения есть один из величайших даров разумным существам, и мы всегда просчитываем возможности развития реальности (у добрых и не очень, у развитых и опустившихся эта работа различается лишь направленностью), эта функция и позволяет познавать как мир и себя, так и Создателя. Мы видим и живём не только во внешней среде, но и внутри себя, и во многих случаях влияние внутреннего мира определяет, что будет делаться во внешнем...

Во время спуска Бог что-то говорил Моисею, и он отвечал Ему. Эта перекичка была существенной поддержкой авторитета Моисея, Бог видел, что если Моисея не будут уважать в народе или будут придирааться к нему, то и всё Его влияние, переваемое через него, будет уничтожаемо. Голос Бога с горы, слышимый всем, велел Моисею подняться на гору к Нему. Там Бог повторил, чтобы люди не пытались восходить на гору или заходить за черту, чтобы не погибнуть – если бы туда пошли многие, то не хватало бы стражей останавливать толпу, но само присутствие Бога было бы смертоносным, человек не приспособлен жить в поле столь высокого напряжения. Моисей сказал, что люди уже предупреждены об этом неоднократно, но Бог сказал, что сделать это всё равно надо, потому что Он пригласит к Себе ещё некоторых представителей народа, которые должны особенно тщательно приготовить себя к такой встрече. Повторить было нужно, потому что когда эти вызванные пойдут на гору, то некоторые без царя в голове могли бы тоже захотеть, так как они "не хуже некоторых". Так что Моисей спустился и повторил распоряжения о ненарушении черты и передал приглашение взойти на гору Аарону и многим главам племён. Они были почтены в глазах народа, получили возможность увидеть Бога как Он есть. Это было также полезно для дела, чтобы они не завидовали Моисею слишком сильно, приобщившись к его опыту, а также видели источник его авторитета.

Это подтверждает идею, что Вождём Израиля в то время был Сын, Тот, кто был и до воплощения в человеческой природе. О Боге Отце Павел, прекрасно знающий историю Израиля и эту историю на Синае с визитом представителей народа к Богу, пишет, что "Бога никто никогда не видел"²⁵. То есть этот момент на Синае, когда не только Моисей, но достаточно большое число других людей видели Бога, это не встреча с Отцом, но с Сыном, Который говорил о Себе, что с Ним имел дело Авраам²⁶, и значит, все остальные, имевшие дело с "Богом Авраама, Исаака и Иакова".

То, что многие получили приглашение взойти на гору, чтобы увидеть там их Бога, волновало людей, настраивало на серьёзный лад, обнадёживало. Они видели Его дела и что-то успели понять в Его характере. И это приглашение на встречу помогло им пережить то, что произошло сейчас. Когда Моисей пришёл и передал что должен быть передат, то также сказал, что сейчас Бог будет говорить не только к нему, но и ко всем. И Бог заговорил. Это было объявление Закона Божьего, десяти заповедей. Однако перед тем, как Бог начал говорить, Он в тёмном облаке пламени и дыма опустился с небес на Синай, и зрелище это было столь потрясающим, что и Моисей пришёл в трепет.

Если Его прежний разговор с Моисеем слышали все, это не было так громко и впечатляюще, как сейчас. Каждый слышал обращённые лично к Нему слова, чувствовал на себе Его внимание, и каждый был впечатлён произнесённым оттуда, с Синая. Заповеди, произносимые Богом, нельзя сказать, чтобы вызывали чувство вины, хотя такое могло быть у многих, но больше становился ясным смысл всех этих простых и одновременно великих откровений, от которых

---

25 1Тим.6,16

26 Иоан.8,56. В споре иудеи спросили – "Тебе нет пятидесяти лет, и Ты видело Авраама? Из этого вопроса и Его ответов видно, что это так.

так напрямую зависит благополучие и счастье всех нас. Это было "что такое хорошо и что такое плохо" в оригинале...

Первая заповедь была – ***"Я Сущий, Бог твой. Пусть не будет у тебя других богов перед лицом Моим"***.

В этом указании кроме запрета есть позитивное утверждение о роли Бога в жизни человека как Источника или Истока. У меня возникает стойкое впечатление об этом моменте, по аналогии с компьютерным миром – происходит очерчивание операционного пространства, задаётся глобальное окружение, где Бог – Источник нашего бытия, и отсюда исходят все остальные моменты, в том числе право учить и управлять. Кто-то может считать, что это плохо, что человек должен быть независим, впрочем это недалёкое и поверхностное представление. Сможете сделать так, чтобы люди появлялись сами по себе, без родителей, чтобы сами себя проектировали и выращивали, да и обеспечивали и воспитывали, задавали все свои настройки и появлялись сразу в готовом виде... Слабо? А вы как хотели? Если учитывать всё, то рассчитывавший нас был бы наилучшим источником информации о нас, о безопасных режимах нашего функционирования. Нужно быть совсем обиженным на Него, чтобы считать, что Он плохой Инженер и Проектировщик, и мы бы справились лучше... Но эмоции, выключающие ум, не ведут ко благу, не строят ничего, только разрушают.

Есть различный подход к тому, как разделять фразы между первой и второй заповедями, некоторые переводы Библии ставят фразу о "иных богах" во вторую заповедь, оставляя в первой лишь "Я Бог твой". По своему логично, и лично мне это даже больше нравится, так как усиливается эффект задаваемого окружения, ставящего Бога центром всего. Но разница от перестановки здесь непринципиальна.

Прозвучала вторая заповедь – ***"Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им, потому что Я, Сущий, Бог твой – Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и оказывающий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои"***.

Тут как будто ясно всё, нет места идолам, искусственным, не имеющим бытия богам. Однако же кто-то ставит дело так, будто бы где-то далеко есть какие-то конкуренты у Сущего, с которыми Он не в ладах или просто не терпит их. Однако же резонным был бы вопрос – а где эти боги? Они проявили себя в истории человечества? Они оставили какие-то следы своего пребывания, где войны между богами? Сделали ли они что-то подобное этому Богу, который существует на самом деле? Хотя за тех языческих богов иногда играют силы, называющиеся тёмными, производя чудеса и пророчества через жрецов и оракулов, но это и всё. Практически всю силу и ауру всем языческим богам придают сами люди, "намаливая" места, вещи, реликвии, но в столкновении с реальностью все эти языческие силы оказываются малы, достаточно простого человека для низвержения таких богов. Многие верят, что если нет поклонников, то слабеет и бог (на самом деле и слабеет-то некому). По этой аналогии судят о Сущем, но Он не зависит от количества поклонников. Если Он требует поклонения, то лишь потому, что это отражает соотношение Творца с Творением, не больше. Его религия включает в себя поклонение как выражение должного как дети должны родителям, но суть жизни человека по библейской религии не в том, чтобы быть маленьким, а в том, чтобы становиться подобным Ему, приближаться к Нему всё ближе, быть мастером, расширяться и развиваться до той бесконечности, в которой пребывает Он. Когда говорят о человеке-винтике в общественной машине, то это не библейская религия. Координация и взаимозависимость общества людей не означает человека-винтика, ограниченное своим местом существо. Наоборот, дело, призвание и занятие каждого даёт возможность для

дальнейшего развития, должно происходить освоение новых сфер, после "отработки" прежних. В общем, Сущий не хочет, чтобы люди отдавали свою силу и энергию пустым несуществующим вещам, создавая какие-то фантомы, веря в плод своего же воображения... Верить стоит в реальные вещи, там, где вера будет прыжком через неизвестность, где мы ещё не знаем устройства вещи, но при этом можем уже управлять ею или пользоваться, как дети получают от родителей всё нужное для них, не умея ни создавать вещи, ни обеспечивать себя, но участь этому шаг за шагом.

Третья заповедь – ***"Не произноси имени Суцего, Бога твоего, напрасно, потому что Сущий не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно"***.

Здесь говорится о адекватном произнесении имени Бога, которое отражает уважение и понимание величин. Некоторые в излишнем усердии запрещают произносить Его имя вообще, это тенденция тех, кто смыслом жизни видит "обламывание" человека, но это ограничение тоже нарушает заповедь, поскольку отменяет не только неуважительное упоминание, но и уважительное тоже...

Многие, поминая Бога, не соотносят его с реальностью и величиной Бога, ставя Его таким образом в один ряд с вещами этого мира, или даже в суете теряют вообще смысл всего. Но эта заповедь ставит пределы, которые человек не должен сдавать, что в разуме человека должен оставаться отдел, занятый сопоставлением вещей и смыслов, не дающий уравнивать разноплановые вещи или высокое с обыденным. Может быть это требует усилия и работы, но это ведёт к очень хорошим последствиям, выводя человека на более высокий уровень управления собой, а вслед за этим и обстоятельствами. Рутинная суета, хлопоты не должны порабощать человека или понижать его уровень, напротив, должны способствовать высшему развитию воли и самообладания. Сохраняя порядок в уме, человек развивает контроль, и это даст весьма хорошие плоды.

Многие именем Бога считают даже слово Бог, и ограничивают уже и его, однако это всё же не имя (разве что по очень большому счёту, где названия вещей тоже являются именами). Другие, опираясь на эту заповедь, убрали из Библии имя Яхве или Иегова, заменив его титулом "Господь" – это сделано во всех старых переводах и многих современных, но они создали новую проблему для последователей Бога, многие из которых стали избегать употребления также и слова-заменителя, считая по недостатку знаний это опять же именем. В этом можно усмотреть стремление нездоровых сил в христианстве к порабощению большинства, чтобы уравнивать в подсознании масс "Господа" с "господами", освятить таким образом неравенство людей – не знаю, вполне может быть, хотя напрямую это не действует, нужно чтобы кто-то этому учил (в массовых церквях этого было в избытке, но в новые времена утратило актуальность).

Но стоит отметить суть дела – обращение к Богу по имени ли, по званию ли, всё же подразумевает уважение. Замена имени на звание "Господь" не решила проблемы обращения к Нему или упоминания о Нём – если употребление имени должно быть уважительным, то даже избегая имени и говоря просто "Бог", также нельзя произносить это пренебрежительно без того, чтобы не оказаться нарушителем. Если нужно говорить о Нём, употребляя имя, говорите столько, сколько надо, пока в этом есть смысл, если это не выходит за рамки уместности и адекватности. В песнях Давида есть такие, где Его имя повторяется очень часто, однако никакого нарушения третьей заповеди в том нет.

Из личного опыта уразумел, что когда дети поминают без дела "папу", например, в разговоре со мной начиная каждое третье или четвёртое предложение с обращения ко мне, то почему-то меня это выбивало из колеи. Любое такое упоминание всегда мобилизует, как будто нажималась какая-то аварийная кнопка вызова, как бы требовалась моя помощь и действие. И когда это обращение звучит без дела, эти выбросы адреналина действуют разрушительно на здоровье...

Если мы обращаемся к Богу, это должно быть достаточно сознательно и уместно, чтобы мы Его не дёргали просто так. Из этого вырастает интересная мысль – от каждого поминания даже не Его имени, а всего лишь верховного Существа, Он ожидает, что нужна помощь... и когда оказывается, что никакого зова нет, а всего-то человек споткнулся или захотелось выразиться и реально даже не думал обращаться к Нему, то это Его разочаровывает и расстраивает. Он-то настроился запустить в действие Свои силы, чтобы помочь, что-то дать, а тут пустота... Но вот если вам нужна помощь – вспомните этот момент, что малейший зов мобилизует огромные силы, готовые прийти к вам на помощь, что Он с удовольствием примчится к вам... Главное, что от этой реакции на зов детей не отделаться, сколько бы дети по бессмысленности не поминали без нужды "папу" или "маму", всякий раз внутри происходит реакция. Если бы кто полностью вытравил чувства к детям, то может быть смог бы не реагировать, но это уже что-то за гранью, не должно так быть...

Четвёртая заповедь – "Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой – суббота (покой) Суцему, Богу твоему: не делай в него никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни слуга твой, ни служанка твоя, ни скот твой, ни пришелец, который в жилищах твоих; потому что в шесть дней создал Суций небо и землю, море и всё, что в них, а в день седьмой отдыхал; поэтому благословил Суций день субботний и освятил его".

Если во всех других заповедях смысл запрета или ограничения или предписания достаточно прям и очевиден, то в четвёртой смысл таков, что надо помнить одно из дел Бога, а именно создание нашего мира с нами вместе, и это тоже оказывается знаком верности и правильности. От нас требуется повторять покой Бога, созерцавшего дело Своих рук после завершения обустройства планеты Земля, чему Он посвятил целый день. Этот совместный с Ним покой оказывается связью между Создателем и созданием. Также покой, наряду с активностью и трудом, принципиально необходим человеку и для здоровья, и для роста и развития. Расслабление, отход от забот и дел позволяет вернуться к ним зачастую на новом уровне, и без отдыха это невозможно. Требуется время на "переваривание", на приведение вещей в системный вид, и одного ночного отдыха для этого мало, нужны ещё и дневные бездеятельность и созерцание, хотя уже не каждый день.

Многим покажется, что неважно какой из дней недели отведён для отдыха, уже имеется воскресенье, однако же именно седьмой день был освящён, иначе бы неделя была шестидневной, а не семидневной (если вообще бы была). Смена дня отдыха в христианстве имела недобрые последствия для христианства. Мало того, с учётом законности седьмого дня в истолковании пророчеств Апокалипсиса и Даниила выстраивается наиболее чёткая и логичная картина, без него же ситуация подобна переименованной поговорке римлян о этрусских надписях²⁷ – "без субботы не складывается", то есть без неё исчезают некоторые детали, которые нужны для законченной картины. Когда будем говорить о пророчествах Даниила и Откровения, это будет очевидно, насколько присутствие седьмого дня меняет общую картину, точнее отсутствие или изменение четвёртой заповеди Закона размывает чёткость и стройность и связность пророчеств о конце мира. Кстати, перемена покоя седьмого дня на другой день недели предсказана²⁸...

Первые четыре заповеди регулируют отношения человека с Богом, сфера действия остальных – горизонтальные связи, человек и его ближние. Можно заметить, что ограничения Закона являются "техникой безопасности", только если это выражение обычно связано с трудом, то эти заповеди описывают безопасную жизнь в самом ши-

27 "Etruscum non legitur" – "этрусское не читается"

28 Дан.7,25

роком смысле – что делать в отношениях между людьми во всех их взаимодействиях – любви, дружбе, соседстве, семье, как и в отношениях между человеком и Богом.

Эти лаконичные предписания и ограничения охватывают все возможные случаи житейских взаимодействий. Если это не кажется очевидным сразу, можно пойти иным путём, взять любой конкретный случай и посмотреть, если ли такие, где заповеди закона не могут быть применены или не задействованы. Мне пока такого не удалось найти. Видимо поэтому Давид выразился: "Я видел предел всякого совершенства, но Твоя заповедь безгранична"²⁹

Пятая заповедь – "Почитай отца твоего и мать, чтобы продлились дни твои на земле, которую Суций, Бог твой, даёт тебе".

Уважение к родителям даёт возможность хорошо обучиться, перенять их опыт, что необходимо для успешной жизни. Разобщённость с ними делает это трудным, и человек в результате выходит из круга семьи не всегда готовым к самостоятельной успешной жизни, не вооружённым их опытом (опыт же личного конфликта с ними не даёт достаточно для успеха и процветания). Если установились конфликтные отношения, то дети склонны отталкивать с родителями также и преподаваемое ими, таким образом делая обратное тому, что нужно для здорового развития, и после вынужден переучиваться (и это ещё хорошо), проходя через ломку сложившегося характера, а потом признаёт правоту предыдущего поколения, но часто заложив конфликт уже со своими детьми, расплачиваясь так за своё восстание. Человек, поскольку в него заложено очень и очень много, практически бесконечность, должен иметь и соответствующую подготовку, чтобы раскрыть свои возможности. Лишь примитивные животные могут обходиться инстинктами, врождёнными программами, но остальным обучение жизненно необходимо, это часть человеческой природы. Без обучения и образования человек не может полностью реализовать заложенный в него потенциал... Намного лучше получить навыки в детстве, пока восприятие настроено на обучение и оно происходит самым естественным образом, делать же это позже, когда восприятие "закрывается", гораздо труднее. В наше время конфликта между поколениями молодёжь часто недообучена что в семье, что в школе – подозрения, не всегда необоснованные, о старших, мешают становлению нового поколения, а потом конфликтность передаётся дальше по эстафете через многих посредников даже в культуре, несущей слишком много протестного начала, невольно заражающей не те сферы в душе, не так, как рассчитывали недоучившиеся инженеры человеческих душ. Хотя, может быть, их специально так учат или кто-то задал такой импульс в сфере искусств?

Как бы в кино режиссёр и актёр не старались раскрыть зло как нечто отталкивающее, показанное может быть и будет понято правильно (далеко не факт), однако воспроизводиться и повторяться будет то, что зритель наблюдал у актёра, а не то, что хотел сказать режиссёр и сценарист, именно то, что хотели осудить. Умом человек будет понимать одно, но на деле вести себя по другому. Именно оно будет невольно копироваться, потому что одно из базовых свойств информационной системы человека это подражание и копирование, остальные факторы ума и понимания – вторая очередь, если до неё вообще доходит дело. И так получается, что фильмы против зла как раз и служат его распространению. Чтобы пропаганда работала как хочется, нужно ещё и слово, пояснение к картине, но и при этом успеха не гарантируется. Только слово, прямо направленное в цель, даёт максимум из возможного.

Следование данной заповеди приносит долголетие – здесь есть обещание от Бога, и эта норма оказывается прямо связанной с длиной жизни. В принципе, в других местах Бог говорит,

что хранение Его законов и уставов всегда имеет благоприятные результаты как для отдельных людей, так и государств, в том числе и в здоровье, но в пятой заповеди это выражено прямо. Так что тем, кто собирает факторы, влияющие на здоровье, стоит взять на заметку и этот, хотя для многих это самоочевидно.

Следующие три заповеди очень короткие, и, казалось бы, простые.

6. Не убивай.

7. Не прелюбодействуй.

8. Не кради.

Они охраняют честь, жизнь, достоинство, имущество, счастье каждого. Снова всплывает – правила техники безопасности...

Шестая заповедь запрещает прерывать жизнь живого, особенно человека. Хотя, надо сказать, что эта заповедь охраняет невинного человека, то есть, если кто-то поднял руку на другого без причины или по недостаточной причине, то он виноват и его жизнь уже не охраняется законом... Если нападающий на другого без вины погибнет, в его смерти не будет виноват никто, лишь он сам... Закон запрещает не ради запрета, но имеет цель, он охраняет жизнь. Практика Библии показывает это на очень большом количестве случаев, когда преступник должен быть убит или враг уничтожен. Врага можно и миловать, убивать не обязательно, но кровь преступника, образно говоря, находится на его собственной голове, а не на руках защищавшегося от него. Преступник, убивший невинного, виноват, на его руках кровь невинного, и наказание смертью виновного в убийстве и убийство невинного – принципиально разные вещи. В Библии встречаются образы кричащей крови, когда это кровь невинных, но когда проливается кровь преступника-убийцы, то его кровь не кричит, а происходит расплата, приходит мир и успокоение. Разница между смертью виновного и невинного огромна. Вина или невинность определяют здесь всё... Логика и принцип простейшие, и обойти их вряд ли получится. В связи с этим должен заметить, что практика множества стран и всей сегодняшней цивилизации осуждать убивших нападавшего при защите себя или других людей той же мерой, что и бандитов, на те же сроки или даже вообще осуждать выглядит нечестной и даже нечестивой, преступной.

С войнами поначалу было просто – кто-то начинал первый и уже этим виноват. Ответ ему не был нарушением заповеди, напротив – защита является соблюдением закона, особенно в случае защиты других людей. Это нормальная защитная программа, встроенная в людей, инстинкт жизни. Когда сегодня защищающихся людей сажают в тюрьмы за защиту своих или чужих жизней от хулигана или подобных ему, это является жестоким искажением правосудия, судьи разрушают закон, отравляют жизнь общества, разрушают свою совесть и веру людей в свою страну. И саму страну тоже. Так повелось может быть с чьей-то нелёгкой руки, от тяжёлых и запутанных обстоятельств, но этот нечистый узел должен быть развязан. Защитник ближнего должен получить награду в суде, получать оправдание на том же уровне, что и правоохранитель, применяющий оружие против преступника. Страна, соблюдающая принципы справедливости, будет пользоваться помощью высших сил, поскольку давший жизнь и технику её безопасности наблюдает, кто как ведёт себя в свете всех этих вечных неизбывных принципов.

Позже положение с войнами осложнилось, уже труднее стало находить виноватых, в длинных цепочках обид сложно проследить, кто начал первым, но тем не менее всякое государство, пока люди не нашли способ остановить все войны, должно содержать армию и учить граждан владеть оружием. Только граждане должны быть разумными и знающими, чтобы вникать в происходящее в стране и отличать зло от добра, чтобы не участвовать в делах, за которые придётся давать ответ рано или поздно. Также надо помнить, что каждый народ имеет некую

территорию, данную ему Всевышним, на которую другие не имеют права, и Бог засчитывает грехом, если кто-то хочет захватить принадлежащее другому народу. Защита своей земли – священное право, где применение оружия может засчитываться как грех лишь за чрезмерную жестокость. В таких защитных войнах люди могут рассчитывать на помощь Бога, даже если они совсем не хотят Его знать, Он всё равно может помочь им, чтобы сохранить равновесие действующих сил в Его раскладах. Но может и оставить без помощи, так бывали случаи, когда Бог позволял или даже повелевал тем или иным правителям переселять наказанные Им народы (и это не о захвате Ханаана евреями), а то и уничтожать кого-то из них за особые "достижения и отличия", и новая территория становилась для переселённого народа своей. Также случалось, что из-за смены конфигурации континентов многие места становились неблагоприятны для жизни и народам приходилось искать новые места для жительства, и это было время бед для тех, чьи земли проходили ищущие. Правда, в те давние времена места было гораздо больше, но природа человека после падения была далеко не у всех мирная, и причины для конфликтов находились без большого труда.

Убийством считается не только прямое и быстрое лишение жизни, но и когда намеренно снижают чьи-то жизненные силы, когда человека медленно сводят в могилу тем или иным способом, которых много – и это тоже нарушение шестой заповеди. То, что легко и незаметно переносит здоровый и сильный, может быть последней каплей для ослабленного здоровья, и даже неделикатный человек может быть виновен в преждевременном уходе кого-то, ослабленного болезнью. Будьте осторожны, чтобы ненароком не повредить слабому.

Не знаю, от какой слепоты духа или повреждения ума возникла идеология, присущая фашизму – лечить физические болезни смертью... Было, что в некоторых племенах больные дети уничтожались, из той же логики убивали или оставляли в лесу стариков или слабых, не могущих работать. Может быть, кому-то казалось, что это был единственный возможный выход, но это была жестокая ошибка. Рядом был Тот, Кто мог позаботиться об всём этом, но был отвергнут или забыт и невостребован. Это как раз аргумент против атеизма и язычества, потому что в свете известного о Боге не должно возникать подобных людоедских решений, Он показал, что никакие болезни не являются серьёзной проблемой для Него, и Его верные люди весьма успешно продолжали лечить больных, пока церковь хранила чистоту жизни и учения, верность заветам. Дьявольская логика – на путях зла люди теряют здоровье, а потом, когда возникает угроза вырождения, предлагать такой жестокий выход...

Люди взаимодействуют между собой, это природа вещей. Не будь зла в нашей природе, разрушившего связь с небом и нас друг с другом, и даже с самим собой, конфликты не могли бы возникать, они разрешались бы на дальних подходах, но пока что мы имеем то, что имеем – любой самый добрый, хороший и терпеливый человек испытывает импульсы решить проблему недобрым путём, кажущимся коротким и простым, одни с этим борются и уходят с этого пути, другие просто сдерживают себя, кто-то поддаётся. Проблемы усугубляются тем, что среди различных психотипов человека есть близкородственные, которым легко понимать друг друга, между которыми конфликту труднее зародиться и легче разрешиться, и дальнородственные, если можно так выразиться. В последнем случае затрудняется улаживание противоречий из-за того, что приходится тратить намного больше слов и времени для взаимопонимания, и наоборот, намного легче заподозрить в худшем, из-за слишком разных языков и непонимания. Поначалу народы были собраниями близкородственных типов, дальнородственные же типы оказывались в других племенах и группах, и ближние были своими, а дальние чужими. Взаимодействия среди своих не несли проблем, с чужими же оборачивались больше столкновениями, катастрофическое непонимание приводило их к конфликтам. По мере умножения численности народов увели-

чивалось разнообразие внутри них, и чем многочисленнее народ, тем чаще начинают встречаться те, кого уже не так легко понять, людей с другой организацией ума и чувств. Вообще, по настоящему, проблема взаимопонимания не является непреодолимой. Это чем проще человек, чем меньше образован, тем меньше способен понять других, только самых близких ему по природе. Но те, кто поняли и разобрались в себе, открывают и мир других людей, сколь бы "далеки" они не были по мироощущению, и это великий магистральный путь к миру между индивидуумами, к единству в больших нациях, а там близко уже и к миру между народами на бытовом уровне, не только на политическом. В перспективе человек способен хорошо, и даже полностью, понимать самых дальних от себя людей, разве что не сразу, учиться надо...

Кроме затруднений со взаимопониманием есть и другой источник войны – то, что в религии называют гордостью, точнее гордыней, самовозвышением, когда всякий "другой" должен быть ниже "меня". Это эгоизм, а не достоинство и честь, но часто их путают. Всякий, считающий себя обиженным успехом другого, начинает подавлять кого-то, вовлекает в круг своих действий других людей, и это портит жизнь иной раз не только его ближайшему кругу, но доходит и до огромных масс. С гордостью или более скромным складом характера тесно взаимодействует ещё и фактор интересов. Каждый человек и группа людей имеют свои интересы, которые реже или чаще пересекаются. И люди забывают или вообще не видят, что другой человек вообще-то тоже может быть (и должен быть) интересом. Гордость и эгоизм ставят вперёд и делают важными лишь узкие интересы, но более разумные видят лучшие перспективы и возможности, когда кооперация самых разных людей, в перспективе всего человечества, является наиболее выигрышной стратегией для всех и каждого.

Когда закон говорит "не" делай чего-то, то подразумевается, что если кто-то всё же делает то, чего "не надо делать", то его самого станет "не быть"... Такова философия запрета. Закон однозначен к нарушителю – "возмездие за грех – смерть"³⁰. Сам по себе Закон не умеет прощать, это не его функция. Он всего лишь раскрывает одну из сторон Бога, справедливость и правосудие. Прощение связано с другой стороной Его характера, и в Законе оно не отражено, хотя есть намёк во второй заповеди, что Бог любит человека. И с этим вопросом надо идти к Нему, закон же нарушителю помочь ничем не может, разве что чётким осознанием отсутствия перспектив, полного конца. Поэтому ценно ещё одно высказывание Павла, что "Христос – конец закона", то есть там, где Закон не может помочь нарушителю, стоит жертвенник с Жертвой на нём.

Апостол Павел однажды высказал мысль, что "закон установлен для нечестивого"³¹, непокорного человека, то есть закон призван показать человеку, склонному к нарушениям, что делать это опасно. У него сдерживающая функция, он дан в сегодня в негативной форме, и это не изменится, пока "не прейдут небо и земля", до конца этого мира. Закон отсекает лишь вредное и опасное, однако же за этим просматривается широкое поле возможного, всего доброго и созидательного, что не разрушает ничего и никого. То есть в условиях греховного мира, начавшегося с падения первых людей, закон принял негативную форму, но если бы падения не было, то те же принципы могли бы быть выражены в позитивной форме. Правда, их было бы много, почему Давид в своё время в гимне Закону³² выразился – "я видел предел всякого совершенства, но Твоя заповедь безмерно обширна"³³. Это всё, что только может делать любовь и добро...

---

30 Рим.6,23

31 1Тим.1,9

32 Псалом 118

33 Пс.118,96

Седьмая заповедь охраняет и защищает другую важнейшую сферу человека – интимную. И если ценность жизни ощущает каждый и легко соглашается, что убийство воистину плохое дело, то с вопросом счастья живущих не всё так очевидно. Нет, когда человек ощутил ценность другого, когда мужчина увидел в женщине или женщина в мужчине свет для себя, и когда эту ценность кто-то легко и непринуждённо отвергает от них, забирает их ласку и прочее, невыразимое простыми словами, то тогда все эти люди убеждаются в величайшей ценности и седьмой заповеди также, как и предыдущей. Остальные же, забывшие или не узнавшие силы любви, могут даже удивляться – да что с той лаской, её на всех хватит, и на меня и на тебя, зачем ревновать? Но это пока не обрели вторую половину. Жизнь ценна сама по себе, и это отражено в заповеди "не убивай", однако жизнь наполнена многими ценностями, одна из которых заряжена в разделённости полов, в чём скрыты большие возможности для того, чтобы живущий был счастлив. Если человеку оставить лишь базовую ценность – жизнь, в остальном же обездолить его, то и сама жизнь начинает обесцениваться... Поэтому защита остальных ценностей защищает и саму жизнь, поэтому отнимать счастье человека разрушительно для человечества.

Очень много людей нацелено на удовольствие как заменитель счастья, при этом каждый всё же ценит и счастье, и не хочет быть лишённым его. Однако же в жизни ведёт себя так, что разрушает его своими же руками, весьма активно. Всегда разумнее тот, кто смотрит вперёд, и в противоречии между "взять сейчас" и "иметь потом, но навсегда" выбирает настоящее и полное достояние. Возражением этому ещё в раннем возрасте нам внушается миф, что счастье не бывает навсегда, что любовь непременно исчезает, и на смену ей прямо-таки надо, чтобы пришла другая. Факты жизни как бы свидетельствуют в пользу таких теорий, но дело в том, что исчезает не любовь, а увлечённость, какой бы сильной она ни была. Между ними, если их внимательно сравнить, очень немного общего, однако же для тех, кто увлечён, обычно весьма трудно разобраться в себе. Не место для подробного анализа, скажу только, что лучше об этом деле говорить в других терминах – есть пары, которые совместимы на уровне природ, физического строения и психических особенностей личности, и все остальные... Так между полностью совместимыми людьми не может быть угасания привязанностей, так же как между несовместимыми людьми (бывают мало совместимые и более-менее совместимые пары, и разница между ними заключается лишь в количестве проблем, при этом качество их жизни одинаково неприемлемое) не может быть счастья и долгой любви. Именно на основе опыта жизни несовместимых пар и построены все представления о непрочности человеческих союзов. Однако же сколько людей сбило с пути это учение о непостоянстве человеческого характера и многие люди даже не пытались найти своего человека под его влиянием. И сколько потеряли... Союзы гармонирующих между собой пар невероятно прочны, если люди и меняются в течении жизни, то вместе, так что в любой фазе своей жизни они всё также радуют взгляд и сердце друг друга, до самой могилы и даже после неё отражая свет вечности, заложенной Богом в союз мужчины и женщины. Поэтому смысл ограничения на проявление любовной активности весьма разумен, люди не должны играть в любовь, не должны развлекаться (есть намного более достойные занятия для проведения времени) за счёт интимной части своей природы дальше неких умеренных пределов.

Иногда погоня за удовольствиями становится обременительной и для тела, и для души, которые устают и снижают способность к удовольствиям (приспособительная автоматика, однако), но не привыкший к более высоким удовольствиям человек не знает, чем ещё занять себя, и пытается попробовать форсировать всё то же привычное русло, надеясь получить ещё одну дозу радости. Тогда зачастую сбивается прицел, происходит извращение нормальных "потребностей", и взгляд человека обращается на свой же пол. Так в прошлые допотопные времена "всякая плоть извращала путь свой". Позже гомосексуализм возникал не только от пресыщения привычным, но и от нарушений тонких регулировок системы. Те, кто пытается представить гомосексуализм

нормой, опираются на то, что он не порождает или не сопровождается какими-то видимыми, заметными отклонениями в здоровье. Но подобным образом мозг, повреждённый дозой³⁴ алкоголя, кажется вполне работоспособным, однако же попробуйте такому человеку дать задачку посерьёзнее, и разница станет очевидна. То же с отклонениями в сексуальности – организм как будто полностью здоров и не поддаётся болезням, однако что-то очень сильно не так как минимум с гормонами, да и с продолжением рода тоже...

Хотя эта статья Закона как будто говорит исключительно о сексуальной сфере, если взять именно букву заповеди, но то, что предшествует близости, также регулируется ею. Игра в ухаживание, флирт – они также вовлечены в смысл этой заповеди. Не находится ли любое удовольствие тела так же под того же рода ограничением – не делай лишнего, не увлекайся? Переедание, наркотические вещества, курение – все эти вещи, что люди могут *любить*, к чему можно привязаться и привыкнуть, должны быть ограничиваемы, чтобы быть здоровыми, несущими здоровье и радость, а не потери и опустошение (наркотики вообще-то совершенно нездоровые вещества, их вообще не должно попадать в поле зрения человека). Вообще удовольствий у человека должно быть много разных видов, и тогда переключение между ними гарантирует от зависимости от одного вида удовольствия. А много удовольствий – кто-то спросит "как это"? Их не так уж и много как будто, но это если говорить лишь о удовольствиях низшего плана, прямых телесных и эмоциональных. Физическое совершенствование, упражнения – для многих это тоже удовольствие, следующая ступень после самых простых. Музыка – увлечение многих и многих людей, вносящая облагораживающую струю в жизнь человека. Любимая профессия, любимое дело, творчество в разных сферах, и одно из самых больших радостей – науки... Вам случалось сделать открытие в чём-то, пусть даже в давно открытом, но самостоятельно с нуля? Мало что с этим может сравниться. Чем больше каналов реализации у человека, тем больше удовольствий, тем невозможнее попасть в ловушку простейших (почему их называют низменными) радостей плоти. И чем меньше разнообразие занятий, тем скучнее кому-то кажется жизнь, и тем больше ловушек на их пути. А также короче жизнь, не только из-за опасностей неразвитого существования, но и потому, что мозг, работающий над тяжёлыми и масштабными задачами, со своей стороны стимулирует тело к более крепкому здоровью – тело и мозг тесно связаны. При прочих равных условиях увлечённый большими знаниями мозг продляет жизнь по сравнению с простаивающим, пожалуй, процентов на двадцать минимум. И если бы увлечённые знаниями люди ещё и жили здорово, то могли бы жить раза в два больше ничем не интересующихся и не хранящих правила здоровья людей.

Когда человек живёт более высокими интересами, жизнь всегда ярка, даже в будни. Даже рутина наполнена смыслом и интересом. И тогда то, что требуется законом – полное воздержание – становится совершенно естественной нормой жизни. Есть люди, которые даже пропагандируют невозможность соблюдения одновременно всех норм Закона, как будто человеку это невозможно. При этом отрицается греховность человека, проповедуемая религией. Но ведь несоблюдение всех этих норм – это всегда чьи-то потери, в том числе человеческие жизни... Получается, кто-то заранее программирует огромные массы на преступления, на потери. В принципе, религия действительно говорит, что самому по себе человеку невозможно вести полностью соответствующую Закону жизнь, полная праведность невозможна, с одной оговоркой – без посторонней помощи. Это верно если брать человека изолированно, самого по себе. Но есть влияние, от которого не свободен никто среди людей, ведущее к этому невозможному, Бог как раз и является гарантом, воспитывающим и направляющим человека, и развитие всех способностей тела, души и ума – это Его инструменты в этом деле, очень значимая помощь против порабощения низменными удовольствиями.

34 Речь идёт, конечно, о существенных дозах, достаточно сильно изменяющих содержание алкоголя в крови. Если бы его потребление не превышало медицинских доз, то вряд ли бы о нём вообще когда-либо зашла речь.

Существует и другое влияние, не знаю, есть ли за этим какие-то круги или это просто общее бессознательное проявление испорченности человека, пытающееся привить людям, особенно молодёжи, убеждение в ненормальности, "отсталости", немодности, совковости воздержания, что секс должен быть совершенно свободным. Я замечал и целенаправленные усилия в некоторых книгах и статьях в девяностые, сейчас как будто созревшие и давшие свои плоды. К счастью, полного разврата в тех работах как будто не насаждалось, всего лишь пытались избавить женщин (почему-то именно женщин – не знаете, почему?) от остатков "религиозного ханжества", сделав вопрос позволять себе или ему близость исключительно своим личным решением, выводя его из под любых других соображений, в том числе из сферы нравственности. Попадалась на глаза англоязычная статья в колледже, такое руководство для современных девушек, о нормальности интима. Там утверждалось, что это "твое и только твоё решение", однако же всячески избегались факторы, исходя из которых такие решения могут и должны приниматься, всё было выхолощено. Если у девушки не будет никаких ориентиров, кроме личных ощущений, то будет ли её решение действительно свободным? И правильным, о котором не придёт жалеть? Однако же если собрать в список все факторы, с которыми придётся столкнуться, входя в эту дверь, то разум приведёт практически к той же древней заповеди. Остатки нравственности, даже безрелигиозной, всё же не позволяют всей молодёжи терять берега, но есть ощущение, что некоторой цели враг рода человеческого добился. Судя по разговорам в форумах и чатах, считается неприличным оставаться девственницей, не иметь парня, и это сильное, даже сильнейшее давление группы, peer pressure, проклятие современности. Когда-то для парня считалось не то, чтобы престижным добиваться близости от девушки, но авторитета в глазах его сверстников это придавало, однако же сегодня это уже как будто настолько стало обычным делом, что добиваться уже практически ничего не надо, достаточно перебрать несколько вариантов... Как будто бы мужчины победили женщин, сделав их убеждёнными противницами воздержания, максимально обеспечили себе доступность этого удовольствия. Только больше ли стало счастливых людей? Даже довольных – вряд ли, не вижу вокруг такого. Когда желания удовлетворяются без задержки, без усилия, те, которые по природе не планировались частыми, наступает пустота, теряется мотивация, приходит депрессия, тот её вид, случающийся, когда нечего желать, наверное, худший из них. И кто-то скажет, что заповедь "не прелюбодействуй" устарела или её кто-то придумал из вредности?

Восьмая заповедь охраняет имущество и собственность. Вряд ли у кого-либо есть вопросы или возражения к ней – любой, у кого что-то взяли и не отдали, украли или отняли, всей душой подтвердит, что заповедь самая что ни на есть правильная. Даже сами воры, не признающие права других на собственность, имеют весьма строгие правила относительно имущества людей из своего круга.

Как и другие заповеди, восьмая имеет расширенное толкование, то есть когда человека, например, занимают пустым разговором, то это будет кражей его времени... Если планы человека на своё время нарушаются посторонними вторжениями, когда его отвлекают ради чьих-то интересов, это опять же кража времени. Подобного много, и за все эти моменты люди несут ответственность перед ближними и Богом.

Однако есть вопрос общественного порядка – всё ли может быть присвоено отдельным человеком или же есть вещи, которыми человек не может или не имеет права владеть? Есть ли пределы и ограничения на собственность? Всегда ли она неограниченно священна? Если такое ограничение есть, то владение избыточно большими средствами окажется кражей у общества и даже уже у Бога... Например, в законах Израиля Бог устанавливает, что земля не может принадлежать никому, Он объявляет, что она принадлежит Ему, все остальные лишь арендаторы у Него, хотя и без права

отчуждения своих прав другому, с неограниченным сроком пользования своим наде-лом. Он ограничил право людей ощущать себя полным и неограниченным собственником, задолго до любых коммунистических идей. В Советском Союзе нас учили разнице в типах собственности – есть личная собственность, с которой всё в порядке и государство и закон защищают её, и есть собственность другого порядка, обозначенная термином "частная", которая в СССР была объявлена вне закона. Правомерен ли запрет на частную собственность, нет ли в идеях коммунистов отголосков от миро-воззрения самого Бога?

Ограничивая владения человека, Бог явно преследовал цель, чтобы у человека не возникало избыточного ощущения независимости, или чтобы он не вообразил себя полновластным владыкой над кем-то другим, не имеющим надела по каким-либо причинам. Или, наверное, как мне некогда объясняли этот вопрос – большие деньги или имущество сверх некоего лимита начинает искажать психику человека, его взаимоотношения с другими людьми, его мироощущение. Он отрывается от реальности и начинает вообразать себя богом. Я не вижу, что так обязательно должно происходить, но такой фактор всё же существует и вполне действует. Хотя само по себе это бы и правильно, что человек должен достигать какой-то божественности, но некоторые "божки" начинают пренебрегать теми, кто не имеет собственности столько, сколько они, поэтому с учётом присущей человеку испорченности мера эта выглядит весьма уместной. Того же уровня и идеи коммунистов, хотя они чрезвычайно сузили рамки дозволенного размера имущества (наверное, это неопытность в такого рода делах, нехватка понятий, ограниченность тех, кто встал у руля?), хотя сегодня они как будто уже совсем не против малых и средних предприятий, потому что полностью лишать человека предпринимательства есть тоже грех против природы человека, подрезание крыльев у тех, чьи таланты могли бы обогатить общество через свои предприятия и деятельность.

Будь человек праведен, его имущество, сколь бы большим оно не было, не послужило бы ему соблазном пренебрегать ближним, и тогда он не был бы столь привязан к деньгам, и то, о чём прежние классики учили, что ради прибыли капиталист готов на многие преступления, такое в принципе было бы невозможно. Правда, случай Люцифера наоборот, надо признать, свидетельствует как раз в пользу этого тезиса Маркса... И хотя его случай единичный, Бог подчёркивает именно эту причину его падения – "от обширности торговли твоей внутренность твоя исполнилась неправды"³⁵... Не известно насчёт размера его личного богатства, однако его центральное положение в управленческом аппарате и обширность контактов и влияний на всех подчинённых было его делом, сферой его деятельности, и вот он захотел большего, чего в принципе не мог или не имел права иметь. Но почему-то подумал, что как-то сможет, и до сих пор пытается. И всякий человек, имеющий гигантские богатства, в какой-то мере если и не сродственен в этом с дьяволом, то имеет те же соблазны и те же тяготения, те же обстоятельства, ведущие к разрушению. А по дороге у них ещё одна проблема – другие люди начинают восприниматься как конкуренты, как объекты, которых хочешь не хочешь, ничего личного, но надо как-то подавлять. Поэтому в принципе трудно не согласиться с коммунистами о неизбежной порочности империализма. Но не стоит забывать о другой стороне дела, что богатство само по себе не есть порок, а лишь фактор, причём не самодовлеющий. Кроме Люцифера были и есть другие влиятельнейшие лица в иерархии небес, и есть тот, кто занял его место после того, как падший ангел был изгнан, но больше никто из них не пошёл его путём. И не

пойдёт, опыт отступления и восстания в небесах и опыт Земли во всём многообразии всех форм греха и его последствий является надёжнейшей прививкой против возможности повторных отступлений от Пути.

Девятая заповедь – "Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего". Ещё одна сторона человеческого бытия прикрывается щитом Закона – искажение реальности, ложь на кого-либо, что разрушает нормальную жизнь человека, его связи, обустройство, а иной раз и жизнь. Когда возникают ситуации, в которых мы оказываемся свидетелями, когда от нас требуется отчёт о ком-то и его делах, ответом должны быть лишь факты, а не догадки о них и не предположения. Если есть какие-то соображения, даже очень существенные, надо подавать их как соображения, а не факты. Нельзя разрушать репутацию и честь человека из мести или обиды – если есть какие-либо претензии к нему, это надо решать адекватными средствами, но не искажением реальности на суде (суд имеет место не только там, где есть официальные судьи и адвокаты, это могут быть любые разбирательства между людьми). За всякое нарушение этого правила любой ложный свидетель сам окажется под судом высшего Судьи. Отомстить даже плохому человеку тем, чтобы свалить на него чью-то вину или придумать несуществующую, является нарушением этой заповеди. Как собственно и выгораживание виновного, сокрытие вины, если это имело место.

Десятая – "Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни слуги его, ни служанки его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего".

В этой последней заповеди происходит качественный переход от регулирования действий к управлению мыслями и чувствами. Как будто повторяются и расширяются заповеди "не прелюбодействуй" и "не кради", с уточнением, что даже желание в эту сторону не является законным. Многие склонны думать, что Закон обращён лишь на действия человека, а внутреннее состояние не влияет на нашу судьбу, и если позволять себе мыслить о нехороших вещах, но не делать их, можно как будто быть праведником. Но десятая заповедь показывает, что и мысль и намерение о нарушении правил также незаконны, как и действие.

Мысль, постоянно направленная на что-то, обычно вызревает в действие, направленное на достижение этой цели. Если позволить себе, чтобы мысли или чувства крутились вокруг того, чего не стоит делать, весьма велика вероятность, что это будет сделано. Поэтому единственно правильно действуют те, кто изгоняет неверные мысли и чувства, чтобы они не накручивали напрасно воображение, выжимая адреналин в кровь, впустую гоня энергию и портили жизнь. Фрейдисты некогда запустили в целом неверную концепцию о подавленных желаниях, однако их идея верна лишь в одном случае, описанном только что – когда человек выпускает на волю воображение, не допуская действий, претворяющих воображаемое в реальность. Такое положение вещей можно сравнить с тем, как давить одновременно и на газ, и на тормоз – такое да, изнашивает двигатель, это действительно "зажим пружины". Всё остальное – миф и обман добрых людей. Если вы выбрасываете из головы то, о чём не стоит думать и переживать, никаких "пружины в психике" зажиматься не будет и никаких проблем от этого не может быть. Если вы "стряхиваете" ненужные, вредные эмоции, будет только польза и улучшающийся со временем самоконтроль.

Трудно ли контролировать мысль и эмоции? Если этим не заниматься, и позволить себе привыкнуть к неконтролируемому и несдерживаемому изнутри поведению, то трудно. Привычка к бесконтрольности – жуткая вещь, магистральная дорога к разрушениям и себя и других.

Есть ещё мифы – "запретный плод сладок" и "не думать о жёлтой обезьяне невозможно". О первом – Ева взяла запретный плод не потому, что он был сладок, а потому, что

её усиленным образом обрабатывал умелый манипулятор, и именно благодаря его усилиям она стала думать об этом и позволила себе увлечься. Для множества здраво воспитанных людей проблемы "запретного плода" не существует, не существует вообще, он не притягивает их. Особенно если ясны причины запрета. Что-то такое может быть, если человек уже на крючке зависимости, и знает вкус того плода. Или ему умело разрекламировали его, распалив воображение и зависть картинками, как другие люди вкушают его. Но это и всё. Также "запретный плод" может потерять свою сладость, и вовсе не оттого, что его попробовали, но всего лишь за счёт понимания смысла вещей, хотя это обычно долгий путь. Другой миф, что невозможно не думать о том, о чём особо предупредили не думать, ложен в той части, что может быть трудность с контролем какого-то образа некоторое время. Но потом-то этот образ просто забывается сам собой... Помню, как читал как-то статью о этом эффекте "жёлтой обезьяны", как некоторые психологи пытались её решить. Если человек ставил себе задачу и немедленно пытался её решить без подготовки, то это оказывалось действительно невозможно. Но если он имел время, чтобы предварительно настроиться на эту задачу должным образом, то результаты уже не были столь однозначны. Если использовать механизм вытеснения нежелательного образа, то всё это вполне возможно, и даже нетрудно. А разве кто-то ставил задачу так, что надо добиться всего сразу, без перехода, без настройки, без домашней работы, подготовки? Наше сознание вполне может справиться с проблемой не думать о чём-то, по крайней мере подготовленное. И та и другая трудность оказываются не настоящими, преувеличенными, фактически ложными.

Но если с детства прививать самообладание и контроль, даже не с детства, то многое получается легко, и со временем всё станет достаточно подконтрольным. В принципе, контроль над мыслями, реакциями, эмоциями вещь весьма благодарная, потому что может пригодиться в самых неожиданных случаях – например, для сохранения здоровья, и иногда жизни. В вопросах здоровья владение своим воображением часто может очень существенно помочь, потому что задействует резервы мозга и психики, обычно малоиспользуемый ресурс. Многие встречались с эффектами психотерапии, когда больному становилось легче едва врач скорой помощи переступил через порог. Но если наша психика срабатывает бессознательно, не стоит ли использовать эти возможности осознанно? Воля к жизни – великая вещь. Дальше больше – именно здесь, в этом контроле над собой лежит область многих и многих необычных явлений. Чудеса не даются тем, кто ленив... И начала всем этим вещам положены в простейших охранительных правилах, оберегающих наши жизни и счастье.

Впечатления Синая. Завет. Визит представителей народа на гору

Рёв трубного звука, спускающийся с неба шар пламени и дыма, трясущаяся от голоса Бога земля, ощущаемое каждым внимание к нему лично, смысл заповедей, рисующий картину совершенства, которая в то же время вызывала в людях, в массе своей не задумывающихся о совершенстве характера, ощущения довольно некомфортные – вину и далёкость от праведности, произвели в народе чувства соответственные. Они попятились назад, пока говорил Бог, и когда Он закончил произносить Свой Закон, то обратились к Моисею, бывшему в это время вместе с ними – "говори с нами ты, и мы будем слушать, только пусть Бог не говорит, чтобы нам не умереть". Будь они по характеру поближе к своим не столь ещё отдалённым предкам, то такое лицезрение Бога и Его проявлений вызвало бы у них скорее восторг, чем ощущение несовершенства, но для них тягостно ощущать себя ничтожествами рядом с Богом и они оценили Моисея, могущего быть посредником между ними и Богом. В этот момент авторитет Моисея опять возрос в их глазах, они сами убедились, с какими силами общался Моисей, от Кого передавал заве-

рения, что им не нужно волноваться и переживать, но стоит довериться могущественнейшему Существо во вселенной.

Моисей ответил им, что волноваться за свою жизнь им не стоит (если они, конечно, сделали то, что для встречи этого дня требовалось), Бог пришёл к ним не для того, чтобы уничтожить их, но всего лишь испытать и направить на здоровый путь. Но их было трудно убедить, и они по своему были правы – они понимали, что по настоящему следовать указанному им Пути не будут (для этого надо было измениться внутри себя, кардинально), поэтому их опасения были достаточно реальны... Впрочем, Моисей сказал и об этом, что этот страх, испытанный ими в присутствии Бога, поможет им держаться Его пути, поскольку они ощутили свою дисгармонию с Непом, и это вполне могло сработать, изменить их внутренности, задумайся они серьёзно обо всём (не страх сам по себе, он должен был лишь направить их первый шаг). Кому-то должно было помочь, но многие не воспользовались, не задумались, и поэтому не изменились.

После этого краткого разговора с народом Моисей вернулся на гору, где Бог продолжил давать многие предписания по самым разным вопросам, которые позже были записаны в книгу, которая стала называться Законом Моисея. Тут стоит отметить некоторую разницу понятий – те десять заповедей, что были произнесены Богом с Хорива вслух, составляют Закон Божий. Всё, что последовало после этого, всё даваемое через Моисея как посредника, входило в Закон Моисея. Эти законы различаются очень сильно, хотя все они законы, то есть вещи, которые надо соблюдать, за нарушения которых следуют те или иные наказания. Но один из них верховный, своего рода конституция, определяющий саму суть жизни, остальные же узкого применения, заведующие каждой своей сферой жизни, богослужений, поклонения. На протяжении трёх глав Моисей перечислил эти кодексы и разрозненные повеления и уставы.

Затем вновь Бог послал Моисея к народу, и Моисей пересказал эти краткие предварительные очертания будущего свода законов, знакомя народ с остальными порядками, которые будут направлять жизнь общества. Им предстояло вступить в завет с Богом, принять Его правила на все случаи жизни, и им обрисовывали, каким будет их будущее. Для многих капризных людей подобные условия показались бы невыносимым игом правил, где нет никакой свободы, кроме заранее заданного пути. Что поделать, есть люди, для которых даже плата за квартиру – непредвиденные расходы... В принципе, здесь им давались весьма разумные и нетяжёлые правила, но воображение склонно иногда в таких условиях рисовать самые унылые перспективы. Однако те, кто могли так думать, видимо, боялись спорить с Богом или показывать своё недовольство кажущейся несвободой, и им хотелось поскорее уйти из присутствия Бога, поскорее закончить этот долгий день торжественного ознакомления условий договора с Тем, Кто создавал их для Себя. Те, кто были чужды здоровых начал, могли ощущать себя обречёнными на вечное рабство у Того, с Кем не поспоришь и не повозмущаешься, хотя всё же большинство понимали, что ничего такого нет и в помине, что им предлагают то, что остальные народы посчитали бы за высшую честь и величайшую выгоду по сравнению с теми условиями, что были им выставлены их религиями. Кто-то с радостью дал своё согласие, кто-то без энтузиазма согласился, но все хором подтвердили: "Всё, что Суций сказал – выполним!" Этим было получено предварительное согласие на заключение договора-завета. Остальное совершалось на следующий день.

Утром рано Моисей устроил жертвенник, выделил людей для того того, чтобы совершить жертвы, которые были принесены по прежним патриархальным традициям, ещё не было уставлено служение левитов и потомков Аарона, известное как левитская система. После жертв Моисей взял кровь жертв и окропил жертвенник. Потом ещё раз прочитал записанные уставы и правила народу, и народ снова подтвердил намерение держаться изложенного им пути – "Всё, что сказал Суций, сделаем и будем послушны". Вчера были предварительные слушания и знакомство с Богом и Его условиями, сегодня же этот договор заключался. Обряды заключения за-

вета не были сложны, не отличались изысканностью, торжественность момента происходила от самой величины Бога, потрясающего не только людей, но и природу вокруг Себя, от Его присутствия, наполняющего это место. После подтверждения народом принятия условий, Моисей взял оставшуюся кровь и окропил народ, говоря при этом – "Вот кровь завета, который Бог заключил с вами обо всех этих словах". Кровь кропления символизировала не приговор нарушителю завета, но прежде всего тот смысл, что уже давно присутствовал в жертвах, означавших и силу Закона, не могущего прощать виновного, и одновременно идею Заместителя, занимающего место провинившегося, дающего виновному возможность начать с чистого листа. То, что отвергшие возможность исправиться расплатятся уже своей кровью на последнем Суде, также содержалось в этих символах, но главным во всей системе богослужения Израиля является возможность второго шанса нарушителям, потому что под окончательное возмездие попадают лишь окончательно отвергнувшие протянутую им руку помощи. Многим, негодующим на кровавые символы искупления стоит помыслить не о жестокости Бога, а о неизбежной смерти из-за нарушения Закона. Это не требование Бога, это сама жизнь устроена так... Сначала нарушение и преступление, все проблемы расплаты и искупления, избавления от вины идут после. Бог не жесток, наказывая нарушителя, это нарушитель нарушил безопасность и гармонию и навлек на себя гибель. Если бы не возможность, предоставленная Жертвой, то мог погибнуть весь мир, всё, созданное Богом. Не будь искуплен человек, существовал шанс, что и оставшиеся на стороне Бога небожители могли начать (а кто и продолжить) сомневаться в Нём, в Его порядочности и гуманности.

С этого момента Израиль стал действительным представителем Бога на Земле, обрёл некоторые полномочия, которые Бог старался поддерживать и обеспечивать, хотя не всегда мог это делать, потому что евреи не старались хранить договор, в который они сейчас вступили. Но в этот день Бог приглашает избранных представителей народа к Себе на аудиенцию или приём. Остальному народу было повторено, что нельзя прикасаться к горе, но для приглашённых это ограничение не действовало. Моисей, Аарон, двое его сыновей и семьдесят старейшин – по шестеро примерно от каждого племени – взошли на Хорив, приблизившись на достаточное расстояние, чтобы видеть своего Бога, пришедшего к ним явным образом. Они видели Его не так близко, как прежде Авраам и другие патриархи или Моисей, но зато их было много в этот раз. Они были удостоены большой чести, что, с другой стороны, увеличило их ответственность. Эта встреча с Богом могла бы помочь им стать выдающимися служителями всякой правды и добра, однако некоторые вместо этого решили, что в силу приближенности к Нему им можно больше, чем другим, и что Моисей теперь ненамного превосходит их. Правда, это было позже, а сейчас они ели и пили приготовленное для них не людьми, но ангелами, служащими на этой горе. С того места, где они находились, они видели Бога, и отметили необычную технологию обустройства Его места – под Его ногами было нечто прозрачное, как сапфир, словно бы твёрдая поверхность озера, отражающая небо и сияние вокруг Бога. И хотя у многих из них впоследствии обнаружили неверные поступки, но здесь и сейчас их несовершенства не навели на них наказаний, Бог старался приблизить их к Себе, притянуть и привязать, чтобы им хотелось почаще быть с Ним, чтобы не было причин, не пускающих их к Нему, грехов и преступлений. Уже тогда, ещё на Синае, Он уже пришёл "не губить, но спасать". До Его воплощения в человека было ещё далеко, но уже тогда Он хотел и пытался раскрыться людям как Эммануил, "с нами Бог"...

Обретение Закона. Сорок дней Моисея на горе и золотой телец в лагере

После этого Бог опять позвал Моисея к Себе, собираясь дать ему ещё необходимые знания о законах, а также две каменных плиты с написанным на них Законом, который был объявлен Им с горы. Иметь артефакт, полученный от Бога, придавало веса религии народа, дополнитель-

ную значимость, для человека это важно – иметь какой-то памятный предмет. Моисей оставил за старшего в лагере Аарона с помощником Ором, а сам с другим молодым человеком, ставшим ему опорой и помощником во всём, отправился на Хорив. Иисус Навин не поднимался туда, куда ходил Моисей, но ожидал его где-то в окрестностях на склоне или пещере.

Моисей не сразу пошёл на вершину, где находился Бог, но ожидал в каком-то месте, пока его позовут. Когда они пересекли черту, за которую остальным было нельзя заходить, гору покрыло облако, сияющее изнутри ярким светом. Шесть дней Моисей ожидал аудиенции, и лишь на седьмой день Бог позвал его, и после этого Моисей вошёл в середину облака, на вершину горы. Говорится, что там Моисей пробыл сорок дней, хотя непонятно, считаются ли дни, проведённые в ожидании или нет.

В этот раз разговор у Бога шёл о постройке святилища, походного варианта, которое легко собиралось и разбиралось. Моисею были даны детальные и подробные инструкции. Они присутствуют в отчёте Моисея на протяжении нескольких глав, и в них расписана каждая деталь. Мы можем читать о них, Моисею же было ещё и показано всё, то ли в чертежах, то ли в виде-нии, сопровождавшем слова и описания Бога, то ли на информационном устройстве, подобии наших компьютеров. Он имел ясное понимание фигур деталей и соединений, которое потом воплотилось в работе мастеров, работающих под его руководством. Также были даны расписания устройства богослужений, жертв, как должны выглядеть одежды священников и что они должны делать в тех или иных случаях. Это был огромный объём информации, который Моисей потом записывал и всё это вошло в четыре книги – Исход, Левит, Числа и Второзаконие. Главные мастера, которые должны были руководить постройкой храма, также были названы поимённо, хотя помогать им могли и должны были все, кто имел умелые руки. Правильный человек во главе какого-либо дела – залог успеха.

В заключение разговора Бог особый упор сделал на хранение седьмого дня, который был памятным знаком, запечатавшим или запечатлевшим Творение, происхождение человечества, нашу с вами жизнь и среду обитания. Представители Создателя должны на себе нести и Его знак. После этого Суций вручил ему две плиты с Законом десяти заповедей, написанных на отполированных камнях Его собственной рукой³⁶.

В это время в лагере

Моисея не было долго, сорок дней, если не больше, всё это время он провёл на горе, а в это время люди стали его терять. Некоторое время они не замечали его отсутствия, потому что особой нужды в нём не имели, это он обычно выходил к ним, чтобы передать нужную команду свыше или рассказать что-то новое о том, что им надо делать. Даже если возникали споры между кем-то, то теперь были люди, готовые разрешить их, так что его отсутствие не создавало проблем. Однако со временем всё же возникло какое-то движение среди людей, кто-то начал говорить, что он отсутствует слишком уж долго. Они могли подумать, что с ним что-то случилось, кто-то в шутку мог даже спросить – а был ли вообще Моисей, слишком долго его нет... То, что произошло дальше, в логику не укладывается. Люди почему-то решили, что раз нет Моисея (само по себе это многих вполне устраивало, слишком уж много несогласия было у них с ним, а теперь без него можно было поставить ему памятник и начать жить свободно), то им нужна некая фигура, объединяющая их и ведущая. Кому-то, возможно, хотелось вернуться назад, большинству не терпелось попасть в страну, текущую молоком и мёдом, и вроде бы они могли

---

36 В девяностых годах на глаза попадалась заметка в газете, где описывалась находка в Ираке этих разбитых плит (Моисей разбил их, едва спустившись с горы, разгневавшись на отступление народа). Надпись, как рассказывается, проступала из поверхности камня, выполнена была неизвестной технологией, изменившей структуру камня.

бы это делать, зачем тратить время здесь? Так что если с Моисеем вдруг всё же что-то случилось, они сами должны продолжить свой путь... Вот только зачем им понадобилось делать фигуру божества? До этого Бог лично водил их и прикрывал облаком от солнечного жара, ночью же Его присутствие было очень заметным Своим свечением, однако вот привыкли и перестали замечать. Была заповедь, совсем недавно услышанная с голоса самого Бога, чтобы не делать изображения для поклонения им, однако же раз нет Моисея, то это уже неважно, подумаешь, немного нарушили... Какая-то инициативная группа, правда, поддержанная, скорее всего, большинством народа, пришла к Аарону и, исключая всякие возражения, потребовала сделать им фигуру Бога, и, самое главное, не какого-нибудь Ваала или Ра или ещё кого из известных им языческих богов, а самого Сущего-Яхве! В своё оправдание они установили, что это будет их же Бог, выведший их из Египта, всё тот же самый Бог, только в видимом образе... Видимо, чтобы настоящий Сущий не вмешивался в их религиозную жизнь... Мне трудно представить, что вышло бы из этой затеи, если бы Моисей на самом деле не вернулся к ним.

Аарон мгновенно понял, что возражений эти люди не воспримут, что они настроены решительно. Позже Моисей отмечает в этой главе, что это Аарон позволил толпе вести себя так необузданно и буйно, позволил диктовать себе, хотя в его власти было не допустить этого, но он и не пытался. Ну как не пытался, робкая и незаметная попытка была – он попробовал сыграть на жадности евреев, попросив их принести материал, однако же не вышло. Народ проявил удивительную жертвенность на общее дело. Едва Аарон попросил принести достаточно золота для изделия, все сразу начали нести серьги, кольца, браслеты. После этого, видя их решимость и заряженность идеей, Аарон уже не пытался останавливать толпу. Он расплавил золото, потом, как он говорил, вылил расплав в воду, и комок золота принял форму тельца, что посчитали должным знаком. После этого Аарон поработал инструментами, и придал достаточно приличную форму слитку. Когда люди увидели получившееся, они сказали, даже вскричали – "Вот Бог твой, Израиль, который вывел тебя из Египта, из рабства!" Что-то совсем чуждое завладело людьми – как бы этот кусок золота мог вести их? Они были согласны даже, чтобы Аарон вёл их и был служителем этому тельцу, узнавал и объявлял им его волю. Воспринимали ли они тельца как посредника между их живым Богом на горе и ими? Им было так удобнее? Думали ли они, что могут заставить Аарона передавать им от куска золота такую волю Яхве, которая их устроит и при этом надеятся на Его помощь? Играть в язычество при живом, настоящем Боге рядом с ними?

Аарон в это время как будто потерял ощущение реальности, стал сомневаться в надёжности Сущего. Может, с Моисеем в самом деле могло что-то случиться? Однако же, тогда бы случилось и с ними... Он понимал, что Моисей ведёт долгие разговоры с Богом о многих важных вещах, но никак это не проявил. Видимо, как маленький, он надеялся, что когда Моисей вернётся, а вернётся обязательно, то расставит всё по местам... Один Моисей всё расставит, а один Аарон не может..? Он же был старше Моисея, а тут оказался слабым. Хотя он оправдывал себя тем, что народ же потерял Моисея, и когда он придёт, то народ и сам увидит, что ошибался, и доказывать ничего никому не надо будет, а если бы взялся доказывать он, то ничего бы не вышло. Вот только Аарон упустил возможность стать личностью большего масштаба, оказавшись с трудной ситуации, которая могла, победи он в ней, продвинуть его гораздо выше его сегодняшнего. Задача в самом деле была очень трудной – перемагнитить повернутые не туда умы и как-то вернуть здравый смысл тем, кто его потерял. Если бы он встал за правду, то его авторитета хватило бы, чтобы остановить первый напор и сбить людей с их безумного настроения. Бог следил за тем, как здесь шли дела – Он известил Моисея, что "народ развратился", и ожидал возможности вмешаться и помочь, но нужно было, чтобы хоть слово было сказано в нужном духе. В этом деле Сущий проявил прямо-таки человеческую черту – говоря Моисею, что народ грешит, Он сказал "народ, который ты вывел из Египта" – "ТЫ вывел", а не "Я вывел из Египта". Он сейчас не хотел ассоциировать Себя с этим народом, и это был плохой знак.

Сказав это, что надо спешить к народу, Бог сразу же предложил и альтернативный вариант – уничтожить это скопище несмысленных и вероломных людей, и произвести заново народ от Моисея. Тогда и не надо спускаться к ним и обличать, возвращать, наказывать... Однако же, когда Бог известил Моисея о случившемся внизу, Он сказал "Оставь Меня", и после этого соби-рался уничтожить столь нагло нарушивших договор. В этом моменте Моисей увидел возможность, что если не оставить Бога, то может быть будет возможность изменить его настрой... Мо-исей, который за последнее время, с тех пор как Бог явился народу, не испытывал негатива и прежних придинок от народа, смотрел на дело иначе. Моисей ясно видел одну проблему в таком варианте для как раз Бога, что это может принести Ему бесславие. Он понимал, как живут люди и целые народы – часто люди говорят между собой, и тот тон, которым сопровождается та или иная тема, может быть важным моментом. Моисей ощущал, как среди многих народов начнут говорить о его Боге, о Сущем. Мало кто будет вникать в детали, и исчезновение Израиля со сце-ны они не припишут недостаткам евреев, а обязательно отнесут это на счёт силы и способностей Сущего (точно также, как о царях и президентах, не беря во внимание ни окружение, ни усло-вия, зная лишь две крайних оценки) – Он не смог довести их до Ханаана, поэтому избавился от них... Боги Ханаана оказались сильнее Него – так будут говорить они, кивая пренебрежительно головами и, может быть, даже думать так. Он изложил это Богу, и это сработало. Не то, чтобы именно это убедило Бога, у Него было достаточно возможностей показать всем Свою величину, но не было гарантии, что сыновья Моисея и внуки не пойдут по тем же скользким и ненадёж-ным тропам, как внуки и правнуки Авраама, что не придётся опять рассматривать такую же си-туацию ещё один раз... Да и с этим народом далеко не все средства были задействованы. Так что этот вариант больше не обсуждался, и Моисей отправился вниз, держа плиты с Законом в руках.

По пути к Моисею присоединился терпеливо ожидавший его Иисус Навин. Вряд ли он со-мневался о Моисее как остальные, слишком близко было присутствие небесных существ. Слу-чись что-то с Моисеем, он бы обязательно знал это, и понимал, что это стало бы известно всем... Так что раз вокруг тишина и покой, значит всё под контролем и нечего сомневаться. При-близившись к лагерю, Иисус подумал, что происходят какие-то военные действия, но Моисей, знавший больше, сказал, что это не вопли убиваемых и не крики победителей, а звуки пения.

После того, как народ обрадовался обретению видимого символа их Бога, Аарон назначил на следующий день праздник в его честь – "Завтра праздник Сущему". Он тянул время, надеясь на какие-то изменения в ситуации, но сама собой ситуация никак не хотела разрешаться – Мои-сей не шёл, народ не остывал в желании иметь вместо живого Бога символ (само по себе как-то сильно неправильно, да и заповедь была открыто нарушена), поэтому плыл по течению. На сле-дующий день он поставил жертвенник. До сих пор Аарон выглядел некой фигурой, к которой приходят за советом, который распоряжается, но теперь он всё начинает уплывать из его рук. До этого на него падал авторитет Моисея, но после установки жертвенника он уже никто, от него больше ничего не зависело. Жертвы люди приносили сами, сами направляли дальнейшие собы-тия, по своему выбору. Князья племён, первородные семей снова обрели свою власть, а возмож-но, и большую, чем прежде, подражая Моисею, которому завидовали по причине его немалой роли в обществе.

После жертв люди сначала пировали, съедая свои мирные жертвы, а потом встали для игр и веселья. Они устроили игры, смешивая виденное в Египте со своими преданиями, и здесь за-рождалась традиции той части еврейства, которая потом долго (а прекратилось ли это?) вводила общество на кривые пути. Потом эти "традиции отцов" служили постоянным соблазном во все последующие времена, смешиваясь в воображении поколений со славой Бога и их собственны-ми восстаниями против Него. В их веселье вряд ли было что-то здоровое с точки зрения Бога и полезное для очищения и возвышения человечества, только обычные страсти и стремления пло-

ти, неосвящённой высшим просвещением. Зато плясали и играли от души, празднуя независимость от Бога, имея при себе лишь Его тень. Не знаю, выглядит это как если бы кто-то вместо друга или родителей выбрал бы себе лишь их фотографию, умильно глядел на неё, старательно игнорируя при этом живых, изображённых на той фотографии. Насколько же надо искривить себе сознание...

За этим их застал Моисей. Вид языческих игрищ и особенно золотой телёнок, около которого курился жертвенник и вокруг плясали и играли люди, поверг его в гнев, смешанный с отчаянием. Ещё недавно они тряслись за свою жизнь и умоляли его быть посредником, чтобы только не слышать голос Бога, и сейчас распуститься настолько... Может быть он ещё не знал, что люди называют этого тельца именем их Бога, но вряд ли бы это его утешило, на самом деле это лишь осложняло проблему ещё большей непоследовательностью – если ваш Бог Яхве, то почему не слушаетесь того, что Он вам сказал о изображениях хоть Его, хоть ангелов, хоть животных, людей или небесных тел? Плиты с Законом, который был дан народу в напоминание, сделанные руками самого Бога, был попран теми, кому был дан, и Моисей в гневе о поругании Закона, видя, что люди недостойны этого подарка, в сердцах бросил их на землю, и они разбились. Многие из народа заметили это, так как Моисей подошёл достаточно близко, и они могли видеть написанное на этих камнях, как сияют буквы. До этого буйные, когда требовали своего от Аарона, сейчас они потеряли настрой, выплеснутый в плясках и пире, они видели, что Моисей никуда не делся и что они его рано похоронили. Было понятно, что сейчас последует неприятность, тем более и чувство вины вдруг напомнило о себе. Моисей подошёл ближе и вскричал – "Кто за Суциго – ко мне!" Несмотря на то, что тельца понимали как отображение Суцего-Яхве, всё же они понимали, что Моисей спрашивает о другом, о тех, кто остался верен Суцему, который на горе, а не здесь, в лагере, в запрещённом второй заповедью виде тельца. К нему стали подбегать левиты, которые по какой-то причине не оказались захвачены общим настроением и отказались праздновать вместе со всеми. Подавленное настроение Аарона и то, что этот народный переворот отодвинул Аарона, их родственника и князя от занимаемого им положения, сейчас сослужил хорошую службу, эта группа людей не участвовала во всеобщей потере рассудка. Когда они сбежали к Моисею, он выдал следующий приказ – вооружиться и пройти по лагерю, убивая без разбора всех, кто попадётся под руку. Правда, только тех, кто окажется вне шатра, внутрь заходить было нельзя. По сравнению с численностью народа примерно в миллион-полтора человек убитых было немного, три тысячи человек, пострадал примерно один из пятисот, то есть Моисей не зверствовал, не мстил, как и левиты не устраивали охоты на людей.

Всего час или два назад Моисей умолял Бога не уничтожать народ, но таков он был, не видя масштабов происходящего с людьми, в кого они превратились. Сейчас же, когда увидел, то, похоже, понял Бога и Его настроение. Однако же Бог собирался покончить практически со всеми, а Моисей затронул десятые доли процента этой репрессией, так что это был лишь отголосок настоящей беды. Если бы Моисей решился осуществить предложение, от которого Бог уже отказался, то он бы был очень сильно неправ, однако Моисей не согрешил здесь. Наказанию подверглись лишь те, кто не разбежался, когда он появился перед ними, самые упёртые, решившие, что Моисей портит им заслуженный ими невинный праздник, не видевшие больших нарушений в том, что они сделали. А сделали они, кроме идолопоклонства, хотя и вроде как своему же Богу, но в незаконном виде, ещё и то, что узурпировали власть в стане, отодвинув Аарона с его места. Аарон был спутником и помощником Моисея, делавшим чудеса своим жезлом вместе с Моисеем, так что у него были некоторые полномочия. Поэтому Моисей был в своём праве установить некоторое наказание, что он и сделал. Левиты сделали лишь одну ходку по лагерю и вернулись назад, но больше никого наказывать не требовалось, люди сидели по шатрам и молчали. То, чего они опасались, что Моисей может вернуться, исполнилось, и им было всем довольно нехорошо.

Моисей взялся за идола, расплавил его и затем как-то стёр в порошок, рассыпал по воде и заставил людей пить это. Видимо, заставил многих растирать о камни полученные куски золота, пока это не было превращено в пыль. Хотя металлы не растворяются в воде, но мелкодисперсные частицы могли образовать взвесь и эта вода не улучшала самочувствия. Моисей этим развеивал в людях предрассудки и остатки уважения к сделанному ими изображению Бога, чтобы в памяти не оставалось легенд, чтобы в будущем люди не возвращались к прежним ошибкам.

С братом тоже состоялся разговор, едва Моисей пришёл в лагерь, нужно было понять ход событий и причины случившегося. Моисей понимал, что Аарон сильно испугался напора толпы, но это и было моментом, который стоило отточить, чтобы он не был столь пугливым, это не годилось никуда. "Что тебе сделали, что ты допустил народ до такого великого греха?" – этим он показывал брату, что страхом за свою жизнь Аарон согрешил и позволил впасть в грех всем остальным. На его месте нужно было стоять насмерть, если бы уже так пошло, Аарон не только струсил сам, он позволил нации низко пасть, и что он сделал этим для Бога, тоже было профанацией идеи. Аарон боялся и брата тоже, и упрасивал, чтобы гнев Моисея не разгорался на него, сослался на народ, что тот буйный и Моисей это якобы хорошо знает. Да, был случай с водой, когда в Рефидиме остановился путеводный столб с Ангелом, но не оказалось воды, тогда Моисей жаловался Богу, что его готовы побить камнями. Но ему не было страшно тогда, ему было непонятно, что делать, он болел за то, что изнурённые люди и животные не имеют воды, а он не имеет ответа на их вопрос – в этом была его боль. Его травили искажением смыслов и мелочными придирками, но если бы даже попробовали поднять на него руку, он бы не испугался. Брат же оказался из другого материала, хотя мог повернуть всё иначе и поставить себя совсем по другому. Народ пошёл по пути необузданности не столько потому, что был такой неуправляемый, это Аарон позволил ему стать таким, отсутствием твёрдой воли создал эту неуправляемость. Моисей узнал то, что хотел, о причинах такого поворота событий, и дальше ему нужно было показать принципиальное отношение к случившемуся, выразить народу то, что едва не произошло, когда Бог предлагал уничтожить практически всех согрешивших. Много ли бы осталось из них после этого? Поэтому он созвал тех, кто не принимал участия в поклонении тельцу, и левиты, отозвавшиеся на зов, совершили висящее над ними мщение, наведённое ими на самих себя бессмысленным отступлением от только что заключённого завета с Богом. В нём были не только привилегии, но и немалые требования и ответственность.

Снова на Хориве

В лагере Моисей провёл один день и на другой день снова собрался на гору, чтобы знать, что делать дальше после такого нарушения договора с Создателем, также и предыдущий разговор о законах, правилах и уставах не был окончен. Он сказал народу, что идёт поговорить с Богом, попытается загладить случившееся нарушение. В его словах как будто сквозит предупреждение и беспокойство – "не вздумайте снова потерять меня..." Впрочем, в данный момент он не уходил надолго. Но случившееся отступление произвело некоторые перемены в том, как шли дела и в отношениях Бога с Израилем.

Моисей вернулся к Богу и стал просить, чтобы Он простил народ. Фактически его просьба как будто нелогична – ведь Бог уже не стал спрашивать с людей, Он не уничтожил их, однако Моисей ощущал большую перемену в отношении Бога к его народу.

Можно заметить два вида прощения, которое присутствует в отношениях между людьми. Одно – когда отказываются от мести или наказания, хотя оно заслуженно или законно, но провинившаяся сторона или третья сторона упрасивают пострадавшего отказаться от мести по тем или иным причинам. И пострадавший говорит "прощаю". Это всегда акт великодушия и благородства. Однако не всегда это прощение

подразумевает другой вид прощения – реабилитацию отношений или восстановление тесных связей с виновным. Отношения могут быть сильно испорчены, и хотя человек простил обидчика (опустим ради простоты тему возмещения убытков или вреда), однако, если прощённый остаётся с тем же неприятным и ненадёжным характером, так что в будущем с ним опять будут проблемы, часто простивший имеет с ним дел уже не хочет ни под каким видом (и я считаю, что это верно). И тогда некоторые говорят – "ты же простил меня, почему отказываешься говорить со мной или иметь дела?" Но они не правы. Человек отказывается от дружбы и отношений, потому что причина проблемы не устранена или то, что он видел в друге когда-то, больше не находит в нём. Потому что когда-то виновный может сделать беду снова, оказавшись в ближнем круге общения, по крайней мере это полное право человека выбирать тех, кого он допускает в него. Если прощённый хочет быть прощённым полностью, то есть реабилитированным, то должен бы измениться в характере, чтобы его надёжность как друга поднялась на более высокую ступень.

И Моисей просит реабилитировать Израиль, ощущая, что народ повредил отношения с Богом. Он говорит: "Народ этот сделал великий грех, сделав себе золотого бога. Прости им это, если же нет, то и меня изгладь из Твоей книги". Хотя Моисей немало перенёс от своих родных дальних и близких, однако же он столько прошёл с ними, что уже не мог отказаться от них. Он понимал, что впереди ещё больше проблем с ними, но готов поставить на кон своё собственное спасение. Хотя вряд ли он рисковал, я вижу, что он понял Бога, чего хотел Он, Моисей видел, что уже не уничтожив евреев вчера, приняв предложение Моисея, Бог готов к дальнейшему развитию Своего дела. На это дерзкое заявление Бог мягко ответил – "Я изглажу того, кто согрешил", как бы уверяя, что это против Его природы, лишать будущего того, кто верен и чист. И продолжает: "Так что иди, веди этот народ, куда Я сказал тебе. С тобой будет Мой Ангел".

Когда Моисей передал людям суть произошедшей перемены, что Бог не станет находиться среди них, чтобы не погубить их, ибо они предоставляют Ему слишком много причин сделать это, то народ заплакал. До людей немного дошло, что сама их натура находится в какой-то постоянной сильной дисгармонии с их Богом, и что они слишком незаметно для себя перешагивают границы запретного, при этом не ощущая никаких сомнений или сигналов от совести. То, что Бог уходит от них, стало моментом некой истины, они слишком привыкли к Его присутствию, а им предстояло лишиться Его присутствия. И в то же время поняли, что Его присутствие одновременно и источник опасности, если раздражать Его своими грехами. Потеря статуса избранных, с которыми ходит их Бог, и свой злополучный характер, как источник проблем для Бога – две причины огорчали их. Это уже было каким-то покаянием, и в этом была огромная надежда, что всё же они могут воспринимать духовные вещи. С ними можно было работать.

Бог сказал им снять с себя украшения, что они и сделали. В то же время Моисей, в ознаменование перемен в отношениях Бога с ними, поставил вне лагеря на некотором отдалении отдельный шатёр, который назвал "шатром собраний". Туда мог приходит всякий, желающий приблизиться к Богу, чему-то научиться, что-то понять. Когда туда заходил Моисей, столб облачный спускался к шатру и Бог из облака говорил с Моисеем, и люди слышали их разговор (ответы Моисея они точно слышали, но неизвестно, слышали ли Бога). Они разговаривали как друзья, это осталось в памяти людей. По сути, особых перемен как будто не произошло, столб облачный не ушёл от них далеко, хотя может быть уже не защищал как прежде от зноя и ночного холода, нависая над лагерем? Но люди видели, что теперь есть место, куда столб приближается, к шатру собраний, чего не было раньше, и это в их глазах было значимой переменой. Бог фактически не покинул их, однако же показал, что положение вещей может меняться, и лучше не доводить дела до худших вариантов. Когда Моисей общался с Богом в этом шатре, обычно весь народ наблю-

дал за этим из лагеря, и поклонялись Богу, стоящему у шатра в облаке. Помощник же Моисея, Иисус Навин, кажется, жил в этом шатре практически постоянно. Он впитывал атмосферу вокруг Моисея, становясь постепенно пригодным заменить Моисея, обретая уникальнейший опыт из своего положения ученика и помощника Моисея.

Моисею больше не было нужды ходить на гору, чтобы видеться с Богом, они встречались вблизи лагеря, так что все могли видеть факт их встречи. Но Моисею не всё нравилось в сложившемся положении вещей, он всё обдумывал слова Бога о том, что Он пошлёт Ангела, чтобы вести их дальше, но тогда получается, что сам Он больше не будет их непосредственным вождём. И в одной из встреч в шатре он стал поднимать эту тему, продолжать прежний, незаконченный для него разговор. Он стал просить просветить его, чтобы знать, кто пойдёт с ними, кто будет сопровождать их. Он начинает опираться на дружбу, возникшую между ним и Богом за всё время их отношений, он говорит примерно такое – "если я значу для Тебя что-то, то открой мне..." – открой, кто будет вести нас, открой мне Свой путь, чтобы я мог понимать Тебя, чтобы этим ещё больше сдружиться с Тобой. Он ссылается, что народ, которым он занимается, не его только народ, но и для Бога это что-то весьма значимое, что нельзя бросать просто так, по настроению. Всё это было бальзамом для Бога, который как раз и мечтал о подобных людях, о подобных отношениях с ними, и пока что Моисей превосходил всех за послепотопное время. Если бы его влияние на народ было побольше, так чтобы люди заражались духом и характером Моисея, становясь способными к дружбе с Богом... Но от Моисея тут, кажется, мало что зависело, так уж сложилось.

И Бог приоткрыл завесу – "Я Сам пойду, и приведу тебя в покой". То ли Он изменил планы посылать кого-то другого в сопровождающие Израиль, рангом пониже, то ли слова об ангеле были маскировкой, потому что Он и Сам был Ангелом, занимая в небесной иерархии одно из мест на самом верху, но не был Абсолютом в иерархии небес. Таковым был Отец, Сын же, будучи той же природы, что и Отец, должен был быть связным между творением и Творцом, своего рода сенсором, через который Бог погружен в жизнь творения, и творение могло быть уверено, что любое его движение и эмоция находят отклик за завесой, скрывающей Бога, через Сына. Это была двусторонняя связь, и хотя пророчество о Мессии у Исаии³⁷ говорило о будущем Эммануиле, имя которого означает "с нами Бог", Его характер и само предназначение именно таким и было изначально, всегда. Похоже, что это звучало по дружески приглушённо, как бы Бог понизил голос, чтобы не услышали другие, думающие, что Он вместо Себя теперь поставит кого-то другого, но за тем ангелом скрывался всё тот же Ангел-Суций. Мощь облака днём и огня ночью не уменьшилась со сменой сопровождения... "Я сделаю, о чём ты просишь" – Моисей был рад, что добился своего, Бог будет по прежнему с ними, и услышал, что Он расположен не только к нему лично, но не лишает расположения и его народ.

Моисей понял, что между ними установлена дружба, уже и прежде он догадывался об особом расположении к себе Бога, и для него самого отношения с Ним значили много – то, что человек создан "по образу и подобию", даёт возможность довольно полно воспринимать личность Бога и понимать Его на уровне ощущений. И сейчас он поймал момент, когда Суций сказал ему о Своём расположении к нему. С каких-то пор в нём завёлся вопрос, может быть и лишний или избыточный, из любопытства, которое вовсе не порок – каков Бог "в полный рост"? Он понимал, что Бог скрывал Свою мощь и силу, не раскрывался полностью, когда приходил к нему или проявлял силу в Египте и в их странствиях. И такой вот детский озорной интерес двигал им, когда ему стало интересно поглядеть на Бога, как Он выглядит, когда не сдерживает Себя. И Моисей попросил показать ему Его славу, ту ауру, что окутывает Его. Суций ни на миг не задумался, отказывать или нет, уместен ли вообще интерес Моисея. Он с готовностью откликнулся – "про-

---

37 Ис.7,14; Мат.1,23

веду перед тобой всю славу Мою". Однако же Он понимал, что показать человеку лишь силу и мощь может не дать настоящей картины для его разума, нужно было соединить эти ощущения с остальными Его свойствами, чтобы у человека вместе с ощущениями божественной силы всплывали и остальные Его качества, чтобы знание о Боге содержало более полную картину. Он прибавил слова, где Его сила охарактеризована как помогающая, целительная, а не разрушительная – "кого помиловать – помилую, кого пожалеть – пожалею". Тут не было "кого наказать – накажу"... Будь на Его месте кто другой с такой-то силой и способностями, наверное, это бы было, но Он об этом вообще не хочет даже упоминать, потому что все и так ждут от Него прежде всего наказания и возмездия, поскольку у каждого человека сидит знание о себе и той или иной степени вины где-то глубоко, благодаря греховности, доставшейся нам изначально от прародителей. Но Он отмечает эту тревогу человека и упреждает надеждой – кому нужна помощь, получит помощь, кому нужно сочувствие – обретёт его. Те, кто имеют проблему, должны бы понимать, что у Бога уже где-то есть её решение. Его формулировка выдаёт Его характер – не погубить местью, но выручить, даже если зло сидит крепко во внутренностях человека. Сначала идёт желание помочь всем, кому нужно помочь, кто нуждается в этом. И понятно, что если кто-то откажется, считая, что ему ничего не надо, кто поставит себя перед Ним так, то Бог не обязан такому ничем, Он помогает лишь тем, кто хочет этого, кому оно нужно... "Тех, кто изображает из себя богатого, отпустил ни с чем"³⁸...

Бог высказал и некоторые проблемы, мешающие осуществиться желанию Моисея: "невозможно человеку видеть Моё лицо и остаться в живых" – слишком велики силы Его близкого присутствия. Для потерявшего какую-то изначальную цельность человека находиться в поле столь высокой интенсивности смертельно, но Суций тут же предложил решение – Он сказал, что прикроет место на горе, где будет находиться Моисей, рукой, и уберёт её, когда пройдёт мимо, так что Его сияние и облик можно будет рассмотреть сзади. Но даже под прикрытием Моисей мог ощущать что-то – когда подобное Бог демонстрировал на этом же месте пророку Илие, то там было и землетрясение, и буйство стихий ветра и огня.

Поскольку Моисей разбил прежние плиты с заповедями, ему было сказано подготовить новые, чтобы на них написать их ещё раз. Первые плиты были делом рук Бога, как и запись, теперь же Моисей сам должен был поработать, но всё же надпись будет выполнена рукой Бога, что указывает на неземное происхождение морального Закона.

На следующий день с утра Моисей с плитами в руках пошёл на гору, на указанную ему скалу, где было условлено, что там Бог проявит Себя в своей силе. Придя туда, он стал наблюдать, что будет происходить. Приблизился прежний облачный стол, который всё время сопровождал Израиль, но теперь он расширялся и светился всё больше. В какой-то момент Моисея подхватила и опустила вниз, в расщелину в этом месте, как бы рука и поле зрения оказалось закрыто туманом. Это длилось некоторое время, но когда Суций прошёл мимо на достаточное расстояние, покров исчез и Моисей мог видеть сияние ярчайшего огня или света, удаляющееся от него. В это время слышался голос Бога, провозглашающий Свои атрибуты и качества. Прозвучала своего рода презентация: "Суций! Суций! Бог любящий людей и сочувствующий! Терпящий долго, исключительно благожелательный и неизменно верный!" Многие люди уже тогда довольно сильно забыли, каков на самом деле Бог, сталкиваясь с толкованиями своих религий, учениями жрецов, повседневной рутинной и жестокостью отдельных людей и целых народов, когда здоровые начала исчезали под напором увеличивающихся страстей и невоздержания. Евреям предстояло хранить порядки и законы Бога, и за буквой многие могли не различить смысла всех тех повелений, извращая смысл закона со средства защиты человека на средство манипуляции им. Разница между этими подходами тонкая, а угождение себе может рядиться в любые одежды.

Поэтому Бог спешил дать особо чёткое и ясное представление о Себе, чтобы это было дополнительно точкой отсчёта для толкователей, исследователей Библии и учителей религии, удерживающей их от неверных представлений о Его характере. Это откровение Сущего о своей сути является одним из важнейших, в свете которого надо понимать делаемое Им. Не все будут помнить о нём, не все будут учить этому и следовать примеру, но практически любой ищущий знания о Боге найдёт его и не заблудится и не сделает религию суровой и жёсткой, что уже является признаком упадка и потери смысла. Когда Христос озадачил заблудившихся учителей того времени "не человек для субботы, а суббота для человека", это был именно этот принцип, исходящий от сочувствующего и исключительно благожелательного Бога, а не сурового нахмуренного стража. Разумеется, расположенность Бога к человеку не склоняет Его к попустительству нарушать закон, данный на этой же горе Им же самим чуть ранее, это новое откровение показывает, что ограничения Закона ограничивают не свободу человека, а опасности. Также Бог иногда вынужден наказывать и обходиться со Своими служащими сурово, поскольку они ответственны и присягали Ему на верность, ещё чаще человек сам изобретательно навлекает на себя множество бед и болезней, своими же собственными руками, зубами, языком... Но надо помнить и понимать, что за всеми бедами Бог стоит не с негодующим "так тебе и надо, двоешник", а с сочувствием и желанием помочь.

Увиденное Моисеем и то, что он ощутил в этой демонстрации Богом Себя, потрясли его, он как бы оказался рядом с мощнейшим потоком чего-то прекрасного, сильного и грозного одновременно. Он не раз уже довольно близко общался с Ним, но такого не видел. Всё это заставило его упасть на землю в потрясении Его мощью. Впечатлённый всем, он не забыл своей озабоченности о участи Израиля и ещё раз просит Его не оставлять их без Его личного присутствия в пути. В ответ на это Сущий начинает раскрывать ему новые, прежде скрытые детали Своего плана. До сих пор у Моисея и народа была задача добраться до Синая, что и было успешно выполнено. Сейчас они проходили период если не государственного, но какого-то общественного строительства, когда закладывались новые скрепы взамен утерянных (или восстанавливались прежние), обновлялось то, что знали прежде. Было понятно, что их ожидает их земля, но как это будет, пока разговоров не было. Бог говорит о как бы новом договоре, однако это не завет вместо только что заключённого и уже нарушенного (нарушение завета ещё не уничтожает завет, это не отказ от него, да евреи даже и не думали изменять завет со своим Богом, лишь "расширили" немного его рамки по своему разумению), но новая глава в нём. Эру чудес, начатых Им в Египте, Бог не собирался заканчивать так быстро (если собирался вообще). Подобное Он собирался продолжить и в Ханаане, когда они доберутся туда. Он так сказал Моисею об этом: "Я заключаю завет: перед всем народом твоим сделаю чудеса, каких не было по всей земле и ни у каких народов; и увидит весь народ, среди которого ты находишься, дело Сущего; страшно будет то, что Я сделаю для тебя. Сохрани то, что повелеваю тебе сейчас: вот, Я изгоняю от лица твоего Аморея, Хананея, Хеттея, Ферезея, Еврея, и Иевусея".

Опять стоит заметить, что стратегия Бога не направлена на уничтожение этих народов, не оправдавших Его доверия, которым Он некогда дал Ханаан, Он лишь изгоняет их. Чем быстрее они уйдут, тем меньше будет на них воздействия. Если же враг не сдаётся...

Моисей услышал снова ряд повелений о том, как надо будет вести себя в будущем, в походе на Ханаан, как вести себя с населяющими сейчас ту землю племенами. Позже он получит более подробные указания, которые должен был записать в книгу законов. Он поднялся снова на Синай и провёл там ещё сорок дней, и в этот раз отмечено, что всё это время он ничего не ел и не пил. Однако он не выглядел истощённым или потерявшим силы от этого, как будто его силы подпитывались из других источников. Напротив, когда он вернулся в лагерь, оказалось, что его кожа стала светиться, так что люди боялись подходить к нему. Сначала он не понял, в чём дело,

так не замечал своего свечения, но ему быстро объяснили, поэтому он, чтобы не смущать людей, стал закрывать своё лицо покрывалом. С собой он принёс плиты с написанным пальцем Сущего Законом, это была копия прежних плит. Люди видели светящиеся, выступающие из глубины камня буквы с бессмертным смыслом, оберегающим жизнь во всех её проявлениях. Светился Закон, светился Моисей, свет исходил и от их Бога – всё это закрепляло в людях уважение к Пути и Богу, укрепляя и авторитет Моисея.

Моисей начал светиться, как можно понять, из-за частых контактов с Богом, и особенно оттого, что некоторые были продолжительными. Можно примерно подсчитать, сколько времени за последние месяцы Он провёл с Ним времени, однако этого мало – когда он проводил время у Бога, они были при этом ещё и единомышленниками, а не спорщиками, что тоже важно. Мне кажется (особых оснований для выводов у меня нет, так что это просто ощущение), что будь Моисей просто учеником у Него, такого эффекта могло бы не наступить или это бы заняло более длительное время, но он заботился о народе, неся на себе большую тяжесть, понимая, что этим приобщается к тем же заботам, что наполняют и Бога. Люди, проводя вместе время в совместных делах, через взаимовлияния сближаются, их характеры сближаются также, обогащая друг друга, и подобное происходило и с Моисеем – он обогащался от общения непосредственно с Богом. Вряд ли с тех пор кому-то выпадало подобное, чтобы у человека было столько поводов настолько часто и тесно встречаться с Ним, хотя кто знает? Вдруг для Бога и самый мелкий повод может быть достаточно важным, чтобы ответить человеку, и учить его и помогать, да и просто общаться так же прямо?

Святилище

Кроме законов, уставов и правил, Моисей получил на горе также и полное описание храма, который они должны были построить, и этот храм был показан ему в деталях. Видимо, после этого он составил чертежи или описания, он должен был передать всё это художникам и мастерам, которые всё это делали. Для народа ценной была идея, что этот походный переносной храм должен был стать жилищем Сущего, который до сих пор ходил с ними в облаке. Однако этот храм имел большее значение, чем только быть местом жертв и обрядов или даже жилищем Бога, его идея отражала смыслы всех обстоятельств того, что называют искуплением или спасением. Двухступенчатое служение, святилище из двух комнат, разнородное служение в них – это всё отражало предпринимаемое Богом для возвышения и возрождения человека. В символах Святилища и служения в нём зашифрованы множество деталей, позже развернувшихся в жизни Мессии, а некоторые символы указывают на события даже конца истории нашего мира, участвуя в апокалиптических видениях Иоанна.

Моисей призвал народ пожертвовать на строительство материалы, и люди откликнулись с редким энтузиазмом. Идея Дома для Бога нашла полный отклик – практически каждый из них умел строить, знал цену труда и результата действий человеческих рук, ценность и уют жилища для себя и семьи, детей... Каждый из них имел шатёр в этом походе, и сознавать, что их Бог один не имеет жилища, трогала их души. Участие в строительстве жилища для Него было оценено ими очень высоко. Здесь и сейчас они могли выразить Богу лучшее поклонение и послужить Ему, как бы компенсируя этим всякие свои другие огрехи и неспособность угодить Ему совершенством характера. В других делах им мешало слишком многое, то одно, то другое оказывалось подпорченным чем-либо, то ли Моисей им не угодил, то ли неудобства дорог, но хотя бы здесь они нашли отдушину, где стремление их душ хоть что-то сделать для своего небесного покровителя не имело преград и споткнуться было почти не на чем. Единственно, где они могли упасть, это жадность, но они не пожадничали, они не позволили себе хотя бы в этой мелочи злу испортить их сердце... Это здорово, это показывает, что они небезнадёжны, и если бы были чуть

более внимательны к тому, что выбирают или что приходит им на ум, то могли бы также успешно справляться и с любым другим искушением. И они понесли из своих запасов дерево, металлы, шерсть и лён и прочее, что было нужно из провозглашённого списка. Также были приглашены все желающие и умеющие работать, при этом были названы два мастера, заведующие всеми работами, все остальные работали под их началом, сами же они брали указания у Моисея.

Мастера и умельцы начали работать и сделали всё, входящее в перечень работ. Непонятно, сколько времени заняли все дела, однако сборку святилища Моисей совершил в начале нового года по священному стилю, то есть весной, перед Пасхой, спустя год после ухода из Египта. Со времени исхода евреи стали считать месяц, в котором они вышли, первым, как было указано свыше, хотя новый год продолжали отмечать как и раньше, осенью. В первый день первого месяца второго года Исхода Моисей поставил святилище, то есть примерно год шли работы по подготовке всех материалов и деталей.

С этого времени патриархальная система была окончательно упразднена. Вместо прежнего обычая, когда старший из сыновей по наследству становился старейшиной-священником рода и семьи, пришли другие священники. На службу в новое святилище были призваны потомки семьи Аарона, брата и помощника Моисея. Он стал первосвященником нового храма, его дети – простыми священниками, а его родство – племя Левия, стали помощниками им во всех работах при храме. Несколько дней Моисей совершал посвящение семьи Аарона на их службу, по прошествии которых они уже сами заступили на дело и никто больше не мог заниматься священническим делом, кроме них. Остальным это было запрещено под страхом смерти. Вряд ли можно говорить, что семья Аарона узурпировала Бога и только они могли приближаться к Нему – ни в коем случае. У них была работа при храме, но в отношении приближённости к Богу у них не было ни малейшего преимущества. Из их среды пророки – говорящие с Богом, выходили не чаще, чем из любого другого круга, и принадлежность к роду священников или левитов не гарантировала, что их голос будет услышан у Бога легче остальных. Казалось бы, они были ближе всего к Богу в отношении расстояния, однако же никто не мог войти в Святое-Святых, где находилось присутствие Бога, просто так. Только первосвященник, только раз в год, и то с особыми жертвами, но не с личными просьбами – это было символическое служение, имеющее смысл в плане Спасения, но если бы кто имел личное дело к Богу, было достаточно обратиться к Нему с любого места на Земле, и Он прекрасно слышал всех и каждого.

Среди тех, кто прежде был бы священником, князей и первородных в родах Израиля, похоже, в данный момент обошлось без возмущения и недовольства, после того, как всем народом собирали средства на храм, никто не осмелился поднимать голос против. По указанию Бога было проведено специальное мероприятие "выкупа" и замены первородных на род левитов, который получил право служить при храме, и видя, чьим авторитетом делается всё вокруг храма, ропота никто не поднимал. Новое, более изощрённое расписание жертв и сложная символика всей службы требовали профессиональной посвящённости, которую вряд ли могли обеспечить обычные главы семейств, не склонные посвящать много времени жертвеннику, отнимая его от своей семьи и обычных дел. Для снабжения новой группы священнослужителей был предназначен налог – десятина. Род служителей лишился наследства в Ханаане, им не давалась земля, от которой они могли жить и богатеть, как было у всех остальных. Их должны были обеспечивать за счёт десятины все остальные, они же были освобождены от забот о насущном хлебе ради их священных обязанностей.

Был единственный раз, когда люди могли видеть содержимое Святого-Святых или священного ковчега, в который были положены плиты Откровения с десятью заповедями Закона – когда Моисей собирал святилище. Лишь тогда люди наблюдали ход сборки, тогда Моисей на глазах всех собравшихся положил в ларец скрижали и закрыл его крышкой, унеся его после этого во

второе отделение храма и закрыв его завесой, и больше никто из людей не мог заглянуть туда без опасности для жизни. Правда, перед разрушением Иерусалима и храма Навуходоносором ковчег был унесён и спрятан, он не был в числе предметов, унесённых в Вавилон. После этого Закон и ковчег исчезают из Израиля, но где-то до сих пор ждут своей очереди, чтобы быть явленными миру. Со времени постройки второго храма и до дней Христа службы в нём обходились без этих священных предметов, Бог не счёл нужным или возможным доверять их снова людям.

Когда Моисей закончил сборку святилища, её наполнило облако присутствия Бога, облачный столб спустился и наполнил всё в храме, так что некоторое время там ничего не могло происходить, и Моисей был вынужден ждать снаружи. Впрочем, до окончательной сборки завес двора Моисей с Аароном принесли жертвы, наглядно показывая зрителям, что и как там будет происходить. И лишь первые зрители могли видеть все подробности лично, все остальные поколения довольствовались рассказами очевидцев. Впрочем, то, что происходило во дворе, где стоял жертвенник, основные события с жертвами, было видно через ворота, но внутренние помещения храма были недоступны зрителям. С тех пор облако присутствия Бога стояло над этим храмом во время стоянок, показывая этим, что храм священен, что там свершается нечто, на что надо обращать внимание или, говоря по старому – прикладывать сердце.

Святилищу нужны были служители, занимающиеся в нём необходимыми вещами. Моисей теперь занялся посвящением Аарона с сыновьями – неделю он совершал для них обряд посвящения, совершая те же жертвы, которые потом начнут делать уже они. Через неделю, когда круг обрядов закончился, а новые служители усвоили порядки и механизмы священнодействия, они начали делать всё уже сами. Во время посвящения они также должны были изучить виды жертв и всё сопутствующее им, по каким случаям применять те или иные виды их – это была их работа и ответственность.

Когда был первый день их служения, они совершили жертвы за себя и за народ, и когда последняя мирная жертва была принесена после жертвы за грех и всесожжения, после обряда возношения частей мирной жертвы и благословения народа Бог со Своей стороны выразил одобрение происходящему. Святилище осветилось сиянием славы Бога, а на жертвенник сошёл огонь и поглотил остающееся на нём, что было знаком благорасположения Бога к людям. Народ оценил это – люди воскликнули от радости и поклонились. Левитское служение, заменившее собой все прежние патриархальные уставы и обычаи, утвердилось.

Гибель Надава и Авиуда

Не говорится, сколько прошло времени с начала их службы в святилище, но вскоре произошёл случай, омрачивший жизнь новых служителей. Двое сыновей Аарона, придя в храм, принесли с собой посторонний огонь. В те времена, когда не было спичек, огонь старались хранить, и храмовый огонь либо сохранялся в храме, либо зажигался заново, но Надав и Авиуд считали почему-то неважным, из какого источника будут зажжены дрова на жертвеннике или кадила. С кадилами, разожжёнными иным огнём, они зачем-то вошли внутрь храма, когда в этом не было, похоже, никакой нужды и это не было их обязанностью в данный момент. Скорее всего это было любопытство, но дальше они не прошли. Из Святого-Святых вырвался поток огня и сжёг их, причём их одежды остались неповреждёнными. Впрочем и сами они не сгорели, пламя только убило их, произошедшее больше напоминало удар молнии. Их выносили родственники, не принадлежащие к семье Аарона, нужно было, чтобы оставшиеся трое священников могли продолжать священнодействие в храме, от прикосновения к умершим они могли оскверниться и тогда не имели бы права заниматься своим делом.

Моисей уже получил объяснения от Бога и пояснил случившееся брату, который не имел права оплакивать³⁹ по обычаю погибших сыновей. Священники не могли разрывать одежды или нарушать порядок ради траура, но оплакиванием умерших занялись остальные родственники. Моисей сказал Аарону: "вот что означают слова Сузгео "в приближающихся ко Мне освящусь"" – то есть Бог проявляет Себя в эти моменты, когда кто-то хочет стать ближе к Нему, и если это делается правильно (на Его условиях, и правил тут совсем немного), то Его сила проявляется во благо, но если человек, особенно знающий, делает что-то по своему, пренебрегая известными ему правилами и требованиями, то эта сила может принести вред и гибель. Многие люди изъявляют желание видеть Бога вблизи, мечтают о том, что они могли бы Ему сказать, однако же стоит помнить о правилах техники безопасности по общению с высокоэнергетическими и очень сильными существами. Быть накоротке с ним накладывает высокие требования, малейшее зло, попавшее в поле высокого напряжения, может оказаться смертельным. Да, Христос, сын Бога в этом отношении был как будто совершенно безопасен для любого сколь угодно грешного человека, но надо помнить, что во второй раз, когда Он снова явится на Землю, Его сила и слава уже не будут скрыты... Да, это правильно – быть вблизи от Бога, но пока наше состояние держит нас на расстоянии, стоит данное нам время использовать для подготовки к этому. Сегодня Бог работает издалека, очищает и облагораживает человека, чтобы мы как раз и стали способны выдерживать Его присутствие.

Моисей после этого случая передал от Бога ещё одно правило для священства, которое раскрывает причину случившегося – не пить вина и ничего крепкого перед своей сменой в святилище, по причине необходимости хранить разум не помрачённым. Это необходимо, чтобы спутанное мышление не лишало человека возможности "отличать священное от несвященного" – и именно это было причиной произошедшего с Надавом и Авиудом. Они позволили себе вина, и этого оказалось достаточно, чтобы потерять ощущение разницы домашнего огня от того, что сохранялось в святилище. Да и в Святилище они бы не пошли без дела.

В те времена Бог не запрещал вино (более крепкие вещи мало кто делал, это требовало более сложных технологий), да и даже сегодня Библия как будто не запрещает его однозначно (однако явно запрещая пьянство и объявляя злом зависимость от алкоголя). Но для ответственных ситуаций даже сравнительно слабые напитки попали под запрет. Однако понять причины ограничений нетрудно, как и причины, почему оно не было запрещено вообще, соблазнов бы было меньше. В обыденной жизни действие слабых алкогольных напитков в небольших дозах незаметно. Это яд для нервной системы, однако повреждающее действие становится заметно лишь когда нам нужны все ресурсы и вычислительные мощности нашего мозга. Если кто не верит в разрушительное действие вин (с крепкими напитками обычно сомнений не возникает), то проверьте работоспособность мозга на задаче средней или повышенной сложности – дайте её человеку, находящемуся в небольшом опьянении. После воздействия алкоголя человеку потребуется значительно больше времени или усилий на её решение, чем на трезвую голову (здоровый режим восстанавливается далеко не сразу после употребления значимых доз алкоголя). Стоит ещё отличать дозы – если принятое количество сравнимо с содержанием алкоголя в крови, то это можно назвать медицинской дозой, не вызывающей нарушений работы нервной системы, но всё, что выше этого, будет снижать потенциал человека, а также нарушать выработку естественного эндогенного алкоголя, который почему-то не может быть заменён поступлением внешнего. Приходилось слышать о людях, привыкших к большим дозам и даже не могущих

---

39 Речь идёт о совершении оплакивания, а не о том, чтобы не плакать вообще.

работать, делать тонкую работу без пары рюмок, но это временная компенсация за счёт напряжения организма, промежуточная стадия перед окончательной деградацией.

Я не думаю, что нужно запрещать медицинские дозы, это до 20 граммов в пересчёте на спирт. Ни один любитель алкоголя не станет даже говорить о таких количествах, его интересуют совсем другие объёмы. Но их доводы о "лечении" беспомощны, они давно за пределами "лечения", это зависимость и отравление тела. По практике жизни не вижу смысла в развлечении за счёт алкоголя, это выведение организма за безопасные пределы функционирования. Бог не поставил это дело как нарушение закона, не оставил прямой команды на это, потому что здесь возникала довольно существенная проблема.

Когда количество заповедей слишком велико, то для многих людей снижается мотивация к соблюдению их, возникает уныние на фоне ощущения невозможности или сложности все их выполнить... Человек тогда склонен к отчаянию, он склонен видеть себя злостным нарушителем, когда неспособен к контролю, а чем больше законов, тем сложнее соответствовать им всем, даже если это несложные вещи. Также усложняет дело и то, что по настоящему весомые заповеди немногочисленны (я знаю, что они все одинаковы в плане последствий, однако их нарушение в глазах людей всё же неодинаково по последствиям), остальное же их количество не воспринимается серьёзными. Поэтому Бог не спешил регулировать всё, и многие заповеди и уставы выдавал по мере необходимости. Иногда человек нарушает то, что выглядит незначительным, но при этом всё равно у него возникает ощущение вины, и чем больше таких нарушений, казалось бы незначительных, всё равно возникает проблема "семь бед – один ответ". Не у всех, но у многих бывает такое, да и враг не дремлет со своими внушениями – "тебе уже всё равно, ты согрешил, ты уже за гранью..." Поэтому многие вещи Бог обозначал как нежелательные или неприемлемые, но при этом не возникала ситуация нарушения Закона. Вроде нехорошо сделано, но вроде как не виноват, поскольку прямого запрета не было – подобная ситуация была с многоженством, с рабством, и вот с алкоголем тоже. Также есть много людей, в целом вроде положительных, то есть с небольшими нарушениями, как они считают, кто требует определённое количество радостей плоти не высшего разряда. На таких условиях они согласны быть в числе "добрых людей", и трогать их маленькие радости означает перевести их в разряд врагов. Если их объявить сразу врагами Бога, они будут крайне недовольны за посягательство на их небольшие радости и удовольствия. В вечность они не годятся, для серьёзного дела ненадёжны, но они основная масса, "болото", большинство многих сообществ и групп. Грубые и чёрствые люди. Христос не жаловался, но можно эту нотку уловить в его ответе фарисеям по поводу разрешения, данным Моисеем на развод в древнем Израиле (проблема из этого же разряда) – "по жестокосердию вашему он дал вам эту заповедь"... И если бы не эти отдушины для "маленьких людей", то существование Израиля было бы практически невозможным. Нет, вообще-то возможным, но только многим бы это казалось бы казармой и жёстким авторитаризмом, насилием над слабой духовной природой человека, вариантом, от которого Моисей отказался, когда Бог предложил произвести лучший народ от него.

Важно также, что эти слабости, которым Бог сразу не объявил войну, не должны были оставаться навсегда в Израиле. Эти послабления из-за грубости нравов должны были со временем, с прогрессом и развитием общества избранного народа изменяться. Одна из проблем, многоженство, практически исчезло в Израиле ко дням Христа без особой команды и откровения, само по себе, общество постепенно отвергло это

позволение. То же рано или поздно должно было произойти и с другими слабыми местами народа.

Есть ещё некоторые свойства алкогольных напитков, которые определяли отношение к ним Бога и правила о них тогда и сейчас. Известно, что увеличение крепости напитка вдвое увеличивает его токсичность вчетверо, то есть зависимость между концентрацией и ядовитостью квадратичная. Легко вычислить, что сорокаградусный напиток бьёт по нервной системе где-то в 60 раз сильнее, чем вино, разбавленное напополам, как его было принято употреблять в старые времена. Одна и та же доза в пересчёте на спирт подействует по разному в зависимости от степени разбавления. И если здоровый человек не потреблял вина много, то мог и не замечать его действия. Известно, что те, кто пили вино неразбавленным, считались уже невоздержанными и ненадёжными людьми, однако же с прогрессом технологий и наук люди изобретали всё более крепкие напитки, провоцируя больший упадок тех, кто попадал в зависимость. Креплёные вина, перегонные устройства, и мир пришёл к состоянию, когда требуются новые уставы и ограничения. Однако же многие читают старые инструкции, при этом желая употреблять вещи, которых прежде не было... Впрочем в Библии уже было сказано о креплёных винах, которые названы опасными, разрешение же на ограниченное или воздержанное потребление относится к некрепким простым винам, разбавленным водой. Но даже простое вино, даже разбавленное нельзя было употреблять перед служением в храме. То же правило относится ко всем случаям ответственной тонкой работы, где требуется весь потенциал нервной системы. Те же, кто взяли на себя обет или правило полного воздержания от этого соблазна, не потеряют ничего, только приобретут. Точно также, как те, которые ограничиваются одной женой или мужем, кто не разводится без достаточной причины...

Законы Моисея

Дальше в книгах Левит и Чисел Моисей повествует о множестве разных законов, о которых я не вижу нужды рассказывать. Но всё же какой-то обзор стоит сделать. Среди них особо выделяется закон, точнее Устав о чистом и нечистом мясе, какие из животных годятся в пищу и какие не должны быть употребляемы. Миру эти пищевые запреты известны через слова "кошерный" и "халяльный", означающие соответствие мяса как раз тем требованиям, что изложены в 11 главе книги Левит. Между ними есть небольшая разница, по каким-то причинам у мусульман оказалось разрешённой конина, которая обозначена как непозволительное в пищу в Библии, хотя Коран излагает ту же самую историю о делах Суцего, что и Моисей. Надо сразу сказать, чтобы отвести недобросовестные подходы, что сами по себе животные не являются чистыми или нечистыми, у каждого есть своё место в природе, но лишь в качестве еды, в отношении человеческого желудка и способности их переваривать и усваивать они обретают это качество "чистых" или "нечистых". Некогда апостол Павел обозначил это словами, что "нет ничего в себе самом нечистого, лишь считающему нечистым оно нечисто"⁴⁰. Евреи жили рядом с собаками и кошками, ослиами, конями, пользовались ими и не испытывали каких-то явных неудобств от этого. Проблемы с этими категориями животных образуются лишь в пищевом разрезе, не раньше (или когда они мёртвые, но мёртвое это отдельная тема в области возможного осквернения). Чистыми из животных являются все представители парнокопытных и жвачных, остальные в пищу не годятся. Из рыб чисты все имеющие чешую, и лишь по птицам нет системы, дан перечень нечистых, остальные чистые. Можно догадываться о причинах запрета есть нечистое, но Бог этого не объясняет, ответ на такие вещи полезно искать самим. В принципе сегодня медицина рассматривает мясо тех животных, что входят в перечень чистых, как более безопасное и диетическое.

Приходилось и на собственном опыте убеждаться в особой правоте этого списка – когда-то, на некоторое время прекратив употребление свинины, попробовал её снова и получил боль в животе. Конечно, один опыт мало о чём говорит, велика роль случайностей и самовнушения, однако же через пару лет случилось вслепую ещё раз пройти через подобное. Меня угостили бутербродами с севрюгой, о которой я не знал, что она из осетровых, из запрещённого списка. Поначалу казалось вкусно, но быстро стало неприятно есть её и ел лишь хлеб, поскольку был довольно голоден. К вечеру поднялась температура и возникла та же боль в животе особого характера, что и в предыдущий раз. Наутро стало полегче, и тогда из-за характера боли заподозрил, что съел нечистое, поэтому спросил о севрюге угощавшего меня, и узнал, что был прав в подозрениях. После этого лично мне уже хорошо понятно, что запрет на нечистое в Библии вовсе не произволен, а имеет весьма практическое значение для здоровья, хотя механизм этого неизвестен науке.

Закон о чистых животных не новый, он упоминается ещё в рассказе про Ноя, фактически же был известен от начала времён, когда начали приносить жертвы ещё в Едеме (нечистое не могло приноситься в жертву), и, разумеется, он не мог не войти в сборник законов Бога для народа, который должен хранить свет.

Очень многие законы составляют группу, относящуюся к сфере святилища и служения в нём, там порядки омовения, расписание жертв для разных случаев, сопровождение жертв солью, вином, оливковым маслом и мучными или зерновыми приношениями. Также есть расписание праздников с указаниями опять же жертв по дням праздников. Их называют церемониальными законами или богослужебными.

Другая большая группа законов и отдельных постановлений касается отношений между людьми, регулируют тяжбы между ними по имуществу или претензиям личного характера, являясь своего рода гражданским и уголовным кодексами.

Устав или порядок брачных отношений изменился со времени Синая. Браки между ближайшими родственниками теперь стали запрещены. Род человеческий ослабел и стал вырождаться из-за проблем со здоровьем, когда люди стали подстраивать питание под свои вкусы, также смены парадигмы питания с преимущественно сырого на почти полностью варёное и жареное, и из-за ослабевающей наследственности в народах скоро стали замечаться признаки вырождения. Поэтому Бог в новых условиях устанавливает ограничения, которых не было раньше. Впрочем, со времени Потопа прошло восемь-девять веков, прежде чем пришлось ограничивать близкородственные браки.

Ещё один закон описывает случаи нечистоты и как из неё выходить, с помощью каких обрядов и жертв. Нечистым мог оказаться дом с возникшей в нём плесенью или одежда с той же проблемой. Сначала пробовали удалять саму плесень, но если она возникала вновь, то одежда должна была быть уничтоженной, а дом разрушенным и место, на котором он стоял, не должно было больше использоваться. В этот же ряд входит раздел, где рассматриваются разные случаи нечистоты у людей, в том числе "проказы", когда после травм или болезней возникали специфические поражения кожи или подозрения на них, указывалось, что нужно было делать во всех таких случаях. Объявленные нечистыми, неважно по какой причине, быстропроходящей или долгой, должны были жить отдельно, вне поселений и предупреждать других людей, что они нечисты, чтобы их случайно не коснулись. Любой случай нечистоты не должен был оставаться незамеченным или пренебрегаться. Когда причина нечистоты уходила, то кроме естественного очищения, нужно было провести некоторые обряды для очищения и принести соответствующие

жертвы. Без проведения их человек оставался всё ещё нечистым и это считалось весьма серьёзным делом в глазах Бога, могущим повлечь серьёзные последствия.

Очищение Святылища – выводы из гибели Надава и Авиуда

Среди законов и уставов, данных Моисею, один из них был дан как бы в продолжение истории с гибелью сыновей Аарона. Моисею было сказано передать этот устав Аарону, чтобы он "не входил во Святылище в любое время", так он начинался. По делам служения у них не было нужды заходить во второе отделение, их нахождение там пока не предполагалось никаким уставом о жертвах, однако могло сработать человеческое любопытство, и чтобы никто больше не пострадал по какому-то недосмотру, было дано прямое предостережение об этом. В этом дальнем отделении было присутствие Бога, и заходить сюда без приглашения или без специальных процедур было нельзя. И была записана ещё одна глава в книге Левит о всех жертвах и процедурах дня, когда Святылище должно очищаться от накопившихся там, как сказано, грехов и нечистот Израиля. В то время, как в течении года люди приходили со своими жертвами для их очищения и освобождения от вины за те или иные грехи, жертвы сжигались во дворе Святылища, и их кровь кропилась на жертвенник во дворе или могла вноситься в первое отделение Святылища. Люди уходили получив прощение, но жертвы, которые забирали на себя их вину и нечистоту, оставались в храме... Кто-то может возразить, что Святылище не могло накапливать нечистоты, потому что внутрь не допускались осквернённые, но в день Очищения, Йом Кипур, Святылище очищалось не от осквернения чьей-то нечистотой. Если бы случалось такое, что кто-то нечистый врывается в храм или каким-то ещё образом осквернял его, то процедура очищения была совсем иной, предусмотренной в соответствующем разделе законов Святылища о ошибках и небрежностях несущих службу в нём. К тому же, такое очищение должно было бы происходить оперативно, сразу после осквернения, чтобы службы в нём не прерывались. Но очищение Святылища, описываемое в законе Моисея, привязано к седьмому месяцу и определённому дню, то есть это никак не может быть очищением от каких-то посторонних осквернений. Но в данном уставе описывается особое служение, храм очищается не от осквернения, произошедшего от чьего-то действия, а от нечистоты и грехов, накопившихся через само служение, для которого Святылище предназначено, и это принципиально важный момент. В день Очищения очищались жертвенник и Святое отделение, когда кровь кропления вносилась уже во второе отделение и там, в присутствии Бога, грехи уничтожались окончательно.

Ритуальные законы Моисея рисуют нам некую двухступенчатую картину спасения человека. Многие возражают против такого подхода, говоря, что грехи прощаются силой единой Жертвы Сына Бога, но одно другому не противоречит. Для самого человека прощение обреталось действительно очень просто – у ворот двора Святылища он приносил свою жертву и на этом месте получал освобождение. Он мог идти домой и продолжать жить, имея мир с Богом, не разлучённый больше с Ним своим преступлением. Однако же внутри Храма дело этим не оканчивалось, очищение Святылища показывает, что работа по спасению человека сложнее, и для Бога после принятия жертвы от согрешившего она лишь начинается. Возражающие против рассмотрения очищения Святылища упускают из вида, что если для человека важна лишь Жертва, то для Христа есть ещё работа Священника после Жертвы, а после Священника и Адвоката Его ожидается ещё и работа Судьи... И всё это отражено в символах Святылища, особенно в его Очищении. Принёсший жертву видел, как священник кропил кровью жертвенник и как его жертва сгорает на нём. В некоторых случаях кровь жертвы священник вносил в первое отделение, и собравшиеся видели, что священник входит с ней туда. Всё это делалось каждый день, но приходил день, когда индивидуальные жертвы от людей уже не принимались (здесь можно увидеть "конец времени благодати"), в этот день происходило другое служение, когда кровь жертвы, свидетельству-

ющую что нарушитель мёртв, вносили во второе отделение. Это происходило после Нового года, в десятый день седьмого месяца.

Многие, привыкшие мыслить поверхностно, не замечают, что Святилище очищалось регулярно каждый год, и это не могли быть осквернения со стороны, которых могло вообще не быть (и от чего бы тогда надо было очищать храм?), если левиты и священники несли своё служение должным образом. Осквернений храма обычно и случалось, кроме отдельно описанных случаев перед концом периода царей, перед пленом. Однако же символы Святилища выражают смысл каких-то реальных вещей, и стоит подумать о них, картина может предстать нам гораздо более рациональной и имеющей свой глубинный смысл. Из самой же Библии известно о наличии в небесах записей и книг о делах отдельных людей и стран; мы встречаем там, что есть Книга Жизни и другие книги, содержащих записи всех дел и слов людей (да и внутренней жизни тоже). Нетрудно представить себе, что о каждом человеке ведётся свой отчёт. Система жертв Ветхого завета показывает средство, как человек может быть оправданным, если желает этого. В таких случаях в записи наших дел кроме самих нарушений вносится отметка о прощении напротив соответствующей строки или раздела. Человеку прощено, он освобождён от наказания за данное дело, в котором он раскаивается, но в его деле сама запись по прежнему остаётся, только уже с отметкой о прощении. Это то положение дел, которое отражает Святилище в течении годового цикла. Нарушитель прощен, но Святилище загрязнено его грехом – или в реальности в его книге остаётся пока ещё запись о нарушении, хотя сам он освобождён от вины и наказания. И это положение исправляется, когда однажды Святилище очищается – когда из книг удаляются насосем все записи и отчёты о прощенных нарушениях. Как бы записи реестра помечаются "для удаления" и потом удаляются, когда приходит время.

Может возникнуть вопрос, зачем так длинно и сложно, не проще ли сразу очистить историю жизни человека? Здесь есть два аспекта, как видится. Первый из них – человек имеет сложный характер, который изменяется не мгновенно, и ладно бы характер, который чудом редко меняется полностью в один миг, но этот характер состоит из навыков и привычек, наработанных долгими упражнениями. И не раз бывало и бывает, что вставший на Путь потом сходит с него, делая прежние прощения напрасными, и на Суде их надо будет все привести и учесть. Поэтому дела людей рассматриваются не по мере поступления, а ожидают своей очереди в конце времени. В контексте характера и привычек, сложной и изощрённой природы человека дело его спасения не является каким-то разовым действием. Достаточна и совершенна та единая Жертва, на которую опираются все процедуры спасения, на её действии стоит всё, но воспитание и совершенствование тех, кто будет спасён, дело долгое.

Второй аспект, почему процедура двухступенчатая, в том, что Бог дело избавления и возрождения человека делает не в вакууме, никому не подотчётный, а перед вселенским сообществом – таким же творением, что и мы с вами. Нет, Он, конечно же, мог бы одним Своим распоряжением решить всё Сам без оглядки на чьё-либо мнение, однако же стоит вспомнить начальную проблему, с которой всё это вообще и началось, когда некто заложил сомнения о Боге у всех живущих, и хотя не все поверили обвинению, но убрать сомнения можно лишь когда до конца понята суть проблемы, но не силой или приказами. Хотя Он царь и Хозяин всего и мог бы рассматривать всех созданных Им живых существ как бессловесных подчинённых, с которыми можно делать всё, что угодно, однако Он не для этого создавал всех их, чтобы ощущать Свою значимость и утолять жажду власти. Вот как раз тот, кто запустил зло в обиход жизни созданного мира, он бы мог мечтать о таком, это от него идут импульсы к гордости и превосходству. Однако же такая вселенная нежизнеспособна, к тому же Богу мы нужны для общения, Он для этого и заложил в человека бесконечность, чтобы мы были способны отразить Его и понимать хотя бы на уровне эмоций (впрочем и разум наш тоже способен к этому), а также чтобы в свою очередь и

Ему было интересно с нами. Для мелких целей столь дорогие, изощрённые и изысканные вещи не делают. Так что когда Люцифер привнёс обман и неправду в обращение между живущими, Бог вынужден был ответить на это соответствующими разъяснениями. Однако это работа очень долгая, так что делать это приходится до сих пор. Если с проблемой претензий Люцифера на власть и божественность на сегодня жители вселенной определились, то один вопрос всё же остаётся – о людях. Мы с вами родились в уже испорченном мире, усвоили нарушенность и разрушенность чего-то в моральной и духовной сфере, так что все наследуем склонность к нарушениям и это для нас является довольно естественным, так что многие там могут иметь сомнения, особенно с подачи Обманщика, что люди могут безопасно для непавших миров вернуться в семью вселенной – действительно ли они надёжно исправлены? Не несут ли они в себе, в своей памяти зла или соблазнов? Не взойдут ли снова когда-то семена зла, если допустить нас в небеса? Поэтому мы находимся под наблюдением, особенно те, кто претендуют, что приняли дар, данный Богом падшим жителям Земли.

Многие выражают сомнение, что в спасение, предлагаемое Богом, идут зачастую не из высших соображений, а из страха за свою жизнь, желания примазаться к победителю и прочее подобное. В чём-то они правы, такое вполне может быть, не все идут к Богу из высших побуждений. Поэтому все претенденты на спасение будут проходить некое следствие перед вселенским сообществом⁴¹, где их жизнь и все действия пройдут тщательное взвешивание⁴², хотя для самого Бога всё ясно с начала времён, но у всех остальных разум конечный, они не сердцеведы. Это всё нужно, чтобы между творением и Творцом не было недопонимания, чтобы они видели, что Бог прав во всех Его решениях и замыслах. Сегодня все претенденты на вечность пока имеют в своих делах отметку о прощении (те, кто просили об этом), но когда они пройдут проверку, которая будет проведена в конце времени, тогда их отчёты смогут быть освобождены от записей о нарушениях. Те же, кто не пройдут её, будут вычеркнуты из Книги Жизни, книги, содержащей имена всех, претендующих на праведность и жизнь. Тогда их записи будут вычищены от малейших следов нарушений, тогда книги и отчёты окажутся чистыми, тогда жители небес снимут малейшие подозрения о кандидатах на вечность, о каких только можно было подумать, глядя на их прежнюю жизнь, и это как раз то, что символизируется "очищением Святилища" в седьмом месяце. В Библии присутствует идея Суда, и это не только известный всем Страшный Суд после второго Пришествия Христа, но и суд, "на который верующий не приходит"⁴³, но который при этом "должен начаться с дома Божьего" ("и если сначала с нас начнётся, то какой конец будет упорствующим?"), который описан в пророчествах Даниила в седьмой главе. К этой теме мы ещё вернёмся, я забежал наперёд, чтобы показать смысл, заложенный в символах Святилища, имеющий значение для понимания замыслов Бога о восстановлении человека.

Окончательное "очищение Святилища" содержит интересную фигуру, которая сегодня вошла в наш язык (и не только в наш) довольно прочным выражением, хотя изначальное значение её несколько иное. Я говорю о "козле отпущения". В сценарии того очищения последней жертвой был "козёл для Сущего", его приносили в жертву за всех и его кровь очищала Святилище, будучи внесённой за вторую завесу в Святое-Святых. Но оставался второй козёл, которого не приносили в жертву, он оставался в живых и его уводили в пустыню, причём было важно, чтобы его доставили туда обязательно – если бы он сумел вырваться от сопровождающих, то всё, что делалось в этот день, оказалось бы напрасным... На этого животного возлагались все грехи и нарушения общества, всё, чтобы было уже прощено жертвами, принесёнными в этот день. Удивительно, что, казалось бы, уже прощенные грехи поминаются ещё раз, так что некоторые шутят,

41 1Кор.4,9 ... "Мы сделали зрелищем для мира, для ангелов и людей"

42 1Петр.4,17-18 ... "Время начаться суду с дома Божьего. Если же сначала с нас начнётся, то какой конец непокоряющимся Евангелию ...? И если праведник едва спасается, то нечестивый и грешный где окажется?"

43 Иоан.5,24 Слушающий слово Моё ... имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешёл от смерти в жизнь.

что кто-то делает спасителем дьявола, который как раз и подразумевается под козлом отпущения. Но в этот день грехи Израиля действительно по божественному сценарию возлагаются на животных дважды – сначала на жертвы, а потом вот на этого второго козла. Он остаётся живым и несёт на себе вину всех в необитаемую землю. Тут действительно нетрудно увидеть лукавого, который действительно ответственен за любой грех, который совершён людьми, ведь он не зря носит свои неприятные звания и имена, как родоначальник зла. Однако, хотя на него возлагаются все преступления Израиля, он вовсе не спаситель и не искупитель, поскольку на него возлагаются уже прощенные грехи, это скорее "гнев Агнца", Которому из-за него и всех его козней и соблазнов пришлось стать Жертвой для избавления обманутых им людей. Разве страдания Христа должны остаться неотмщёнными? Причина чьих-то преступлений тоже несёт ответственность, Подстрекатель является соучастником сделанного подстрекаемым. В этом и есть смысл повторного возлагания грехов на голову козла отпущения. Дела Люцифера также точно будут рассмотрены и представлены всему сообществу вселенной, так что возложенные на него обвинения не будут неосновательными. Но тот суд над ним будет позже, данная же картина обозначает то время, когда в конце времени спасённые будут окончательно оправданы, а остальные останутся на другой стороне, и Христос придёт за Своими и заберёт их к Себе. Тогда планета окажется необитаемой, поскольку одни будут забраны в небо, а остальные не выдержат стихийных бедствий, случившихся от Второго Пришествия. И эти тысячу лет, если следовать Откровению, лишь дьявол и его ангелы останутся на Земле и им не над кем будет работать, некого обманывать и увлекать соблазнами. То есть им останется только созерцать последствия своих дел и обдумывать, стоило ли оно того в свете приблизившейся расплаты. И после этого уже тот самый Страшный Суд... Такой вот сценарий вырисовывается из того, что изображено в символах очищения Святилища и других мест Библии, связанных с ним.

Субботние и юбилейные годы

Есть один закон среди законов Моисея, который как будто не исполнялся в истории евреев, разве что очень ограниченно. Сразу скажу, почему я так думаю – первая причина считать так находится у Иеремии, где Бог говорит о "субботах земли", которые земля будет праздновать за все те годы, которые ей не давали (почему время плена было определено евреям на семьдесят лет, охватывая период царей), и вторая – в исторических и других книгах Библии не находится ни единого упоминания соблюдения этого закона (правда, это очень ненадёжный сам по себе аргумент). Хотя, как думается, отчасти всё же что-то должно было быть, какие-то попытки наладить порядок во времена возрождения при Самуиле, Давиде, Соломоне, Езекии и других, но целиком или какое-либо значимое время этот устав о субботних и юбилейных годах не поддерживался. Также если какая-то суббота земли, то есть субботний год, был пропущен, то, возможно, становилось трудно установить дальнейшие годы, когда нужно было дать земле отдыхать, потому что порядок мог быть сбит. Для этого нужны постоянство, а также преемственность поколений в верности завету, поддержка во всём обществе, но именно это правило оказались самым незащищённым от беспечного настроения большинства. Если не всегда соблюдались даже самые осязаемые и легко понятные заповеди, то что говорить о тех, что не казались важными. Люди привыкли полагаться на зримое и вещественное, и многим казалось трудным удержаться от сева и жатвы, так как это в их глазах вело к голоду и недостатку пищи, самой фундаментальной основы бытия. Положиться на Бога именно в этом было труднее, чем в других вещах, неверие преобладало, они положились на самих себя, на свои трудовые руки, а не на Того, кто давал семенам способность расти и приносить плоды, кто посылал дожди и тепло для продолжения жизни на Земле. Без работы человеческих рук человек и общество много потеряют, но без влаги и солнечного тепла рукам человека будет вообще не над чем трудиться.

Правило было подобным четвёртой заповеди, только распространялось на годы, а не дни. Каждый седьмой год все сельскохозяйственные работы должны были прекращаться. Люди должны были питаться запасами или тем, что выросло само на полях и в садах. Можно было собирать из выросшего только на один приём пищи, но не собирать в закрома, не устраивать жатвы, оставляя весь урожай на ветвях и колосьях. Кстати, хозяин земли в этот год не был хозяином урожая – собирать выросшее мог любой посторонний человек, также звери и птицы. Нельзя было обрезать деревья или виноградные лозы, они должны были иметь полную свободу расти так, как им вздумается, побыть вне влияния их хозяев. Земля должна была восстановить естественное плодородие, растения также получали свой отдых, готовясь к новому служению своему призванию по производству плодов и семян. Предупреждая запрос от обеспокоенных умов, Бог отвечает на их сомнения, что перед выходным годом будет большой урожай, которого хватит на ещё один год, и никаких проблем они не ощутят. От множества людей приходилось слышать, что иногда урожай бывает намного больше, чем в другие годы и, как я понимаю, после такого урожая людям бы было полезно дать отдохнуть земле и растениям – закон этот всеобщий, а не чисто еврейский... Введение севооборота и паров в сельском хозяйстве является отголоском этого закона, пониманием естественной нужды природы в этом отдыхе, только решённом иначе, чем установил Бог в древности.

Человек, поглощённый большую часть года крестьянской работой, получал великолепную возможность на целый год для занятия другими вещами – учёбой, например, или новым делом, попутешествовать, познакомиться с новыми людьми, в общем, тут было огромное поле для духовного роста и творческого развития. Также человеку стоило понять, что "не хлебом единым" живёт человек, и тем более не от одних лишь своих трудовых рук зависит жизнь человека, обеспечение приходит для нас немалой частью извне. Надо было останавливаться время от времени и перевести взгляд куда-то дальше и выше, оглядеться вокруг. Отсутствие практики субботы для земли в свою очередь не давало людям шанса стать духовнее, ничто не отвлекало их от их повседневной рутины, закрывая возможности развития.

Однако семью годами цикл не ограничивался, когда набиралось семь таких субботних циклов земли, наступал юбилейный год, пятидесятый. Он следовал за субботним и проводится он должен был точно также, как и субботний год – ничего не сеять, не обрабатывать, не собирать в закрома, только на один приём пищи, не больше. Бог обещал в урожай сорок восьмого года дать достаточно, чтобы прожить эти два года свободы от сельскохозяйственных работ без голода и хватило на посев в третьем году и до нового урожая. Юбилейный год был особым годом, когда каждый продавший свою землю (скорее это была аренда), должен был вернуться на свой участок и снова владеть им. Земля, как сказал Бог, не должна рассматриваться как собственность, все они были лишь арендаторами её, хотя и пожизненными. Никто не имел права продавать свою долю навсегда, лишь на время. В зависимости от того, сколько оставалось до следующего юбилея, цена земли должна была уменьшаться или увеличиваться, то есть должна зависеть прямо пропорционально от остающихся лет пятидесятилетнего цикла. Люди, попавшие в зависимость от других из-за неурожая или каких-то неурядиц, пошедшие в услужение или даже рабство к более удачливым соотечественникам, освобождались от своих долгов и возвращались домой. Бог предусматривал для народа своего рода циклическую перезагрузку, что, по идее, весьма здравая вещь, позволяющая восстанавливать многое, в том числе справедливость для самых слабых.

Продолжение пути

Скандалы и наказания

После того, как было поставлено святилище, тот столб, что вёл израильтян, стал обитать над ним. По ночам в святилище был виден свет, исходящий от Святого-Святых. Целый год люди жили около Синая, занимаясь изготовлением предметов и деталей святилища, а Моисей ещё и написанием книги закона, который будет называться его именем, собирая туда все указания, полученные им от Бога. Но это место не было целью их путешествия, только остановкой. Это было хорошо для вхождения их в новые условия жизни, привыкания к ним, но не могло длиться долго. Их ожидала конечная цель путешествия, обетованная земля. В двадцатый день второго месяца, после Пасхи в первом месяце и второй Пасхи для тех, кто по причине осквернения от прикосновения к умершим (очевидно, для хоронивших Надава и Авиуда, сыновей Аарона) не мог принять участия в ней вовремя, столб присутствия Сущего отделился от святилища и поднялся над лагерем. Затрубили трубы, давая сигнал сниматься с места и скоро люди были готовы идти дальше. Левиты подняли накрытый покрывалами ковчег, остальное святилище было погружено на повозки, и этот их первый переход длился три дня. Не указано, делали ли они остановки на отдых, но лагерь не разбивали.

В дороге люди понемногу стали вспоминать старое, всякие претензии к Моисею или вдохновляясь от трудностей дороги. Непонятно, отчего возник первый скандал после Синая, однако как правило, когда настоящих причин для недовольства нет, когда здоровые люди просто переносят тяжести службы или дороги, то определённая категория людей впадает всегда в одно и то же состояние, когда им очень хочется высказаться, окрасить что-нибудь или кого-нибудь в чёрный цвет, обвинить кого-то, испортить кому-то настроение, получая от этого специфическое удовлетворение. Это всегда один и тот же дух, хотя он может окрашиваться по-разному в зависимости от повода, обычно искусственно выделенного, принимая форму борьбы за справедливость, протеста в виде выражения недовольства чем-то и кем-то. Вредные люди всегда характеризуются чем-то схожим в поведении, выглядят одинаково независимо от причин, движущих ими. Такими были и в недавнем прошлом так называемая интеллигенция у нас, они же либералы сегодня, определённый процент людей, которым плохо, когда что-то идёт правильно и здорово, и им хочется придрасться к чему-либо и испортить остальным самочувствие. А возможностей для этого в природе вещей имеется в избытке, это открытие сделал некогда Люцифер и с тех пор многие отравляются этим горьким корнем – возможностью найти такой подход или ракурс освещения и подачи материала, что даже правильная вещь может показаться неправильной. И Бог прореагировал на это поведение, на это душевное состояние, которым определённая категория людей наполнила себя до отказа. Появился огонь, сжигающий людей на краю лагеря, и начинающий распространяться. Бог начал показывать, что Его терпение не безгранично, и если поначалу Он терпел проявления духа критики и придиричivosti, то после того, как люди получили довольно много знаний о должном и правильном, а также вступили в клятвенные обязательства Завета, неверное поведение начало получать должную оценку.

Люди стали кричать к Моисею, и после того, как он помолился, огонь погас сам собой. Думаю, что едва начали гореть самые злостные критиканы, остальные мгновенно сменили тему и стали кричать о пощаде, прекрасно понимая свою неправоту и то, где пересекли черту.

Обычно Бог наказывает и проявляет нетерпимость к тому или иному злу нечасто, как правило тогда, когда оно совершается впервые. К первенцам у Него особое отношение, всякое начало несёт на себе какой-то отпечаток, привлекающий Его внимание, но когда люди, зная о Его отношении к чему-либо, после первого наказания снова начинают через какое-то время смелеть и пробуют потихоньку границы Его терпения, то

во второй и третий раз и дальше обычно ничего подобного не случается, наказания нет. Он показал Своё принципиальное отношение к тому или иному, и людям отныне известно, что им за это будет, и больше непосредственно не наказывает делателей зла, однако же надо помнить, что показанное в первый раз будет применено позже, на Суде. Людям же кажется, что Он перестал наказывать, что первый раз это было что-то случайное и от этого смеются, однако наказание не отменено, Бог не слеп, просто ждёт. То, что люди не движимы страхом наказания, хорошо, так как из одного лишь страха в жизнь войти невозможно, и Бог даёт людям пожить в своё удовольствие, жалея их, что у них нет будущего, лишь ограниченная версия настоящего. Главная причина Его ожидания в том, чтобы дать человеку больше шансов на осознание – опасности и непривлекательности зла, ценности жизни, ценности всякой правды и добра, возможностей выйти из порочного круга суеты и войны страстей в самом человеке, и прочих подобных вещей.

Место, где приключилась эта беда, назвали Табера – "горение". Оно осталось в памяти людей больше как географическая точка, чем уроком. Любители почесать язык стали всего лишь аккуратнее выражаться и адресовать претензии, но дух критики никуда не делся. Не прошло много времени, как появились новые претензии. И даже не к Моисею, а просто некий такой общий каприз, охвативший многих, плачь по мясу и приправам. Никто из них не терял здоровья от недоедания или нехватки питательных веществ, витаминов и минералов. Просто капризничали, вспоминая как около года назад уже вытребовали себе таким же нытьём кучу мяса, с того времени у них как раз и появилась манна, "ангельский хлеб"⁴⁴. Тон в этом начали задавать те, которые присоединились к евреям будучи египтянами или представителями других народов. Египтяне в бытность свою в своей стране питались обычно намного лучше евреев, тем приходилось обходиться более простой и бедной пищей, однако и им те времена сейчас, под влиянием египтян, начали казаться сплошными пирами. Евреи, уходя, забрали с собой свой скот и могли даже в дороге время от времени иметь мясо на столах, особенно когда приносили свои жертвы (мирные), у присоединившихся же к ним пришельцев вряд ли что-то было, так как среди египтян большинство было земледельцами. Так что именно им пришлось сидеть в основном на одной лишь манне. Судя по описаниям её, она не была безвкусной, но когда человек накручивает своё воображение картинками пекущегося на углях мяса или полными котлами рыбы с приправами из чеснока и лука, и прочее обилие дынь, огурцов, давно не попадавших на его стол, то разумеется, он начнёт относиться к хлебу как чему-то второсортному. А то и прямо-таки презренному, как в их случае и было – "ничего нет, только манна тут в глазах наших", то есть куда ни глянь, везде она, надоела совсем, нормальной еды нет...

Всё это вызывало гнев у Бога, но тут возникла проблема и с самим Моисеем. Ему стало плохо, впервые его так крепко достало. Он, пройдясь по лагерю, слышал со всех сторон вздохи и намёки и причитания о том, какие были столы в Египте, раскрашенные воображением за год жизни в пустыне. Стих и 11 главы Чисел можно прочитать как "сброд между ними стал обнаруживать прихоти"... люди "сидели и плакали (!) – поесть бы мяса!" Люди знали о его присутствии, и специально уязвляли его речами, обращёнными не к нему, а так, реплика в сторону – "эх, сейчас бы мяса". Рядом подхватывали – "с чесночком". В этом было что-то необычное, их охватило вдохновение, травля приняла организованные и согласованные формы, как бывает, когда группа людей находит удачную фразу и могут пару часов потом обыгрывать её и строить производные, изобретая всё новые и новые приколы. Этот бойкот очень сильно ударил по Моисею, так что он, хотя и не воспламенился желанием избавиться от таких соплеменников, но его собственное желание что-то делать для них было разрушено. И если бы Бог сейчас предложил

44 Неизвестно, является ли это выражение чисто человеческим предположением (раз с небес, то ангельский), или же оно отражает что-то реальное.

уничтожить неверных, как было на Синае, то вряд ли бы Моисей нашёл аргументы и желание заступаться за них. Моисей начал говорить к Богу, придя к святилищу, в лагере для него не было места покоя, слишком многие заразились от пришельцев их настроением и тоской по мясу. Он почти упрекнул Бога – "Зачем Ты мучаешь слугу Твоего?" Это было чуть лишним, но грань не была нарушена. "Что Ты возложил на меня весь этот народ?" Разве я его мать? – примерно так выражался Моисей – чтобы терпеть всё это? Мать бы имела право запретить насмешку, могла наказать, и этим снять проблему, а Моисей не видел для себя выхода. И снова его авторитет в народе сильно упал, что создавало проблему для всех задач Бога также, потому что людей, связанных с Богом крепкими внутренними связями в Израиле пока что было исчезающе мало. "Я не могу нести один весь этот народ, лучше убей меня, если Ты благоволишь ко мне..." – это была весьма глубокая депрессия, коли уж речь пошла о таких вещах. Поэтому Бог взялся лечить Моисея, вытаскивать его из глубокой ямы, куда его повергла атака со стороны тёмных сил, проведённая через толпу. Наказывать народ напрямую было бесполезно, они не вразумились огнём, спалившим совсем недавно особо рьяных ворчунов, поэтому Бог решил сделать это иначе, дав им требуемое ими в несколько большем количестве, чем надо для счастья, так что они сами с разбегу устроили себе отравление мясом.

С одиночеством Моисея (ближайший круг не в счёт, нужна более массовая поддержка) Бог решил проблему довольно чудесным образом, который редко применялся. Он сказал Моисею, чтобы он выбрал из старейших и князей людей, которые склонны больше других к здравым решениям (при этом Моисей отбирал и тех, с кем был более совместим в личном плане) и привёл их к святилищу. И там Бог обещал дать этим людям тот же дух, который движет самим Моисеем. Это было вмешательство в строй мышления и чувствования других, что очень редко случается даже у Бога, однако после того, как Моисей сделал это и люди пришли, то Бог устроил некоторую демонстрацию, проведя разговор с Моисеем вслух тех старейшин, и пока происходило обсуждение проблем Израиля, настолько привлёк их чувства и разум к переживаниям Моисея, что они прониклись судьбами народа и дела Бога, и стали его помощниками. Моисей был водим божественным Духом, и этим людям была уделена тоже какая-то доля от Него, и это в небольшой степени преобразило их, так что они увидели проблемы Моисея в их настоящем свете. Такое подобие крещения Духом не давало особых гарантий по спасению или праведности, без воли и намерений человека это всё было временным влиянием, но всё же Моисею стало намного легче, когда не он один был объектом бойкота от злоязычных, да и остроловы, увидев единство помощников Моисея, признанных старейшин и уважаемых людей, и само то, что Моисей уже не один такой во всём обществе, потеряли свой запал к травле Моисея. Наверное, он выбирал из тех, кто уже были судьями и управляющими после реформы управления, предложенной Иофором год назад, и теперь определённая часть этого аппарата, верхушка, стала соратниками Моисея в его нелёгких обязанностях.

Когда Моисей выбирал себе помощников, кого позвать к святилищу, он сказал людям в ответ на их ностальгию по мясу и прочим разносолам, чтобы они подготовились к завтрашнему дню – очистили себя, и мяса им будет предоставлено на целый месяц. Он уже не испытывал уныния, поняв замысел Бога, от его депрессии не осталось и следа. Он сказал людям, что их слова услышаны Богом, как они говорили, что им было хорошо в Египте у котлов с мясом, поэтому Бог тоже даст им изобилие в этом. Моисей хорошо представлял, зная природу человека, каким будет результат, когда искапризничавшиеся люди дорвутся до желаемых деликатесов, что они будут есть мясо неумеренно, и прибавил, что будут есть до тех пор, пока оно не полезет у них из ноздрей. Переедание, да ещё с посылом извращённого аппетита – Бог не благословляет такие вещи, тут всё происходит на свой страх и риск... Обычно знающие Бога просят благословения на свою трапезу, да и во многих культурах старшие в доме также благословляют еду на столе, и она становится в некоторой степени ещё лучше, чем была приготовлена, но здесь даже если кто-

то и призывал благословение Всевышнего на то, что Он послал с негодованием, то нужного эффекта не могло быть. Поэтому хотя первые впечатления у людей и были приятные, но потом мало кто избежал болезненных ощущений и проблем, кроме самых воздержанных и аккуратных людей.

Когда Моисей услышал, что Бог задумал, он удивился, где взять столько животных, чтобы хватило на такой праздник живота, да ещё на целый месяц, но Бог укорил его за отсутствие воображения и неумение считать – "разве Моя рука сократилась?" В этот день состоялось обречение помощников среди признанных старейшин, которые стали его союзниками в управлении, а на следующий день западным ветром к лагерю принесло несметные тучи перепелов. Люди вышли на охоту, и наготовили себе прямо-таки штабеля мяса. Птиц было много, вся округа на десятки километров была покрыта ими, в некоторых местах они сидели друг на друге слоем в целый метр – для изголодавшихся по мясу это казалось царским подарком, хотя разумные люди могли почувствовать неладное, не к добру было такое чрезмерное изобилие. Азарт охотников, избивающих беззащитных, сбитых с толку пернатых, кровь и страх жертв – кому-то было уже некомфортно среди надвигающегося наказания, но любители мяса были счастливы сейчас. Собиранье добычи шло целых два дня без перерыва на ночь... А потом начался пир.

Мне непонятно, когда Бог поразил любителей мяса – "оно ещё было в зубах их" и "ещё не было съедено", когда появилась болезнь или расстройство. Ещё заранее Моисей предупредил людей, что оно "пойдёт из ноздрей", то есть обратно. То ли они ещё не успели съесть собранное, заготовленное на весь месяц, что мне кажется самым логичным, то ли уже после нескольких дней.

Когда-то местный охотник отдал нам зайца (мы тогда не знали, что закон о чистом и нечистом мясе по прежнему в силе), из которого мать сделала холодец. Много холодца. Поначалу мы его поели неплохо, но потом как-то желание пропало, и лишь я попытался есть его ещё, помня вкус, как он воспринимался вначале. Однако организм никак не желал возвращаться к начальному вкусу, а появлялось всё больше нежелания, а потом и отвращение, и я тоже сдался. Прекрасно было понятно, что если я буду заставлять себя это есть, будет очень и очень неприятно.

Там тоже люди разумные быстро ограничили себя, понимая, что данное с неохотой и даже с неприязнью Богом не принесёт пользы, но многие не понимали, как можно выбросить заготовленное – когда ещё выпадет такой шанс? А те, которые особо злостно требовали мяса, были склонны сказать – пусть мне будет хуже, но не пропадать же добру... Так что были такие, что и желание уже пропало к мясу, приелось, но они продолжали заталкивать его в себя из принципа. Заболели многие, кроме самых воздержанных. Началась тошнота и прочие проблемы расстройства и кишечника, и желудка, но это были ещё сравнительно благополучные случаи, многие так и умерли в этих мучениях. Одна из самых тяжёлых смертей... Когда покинули эту стоянку, она имела название "гробы прихоти" или "могилы каприза" – Киброт-Гаттаава. В принципе, иной раз у Бога можно что-то вытребовать, когда Он не хотел бы этого давать, но к пользе или благу оно никогда не послужит.

Как Библия отмечает, в этой проблеме подстрекателями оказались те, кто присоединился к ним в Египте, видя, что их Бог сильнее и что евреям быть выгодно. Теперь их стало порядочно меньше, как и евреев, подхвативших волну капризности. Самых буйных за последних пару наказаний сильно проредили. Хотя это не было целью Бога, но тут уж они сами сильно подставились. У них были все шансы стать если не евреями, то народом Бога, но их привычки не дали им этого сделать, а сами они не захотели от этих привычек отделиться...

Многие критикуют верующих в Бога, что они якобы хотят примазаться к сильной стороне, однако стоит помнить, что хотя человек во всяком деле имеет определённый спектр стимулов, наборов плюсов и минусов, но его личная мотивация обычно всё же опирается лишь на один-два из них, прочие же не представляют ничего значимого для него. Так вот – лишь те "примазываются", для кого значимо именно быть на стороне победителя (при этом обычно всегда отсутствуют высшие соображения), остальные же, как ни странно бы это для кого-то, выбирают Путь из совсем других соображений, хотя при этом тоже оказываются на стороне победителя. Чтобы подобное обвинение имело почву под собой, нужно, чтобы мотив быть на выигрышной стороне был единственным. Не понимаю – отказываться теперь от принципов добра и света, чтобы меня не обвинили в шкурных интересах? К тому же, люди не раз проходят через обстоятельства, сильно демотивирующие их, но они преодолевают их, если их интерес лежит в сфере более высоких соображений. Остальное отсеивается, или как в этом случае, отбраковывается. Люди может и склонны примазаться к чьей-то славе и выгоде, но ведь и сам Бог не пропустит к Себе никого такого, в Его присутствии они просто не выживут. Да и разоблачены будут не раз за время жизни, испытаний на прочность будет очень много. Всякий пройдёт свой тест и либо сдаст его с честью, либо отсеется.

Словно какая-то напасть случилась с Израилем после того, как они продолжили движение к Ханаану и оставили Синай. Одно волнение за другим, волна за волной. Злоречие на Моисея, каприз о мясе и разносолах прошли, но теперь зуд раздражения достиг самых верхов, точнее самого близкого круга Моисея. Его родные сестра и брат вдруг вспомнили, что его жена не еврейка⁴⁵. Хотя могло оказаться и другое, он мог взять ещё жену кроме Сепфоры, если буквально прочитать, что Моисей "взял за себя эфиоплянку", темнокожую женщину. Я думаю, что речь всё же о Сепфоре, её называли эфиоплянкой лишь за более смуглый цвет её кожи. Но даже если бы и было иначе, то это не было запретным – иметь вторую жену. Однако же сестра почему-то посчитала такое неприемлемым для вождя и, обсудив с Аароном видимые только ей нюансы, обрушилась на брата с критикой. Они вроде обвиняли Моисея, что он не выполняет какие-то заповеди, однако при этом неясно какие, скорее всего видя лишь возможный репутационный ущерб для него и его родных, не желая слышать укоров в свою сторону из-за него. Действительно, любители придираться к Моисею много чего могли говорить и его родственникам, так что те тоже страдали от таких нападков. Но не желая разделять судьбу Моисея, желая спокойной жизни, но в то же самое время быть родственниками первого человека в народе и пользоваться преимуществами этого положения, они на самом деле просто капризничали, прикрываясь некими заповедями, которых даже и не было. Фактически, под их её придирками лежало недовольство тем, что когда Моисей выбрал из старейшин семьдесят старейшин себе в помощники, они подумали, что их влияние уменьшится и положение в обществе понизится. Своими этими придирками они пытались возвысить себя и поставить его на место. Когда Моисей попытался прояснить, в чём состоит претензия, в чём его нарушение, сестра оборвала его речь словами, что они также точно слышали речь Бога, как и он, пытаясь этим сказать, что они могут иметь своё личное понимание Закона и порядков. Авторитет Моисея этими родственниками был унижен, они не видели в нём человека, близкого к Богу, Который, если бы Моисей был в самом деле в чём-то неправ, Сам бы ему сказал об этом. Прямых нарушений Моисей не делал вообще, чего не могли отрицать и Мариам с Аароном, а мнения о тонкостях подлежали тщательному рассмотрению и совету с Богом, как Автором закона. Вместо выяснения вопроса сестра обрушила на брата незаслуженную критику, считая себя старшей, помня, как участвовала в его спасении, считая, что он ей обязан и

---

45 Сепфора – мадиантянка. Претензии могли быть и о ней также, но могло быть и то, что Моисей взял ещё одну жену, на самом деле эфиоплянку.

должен поэтому прислушиваться к её мнению... Признательность признательностью, но стала ли она от этого правой в своём мнении?

Бог не стал оставлять Моисея одного разбираться с заведёнными донельзя родственниками, они могли своим бессмысленным и необоснованным раздражением повредить его снова, после недавней травмы с предыдущими скандалами, и разбить ему самочувствие очень серьёзно. Дьявол не дремал, и если бы ему удалось выбить связующее звено между этим народом, угрожающим его делу, и Богом, о евреях можно было бы забыть. Против тупого раздражения близких людей иногда трудно выстоять, их слова более весомы и влиятельны, чем посторонних. Раздался голос, потребовавший этим троим явиться к святилищу. Когда они пришли туда, последовала речь Бога, вступившегося за Моисея, из которой ясно, что по сути дела их претензии к нему действительно необоснованны, и второе, что обличать такого человека, который действительно общается с Богом, не терпящим никакого вида кривды, нельзя в неуважительном тоне. Если им казалось, что Моисей где-то делает неправильно, они всё же не имели права оскорблять его, говорить неуважительным тоном. Если бы Моисей был в чём-то виноват, Бог первый обличил бы или наказал его. Это не значит, что начальство не нужно критиковать, но делать это надо достаточно уважительно, потому что этим проявляется уважение к поставившему его. Лицо Моисея светилось от праведности и достигнутого им в жизни, но его родственники уже пообвыклись и это их уже не впечатляло. Его авторитет для них ничего не значил, то есть не значил в том плане, чтобы относиться к брату уважительно, хотя для себя лично они были не прочь извлечь максимальные выгоды из этого. Собственно, сама претензия о "неправильной" жене и было попыткой приподняться самим, раз они указывают вождю, значит часть его авторитета переходит к ним... Элементарные, примитивные расчёты, но сколь многими они движут. Вряд ли Мариам рассчитывала на власть, но что-то её подтолкнуло, она чувствовала, что на этом ей может что-то выгореть.

Отношение к авторитетам, к властям – интересный вопрос. Как уже известно многим, "любая власть от Бога". Не то, чтобы там поставлены Богом праведники, нет, далеко не всегда, однако суть в том, что относится надо к этим людям как к Его представителям. Если они делают зло, и Бог до определённого предела это терпит, то они должны быть уважаемы. Бывает, что та или иная личность у власти превышает терпение Бога и Он позволяет свергнуть эту команду, а то даже и повелевает сделать это определённым людям, давая им на это полномочия, тогда да – они лишены прежней защиты авторитетом Бога и могут понести заслуженное, что бы это ни было. Демократия, в которой граждане имеют право влиять на власть и ограничивать её в разумных пределах (тогда и граждане должны быть достаточно образованы и разумны, иначе их влияние будет разрушать страну и общество), позволяет менять власть намного менее драматично и разрушительно, чем при других условиях, но в наше время и здесь возникли проблемы, когда вместо разумного воздействия общества на власть само общество изо всей силы разрушает свои же основы. В принципе, остаётся, конечно, ещё одна возможность, когда действует уже Бог, если общество оказывается парализованным ложными фигурами, не представляющими общество, но марионетками, управляемыми из-за кулис. Кто говорил там "не Бог, не царь и не герой"? – все они имеют возможности сделать многое, и Бог, и царь, и герой, как и само общество. Впрочем и общество "своею собственной рукой" сегодня уже не смогло бы сделать ничего по освобождению себя, если ему не дадут организовать, всё давно просчитано и контролируется. Но когда людям не оставляют шанса, тогда приходит время для Бога вмешаться и разрушить системы зла, как Он некогда вмешался в древнем Вавилоне в подобных обстоятельствах и с подобной же целью. В наше время мы, как мне кажется, станем свидетелями таких Его вмешательств, и свидетельство об этом уже прозвучит.

чало из уст российского президента, когда он высказался о тех, кто "воображал себя властителями мира, но оказалось, что это не так"⁴⁶, в связи с эпидемией коронавируса, нарушившей планы многих.

Конечно, остаётся жгучий вопрос – как определить, когда власть должна оберегаться, а когда её можно свергать, чтобы быть при этом правым перед Небом? Вопрос сложный, потому что зависит от очень многих переменных, однако же вряд ли буду неправ, если скажу, что если власть заботится о стране и народе, если происходит развитие и улучшение быта людей и всяких вещей, составляющих опору государства и общества, то такую власть трогать нельзя без того, чтобы не оказаться виноватым перед Богом. Если не хватает мелочей, без чего здоровье и быт людей может обойтись без вреда для них, то разрушать из-за этого систему власти – преступление, хотелки и капризы не поддерживаются Небом. Займись этим недостатком, исправь что можно, заинтересуй, произведи товар или услугу, дающую новые возможности, и не надо будет никого свергать. Некогда Люцифер занялся именно этим, стал шатать трон Бога ради претензий обрести божественность и власть лично себе. Обман и ложь позволили ему преуспеть в некоторых вещах, но результат виден всем и осязаем на нас самих.

В словах Бога к Мариам с Аароном прозвучала мысль о пророках, с которыми Бог общается по ограниченному протоколу – в видениях, в снах. Они также могут слышать Его голос. В общем, задействован один-два канала, тогда как Моисей в этом отношении оказывается весьма привилегированным пользователем, имея общение личное и прямое. Участь пророка выглядит для многих очень завидной, это даёт возможность общения с Безграничным и Сильным. Однако же и здесь может быть разный результат из-за настроек самого человека – прожить простым ретранслятором сигналов или воспользоваться редкими возможностями и взойти на много ступеней выше в развитии, переняв от Того, с кем общаешься, Его качества и возможности. Надо сказать, что любая встреча с Богом, видимая глазу или невидимая, прочувствованная и обрётённая только внутри себя, изменяют человека. Как и любые столкновения с огромными и сильными, влиятельными вещами. Последними словами Суцего к сестре Моисея было – "как же вы не побоялись упрекать Моего слугу?" Хотя Бог говорил это, будучи уже разгневан, однако при последних словах, Моисей отмечает, Его гнев "воспламенился", и Он, чтобы не повредить людям, отошёл от них с негодованием. Мариам при этом оказалась белой как снег, на ней лежала проказа. Аарон, увидев это, стал умолять Моисея простить их, признавая их неразумие в этом деле. Моисей не держал зла на сестру, и со своей стороны стал просить Бога о ней, и Суций ответил примирительно – если бы её отец плюнул ей в лицо, то по законам, ей нужно бы было неделю очищаться от этого осквернения, неся последствия проступка. Осквернённый человек не имел права находиться в лагере, и любой осквернённый, равно как и прокажённый, должен был уйти за пределы лагеря. Эту неделю Израиль провёл на месте, ожидая, пока она сможет вернуться. Её болезнь больше не упоминается в летописи, она прошла за эту неделю. Это происшествие в какой-то степени на некоторое время утихомирило страсти попридираться. Если бы проблема с Мариам закончилась в тот же день, то урок не был бы столь запоминающимся, но день за днём ожидание, когда её ссылка закончится, напоминали многим, что не всякое слово принесёт желаемый результат.

У Ханаана. Затянувшееся вхождение

От Синая до границ обещанной им земли было одиннадцать дней пути, если не делать стоянок, как Моисей говорит во Второзаконии. И вот они дошли сюда, спустя примерно четырна-

---

46 Приблизительная передача своими словами по памяти. Лето 2020 года.

дцать или больше месяцев после выхода из Египта. Оставалось зайти в Ханаан и начать забирать его себе, изгоняя тех, кто там жил до сих пор. Население этих краёв значительно увеличилось со времён Иакова и, похоже, что евреев посещали смущающие мысли и тревожные ощущения о предстоящем. Никто из них никогда здесь не был, скорее всего, но могли слышать о силе и умениях живущих здесь племён. Их могла смущать война, которую им нужно было вести, так как добровольно живущие здесь не захотят уходить. То, что у Бога свои планы об этой земле и что её жители не оправдали Его надежд, могло бы подкрепить многих, но мыслил ли кто из евреев этими категориями? Им особо эта земля, может быть, чисто по ощущениям даже не казалась нужной, они были не против и дальше быть на всём готовом, в какой-то мере манна и мясо по праздникам начало их удовлетворять. Египет для них был фактической родиной, хотя и неласковой, а обещанный Ханаан неизвестной чужбиной. И многие застыли в нерешительности. Это настроение владело не только простыми людьми, но и князьями, так что вылилось в предложение Моисею, что не надо, мол, спешить, надо бы сначала походить, поглядеть, осмотреть, стоит ли это всё стараний (последнее они вслух не высказывали, конечно)... Моисею, который тоже вряд ли мог избежать некоторых сомнений, само по себе это показалось здоровой мыслью. И мысль действительно была здоровой, по крайней мере, как он подхватил её – действительно, оценка предстоящего всегда должна быть осмысленной, обстоятельства взвешены и обстановка на поле действий разведана. Поэтому и Бог не был против предварительной экспедиции по Ханаану, и подтвердил со Своей стороны, чтобы представители от каждого племени прошли по их будущим владениям. После этого от каждого племени были отобраны умелые и подходящие для разведки люди, их собрали в дальнюю дорогу, и эти двенадцать отправились.

По отчёту этой экспедиции они добрались до северных границ Ханаана, до пределов Емафа. Двенадцать человек, передвигающихся по землям разных племён, не вызвали ни у кого вопросов, может быть люди ищут возможность торговать или ищут что-то для дела. Жители этих мест чувствовали себя уверенно, хотя слышали о делах в Египте и чудесах, связанных с потомками Авраама. Но прошёл год после тех событий и многое приняло привычный вид, евреи жили пока в другом месте, около Хорива в Аравии и о них перестали думать настороженно. Все хананеи были довольно сильны, не зря евреи восприняли весьма скептически отчёт экспедиции. Если бы даже евреи вернулись сюда, им бы хватило места без особых конфликтов с соседями, места было всё ещё достаточно и хананеи, скорее всего, не знали о своём приговоре от Того, Кто когда-то дал эту землю их отцам. Говорил ли я уже, что Бог приговорил всех прежних жителей Ханаана к изгнанию, и если кто не послушался бы Его приговора, то и к гибели. Эту землю Он считал священной и на ней должны были жить те, кто хранил бы её и оберегал от осквернений. Не могу уверенно заявлять, но насколько я понимаю, то здесь как раз находился прежде Едем, забранный перед Потопом куда-то вверх, и как Откровение говорит, сюда же спустится снова, когда закончится тысяча лет запустения, которое в свою очередь наступит после и в результате Второго Пришествия. Да, тот самый, потерянный и возвращённый рай. Так что эту землю, хранящую место для возвращения Едема, не полагалось оставлять в руках распутных людей, теряющих нравственность всё больше и больше. По крайней мере понятны мотивы Бога, решившего поселить здесь Своих людей, избранных для больших и благородных дел. Именно в силу этих же высоких требований уже евреи впоследствии лишались этой земли и были отправлены в плен, откуда возвратились далеко не все, и которую потеряли ещё раз за отвержение Христа. И лишь в конце времён в силу политических игр снова получили некоторую возможность вернуться сюда.

Увидев немало интересных вещей, принеся удивительные плоды земли, разведчики вернулись в лагерь. Послушать их рассказ собрались все, и прозвучал их отчёт. Земля, по их словам, прекрасна, жизнь там изумительна и чудесна, сплошные молоко и мёд вместо рек и озёр. Люди внимательно и жадно воспринимали их слова, и сначала всё шло хорошо. Похоже, что всё вы-

шло непреднамеренно, никто ни с кем предварительно не сговаривался и не репетировал, иначе бы двое верных людей как минимум предупредили бы Моисея о готовящемся срыве их целей. В общем, сначала общество очаровалось рассказом о красоте и удобствах Ханаана, предвкушая будущую прекрасную жизнь. Но вот рассказывающий начал вбрасывать вещи неприятные. Живут там люди сильные, а местами вообще великаны. Города там укрепленные до неба, воевать с ними невозможно, мы ощущали себя как насекомые рядом с ними, да и они на нас смотрели также точно... А потом добавил фразу, что "та земля поедает живущих на ней". Вроде как лишь очень сильные и большие люди могут с этим справиться, а остальным там не жизнь. Не знаю, может что-то и случалось с кем-то, страшилки и байки могут ходить о многих местах на планете, но здешние случаи как раз и могли быть связаны с тем, что это проявлялись проклятия на нынешних жителей этих мест, оскверняющих священные места. Но говорящий не был склонен думать об этом, он делал самые примитивные выводы. И зачарованное общество впитало эти эмоции большинства участников похода. Относительно невозможности войны с хананеями это были предположения, лишь предположения, но все воспринимали их уже как факты, как непреодолимое препятствие. Настроение народа изменилось катастрофически, людей охватила иррациональное возбуждение и паника. Это было в их глазах настоящее "мы все умрём" в худшем виде. Многие начали причитать, а остальные подхватывали – "И что мы раньше не умерли, в Египте или в пустыне по дороге?" Потом возникла уже тема против самого Сущего – "Зачем Он вывел нас из Египта – чтобы мы пали тут от меча? Наши дети достанутся врагам в рабы, наши жёны в рабыни, а мы все умрём от руки врагов". Это было обвинение Бога в злом замысле против них, а заодно ещё и в неспособности защитить их от хананеев, как будто их силачи превосходят Его в силе, которой было достаточно, чтобы разрушить Египет, раздвинуть воды моря... Это уже было хамство с их стороны, правда, неосознаваемое, наверно. Не знаю. Затем само собой появилось и решение всех проблем – "Давайте поставим себе вождя и вернёмся в Египет". Услышав такие речи, Моисей был не в силах что-либо говорить, да и перед лицом безумствующей в экстазе толпы, долго не скандалившей, и теперь такой сильный повод... Он понимал полную бесполезность что-либо сделать сейчас, поэтому в отчаянии упал на землю лицом, это же сделал и Аарон, имевший ещё меньше душевных сил против такого краха надежд на вменяемость этой толпы.

Двое из двенадцати были совсем другого склада. Они с изумлением слушали, как уважаемый человек, с которым они ходили в разведку, вдруг несёт какую-то ахинею, как все проглатывают его слова и начинают хором воодушевленно плакать. Они попробовали перехватить инициативу, однако было поздно, дьявол сумел всех охватить своим гипнозом и толпа вела себя иррационально. Начальником экспедиции не был никто из этих двоих, они были, возможно, самыми молодыми в отряде, поэтому их голоса не равнялись авторитету большинства. Они кричали, пытаясь донести до людей надежду, но хотя они и докричались до них, это не остановило безумия. Напротив, когда они говорили, что им всё по силам, так как с ними Бог, а защиты у хананеев нет, на них набросились как на врагов и толпа потребовала побить их камнями... За что? Ещё чуть-чуть, и люди уже стали подбирать камни для их убийства, но в это время от святилища воссиял ярчайший свет, заставивший всех вспомнить, что рядом с ними всё же их Бог, против которого они оказались опять в бунте. Пусть не совесть, но хотя бы ощущение опасности заставило их остановиться от убийства Иисуса Навина и Халева, всего лишь двоих активно противопоставивших обезумевшей толпе. Впереди были времена (наступившие где-то веков через девять от этой эпохи), когда Бог перестал поддерживать силы истины и правды из-за того, что Израиль не выполнил возложенных на них планов, лишил их доминирования в этом мире, отдав под власть язычников, но пока что Его присутствие было с людьми и Он не собирался терпеть откровенно неверные решения. Моисей услышал голос Бога, которого не слышал никто из остальных, иначе бы мало кто пережил бы это явление, но ответы Моисея должны были быть слышны находящимся вблизи. А разговор был по существу дела, и суть была такая, что момент был перелом-

ный, какие нечасто бывают. Первый такой был на Синае, когда евреи сделали образ Своего Бога в виде телёнка, и теперь вот срывали Ему все планы, отказываясь входить в наследие, предназначенное для них, оскорбляя Бога представлением Его слабым и неспособным справиться с хананеями, и собираясь убить тех, кто им возражал. Злостное неверие одновременно с нетерпимостью к тем, кто был правее их... И Мосею предлагается опять избавиться от всех этих неверных и ненадёжных людишек с перспективой стать отцом ещё одного народа.

В прошлый раз Моисей не видел таких масштабов отступления и падения народа, теперь же был поражён в сердце их чёрной неблагодарностью и низостью. Сколько бы других на его месте согласились с предложением, и сколько бы были только рады этому предложению... Но Моисей не потерял прежний настрой и прежние соображения не потеряли актуальности – как это всё отзовется на славе и известности Бога, на самом Его предприятии и дальнейших планах? Будет ли это полезно и результативно? Он опять приводит соображение, что все народы, услышав эту историю, подумают плохое, что Суций оказался не столь крепким, как показал Себя в Египте. Он был управляющим, своего рода менеджером, ведущим этот проект Бога и показал себя верным человеком, пропитавшимся духом Владельца, понимающим все сложности предприятия и расклады. И предложение Моисея опять было принято, Бог сказал, что сделает по его слову, Он принял совет и аргументы человека. Бывают ситуации, когда варианты развития событий довольно равнозначны при всей разнице подходов, и тогда Он предлагает Своим помощникам, сотворённым существам, участвовать в выработке решений. Это видно и из этой истории, и из повествования об Иове и также истории с Ахавом, когда решалась его судьба на совещании у Бога.

Хотя план создания нового народа был отвергнут, но меры, которые принял Бог в отношении евреев, были достаточно радикальны. Все эти люди, испугавшиеся более чем субъективного мнения о невозможности войти в свою землю и хором проклинаявшие Бога за вывод из рабства, не попадут туда. Но вот те, о которых они плакали, что достанутся врагам в рабство, о их детях, Он сказал, что они успешно завоюют свою землю. И дал приказ развернуться и идти назад в пустыню, где останутся их кости. Правда, получилось довольно гуманно, старшие поколения не умрут сразу и даже не от болезней, они спокойно будут странствовать лишних сорок лет. Как я понимаю, год, который они провели у Синае, тоже засчитывался в этот срок, так что им осталось ещё тридцать девять лет погулять вокруг южных границ Ханаана, то отдаляясь, то приближаясь к ним. Эти сорок лет скитаний были взяты из сорока дней, которые ходили разведчики по Ханаану. Здесь первый раз появился принцип подобия "день за год", который ещё раз был применён для отображения наказания Израиля в символическом лежании пророка Иезекииля больше года, и он же будет использован в апокалиптических пророчествах Даниила и Откровения Иоанна. "По числу сорока дней, в которые вы осматривали землю, вы понесёте наказание за грехи ваши, год за день, чтобы вы поняли, что значит быть оставленным Мною".

Моисей поднялся с земли, когда сияние из Святилища заставило людей остановить убийство Халева и Иисуса Навина. И теперь он объявил решение Бога. Те десять разведчиков, настаивавших, что "они жетамбыли и сами всё лично видели" о невозможности завоевать землю, умерли перед глазами всех. Объявленное решение о лишении старших поколений ожидаемой ими несмотря ни на что земли и смерть тех, чьё слово они с таким усердием подхватили, повергло людей в уныние, соразмерное с только что проявленным усердием. То есть только что они закусили удила и рвали и метали, как вдруг поняли, насколько крепко влетели опять куда-то не туда. И ведь который уже раз вот так (тоже ведь школа для тех, кто хотел бы вырваться из своих паразитных таких свойств)... Ну ведь, казалось бы, что бы не быть на правой стороне, ну что такое, только-только начнёшь воображать себе, что ты что-то значишь, как опять ударяешь лицом куда-то... Какой удар по самолюбию, даже жалко этих людей, желающих жить красиво, быть

значимыми и уважаемыми, но не желающих ничего для этого сделать, кроме самого лёгкого – объединиться в толпу точно таких же. И даже и на жертвы готовых, но всё не туда попадающих. Но в жертву стоило принести прежде всего своё "Я", не с целью потерять индивидуальность, а чтобы дать Богу возможность сделать из них что-то лучшее. Нужно было сосредоточиться на науке восстановления человека, но вряд ли они это понимали, тем более большинство и не хотели понимать.

День прошёл кое-как, мгновенно отправляться в пустыню ещё не нужно было, столб облачный ещё не поднялся от Святылища. На следующее утро у многих родился план искупления своей ошибки – они решили собраться, вооружиться и пойти на войну с ближайшим к себе племенем местных жителей, чтобы Бог, видя их решимость исправиться, простил их и отменил Свой приказ. Выполнять вчерашний приказ как будто бы здорово, но это лишь если бы не поступило нового, отменяющего предыдущий... Идти на север, когда было приказано идти на юг, было таким же преступлением, как и отказ идти на север, когда нужно было идти на север, даже невоенные люди это понимают, но они в тот момент не понимали. Или хотели изобразить раскаяние и исправление, и даже послушание. Однако не смотря на изображаемое рвение и послушание Богу, их послушание не принималось за послушание, и рвение для Бога на человеческих условиях не было Ему приятно. В религии бывает иной раз подобное, когда берётся какое-либо отдельное повеление Бога, а то и вообще что-то похожее на него и преподносится как воля Бога, и при этом остальные повеления как будто не существуют (а для разных условий и обстановки они могут различаться, почему Соломон и писал позже о том, что всему своё время, когда разбрасывать камни, а когда собирать их). Результат будет такой же, как и здесь – Бог не будет на их стороне и не будет защищать и сопровождать. И награды не будет – "подвиг не засчитывается, если подвизаются незаконно", как говорил апостол Павел⁴⁷. Если же ради старого, отменённого правила будет нарушено текущее, то это вообще будет преступлением, за которое награда тоже будет соответствующая, хотя это уже воздаяние...

Люди собрались в отряд, и поднялись на гору, где жили амаликитяне и хананеи, и те выступили им навстречу и разгромили евреев. Отсутствие защиты привело к очень большой потере среди израильского войска. Моисей предупреждал, что Бога с ними не будет, но они решили попробовать. Потом уцелевшие и убежавшие вернулись с позором и больше разговоров и споров не было. Это сражение не только принесло ненужные смерти евреям, но имело и иное недоброе последствие. До этого хананеи, слышавшие о их Боге и Его силе, помогающей им, опасались Израиля, но теперь, увидев этих людей в деле, посчитали, что то, что они слышали о Сущем, не соответствует действительности и что евреи не представляют из себя какой-то большой проблемы. В немалой степени поэтому спустя сорок лет хананеи сопротивлялись Израилю и вели с ним войны. Поведи себя народ разумнее, очень многое пошло бы более лёгким путём. Через некоторое время лагерь снялся и Израиль пошёл странствовать, так и не войдя в обещанную им землю. Сроки, обещанные Аврааму, ещё немного затягивались, ещё на сорок лет. В итоге вместо четырёхсот лет Израиль смог попасть в Ханаан лишь четырёхста семьдесят⁴⁸ лет спустя.

Сорок лет ожидания и странствий

Восстание Корея, Дафана и Авирона

Начались долгие переходы и стоянки в пустыне. Воспитательная работа с Израилем, без которой в принципе ничего не может состояться, при всех стараниях Бога, происходила медленно

---

47 2Тим.2,5

48 На тридцать лет задержка произошла из-за Моисея, начавшего не вовремя и без сигнала, и сорок лет из-за бунта на границе обещанной земли.

и мучительно. План Бога сейчас состоял в смене поколений, в расчёте на то, что новое поколение, хотя бы привыкнув к какой-то дисциплине и фигуре Моисея, будет в дальнейшем более управляемо и просто вменяемо. К сожалению, смена поколений не оказалась сменой народа, его характера, хотя и произошли некоторые перемены к лучшему. В принципе сама по себе задача воспитания нового поколения в нужном духе относительно решаемая, но для этого нужны кадры учителей и воспитателей, определённые меры, иной раз вплоть до отделения нового поколения от прежних (тоже большая проблема, связь поколений очень важна и разрывать их очень нежелательно, разве что на небольшое время). Только был большой вопрос в учителях – их просто не было. Их подготовка может быть и была возможной, но малейшие недочёты в них могли разрушить весь замысел. Возможно, Моисею такое и не приходило в голову. Прояви Моисей больше выдержки, не начни действовать по своему разумению в первой попытке освободить евреев, то выход их из Египта состоялся бы раньше и количество народа было бы на одно и даже два поколения меньше, то есть численность народа была бы значительно меньше, что дало бы лучшую управляемость и меньшую ориентацию молодёжи на Египет, пожившей в более благоприятных условиях, чем были при рождении Моисея. Но задержка с выходом создала эти проблемы взаимодействия с обществом и надежда на то, что эти люди смогут быть народом Всемогущего, постепенно таяли.

Жизнь продолжалась, только не было сейчас цели, кроме как-то протянуть эти сорок лет, своего рода заключения и изоляции, хотя личная свобода людей не была ограничена. Многие, кому было больше двадцати, понимали, что им не увидеть той земли, куда они шли прежде. Всё, что у них есть, это максимум сорок лет, и больше шестидесяти тем, кому сейчас двадцать, им не прожить никак. Многие сейчас были полны сил и энергии, и в них кипело некое возмущение, заставлявшее их изобретать что-нибудь этакое. Так родился не просто очередной бунт или возмущение, но настоящий заговор.

Кому-то могло бы прийти в голову, чтобы стать отдельным племенем, уйти от Яхве, из-под Его руководства и жить как все остальные народы на Земле, может быть даже вернуться в Египет. Поскольку прежний царь, не любивший их, погиб, то они могли думать, что новые правители Египта примут их благосклонно. Там им было знакомо всё, и многие испытывали ностальгию по местам, где родились и провели всю свою жизнь. Но вряд ли они испытывали иллюзии о том, что можно уйти от Бога, они видели Его возможности. Но был ещё вариант потеснить Моисея, и они задумали то ли сместить его, то ли серьёзно ограничить его власть. Конкретно это был план потеснить Аарона в храмовых делах, войти в священство и тогда уже от имени Бога, как им казалось, они могли бы ворочать делами, как делали другие люди в других религиях и позже иной раз и в их собственной. Они вооружились методами представления фактов в другом свете, в более выгодном для себя, фактически устроив, может быть впервые на Земле, "цветную" революцию. Правда, они забыли один момент, что "если приступит кто посторонний (к служению в Святылище), то умрёт". То ли пропустили, не внимательно отнесясь к законам, записанным Моисеем, то ли посчитав, что их это почему-то не должно коснуться, потому что в их заговор входили левиты. Хотя у левитов были очень ограниченные полномочия в святылище, но они видимо имели планы переписать некоторые пункты уставов, опять же не подумав, получится ли у них это. От левитов здесь был один из глав рода Каафа, Корей. Судя по всему, он был центром этой интриги. Рядом с ним располагалось на южной стороне храма во время стоянок группа племён с рувимлянами во главе. Рувим был старшим по возрасту, хотя и утратившим первенство в своё время, однако честолюбивые князья, вникнув в соображения и планы Корей, нашли в них возможность пробиться в верхушку правления, если их план удастся.

Для их замыслов был довольно удобный момент, когда весь народ был расстроен сорокалетним приговором и всякие перемены могли улучшить их настроение. Всё, что было против

Моисея, как бы несло надежду перемен, так как Моисей ассоциировался с Богом, наказавшим их.

В другие времена в других местах такие замены порядков и законов Бога на ситуативно для кого-то выгодные вполне удавались. Когда есть интерес, выгода и желание с энергией, возможно очень многое. Когда прекратились гонения на христиан в Римской империи, на должности в общинах, почуяв пусть даже небольшие деньги, но всё же доход и значимое положение в обществе, полезли именно те, кого там ни при каких обстоятельствах не должно было быть, кто одним своим влиянием уничтожал насаждаемое Богом. И мир получил новый Вавилон, язычество в одеждах христианства. Не будь Бог тогда на страже и не будь времена несколько иные (а они принципиально изменились со времени вавилонского Плена), они вполне могли осуществить что-то подобное.

К Моисею явилась большая делегация и с ходу взяла быка за рога – "А не хватит ли вам, Моисей с Аароном?" – в смысле, не слишком ли много вы на себя берёте? "Бог живёт среди всех нас, и вы не одни тут такие священны, зачем вы себя ставите выше всех?" Моисей в принципе понимал недовольство князей, прежде не видевших над собой никаких начальников, и тут вдруг он встал надо всеми, да ещё и брата рядом поставил. Он понимал их положение и недовольство и ожидал чего-то подобного рано или поздно. Помочь им было не в его силах, тут было лишь одно немалое возражение на их недовольство – Моисей осуществлял власть Бога над Его народом, роль пророка, который передавал волю Бога и всё было слишком прозрачно, чтобы обвинить его в лжи от имени Бога. Однако теперь, желая себе иной судьбы, неизвестно какой, но другой, князья (причём далеко не все, так как из верхнего уровня пришли лишь трое, да и то не сами главы племён, а их племянники или сыновья, почуявшие шанс перескочить ступень) решили вернуть себе свои уменьшившиеся полномочия. Самые главные, думается, не поддерживали мятеж, но и не мешали им в их планах – если выгорит, то они воспользуются этим, а нет, то страдают лишь эти выскочки.

Моисей (вот тут я вдруг задумался, что он сделал, во всех подобных местах, где он огорчается, переводят, что "упал лицом на землю", хотя, оказывается, можно прочитать те же слова и как "поник лицом" или "упало лицо") среагировал как обычно делал в таких случаях – огорчали его часто, и новый бунт мог в одних случаях обессилить его, в других он мог уже привычно поникнуть – опять они за своё! Однако же дал им ответ, похоже, уже успев получить советы от Бога, следившего за ситуацией, хотя скорее просто знал, как Бог поведёт себя в этой ситуации. Он предложил простой тест – придти завтра всем претендентам на священство к Святилищу, принести с собой горящие кадильницы с фимиамом, и там Бог Сам покажет, кого Он желает видеть при Себе в Святилище. Недовольные говорили, что Моисей передал священство брату исключительно из расчёта собрать всю власть в семье, а мол Бог не имел таких намерений. А если и имел, то нажав на Моисея, они рассчитывали подвинуть Аарона, договорившись как-то даже и с Богом – мол, Он вовсе не такой, как Моисей с Аароном представляют им. Всё же прежний патриархальный уклад им казался незыблемым, но им бы стоило сначала выяснить это у самого Бога, пораспрашивать тщательно Моисея или проштудировать уставы о Святилище, расследовать всесторонне этот вопрос, а не делать такие рискованные шаги.

Одним из главных зачинщиков мятежа был Корей, потомок Левия, из левитов, получивших при Святилище должности помощников священников, однако ему хотелось большего. Остальные двое были вообще не левиты, однако также, по праву прежнего уклада, рассчитывали то ли попасть в духовенство, то ли пристроиться рядом в каком-то наблюдательном или попечительском совете, осуществляя гражданскую власть. Моисей попытался поговорить с главными участниками заговора, желая понять, можно ли как-то разговаривать с ними и что-то объяснить

им. Он обратился к Корею, который, вообще-то, уже был при Святылище – "неужели вам мало того, что Суций выбрал вас из народа и приблизил к Себе на службу?" Он попытался сказать, что он фактически восстаёт против Бога, пытаясь изменить уже установленный порядок, намереваясь всех желающих делать служителями, однако Корею, слишком увлечшись участием в заговоре, не стал обсуждать ничего и поддаваться на уговоры. Тогда Моисей попросил придти Дафана и Авирона, оставшихся главных предводителей восстания, которых не было здесь. Но те отказались подойти для разговора. Они выставили Моисею претензию как несостоявшемуся руководителю, который не смог выполнить обещанного. Они изобразили дело так, будто бы старейшины народа заключили с Моисеем договор, что они будут подчиняться ему на время, пока выйдут из Египта и не придут в священную землю. И раз Моисей провалил условия договора, то есть вывел их из одной земли изобилия, но не привёл в обещанную, то пришло время держать ответ. Это была такая "чёрная метка"... "Ты хочешь ослепить глаза людей", доверившихся тебе? – говорили они. Такая трактовка была грубым искажением фактов, полностью игнорировала Бога, руководившего и Моисеем и ими, изображала Моисея как удачливого афериста, но теперь как бы разоблачённого, пойманного на неспособности довести дело до конца, да ещё и имеющего диктаторские планы. Да, цветные революции дело очень древнее... Если на стороне таких интерпретаторов реальности достаточно много народа, они имеют очень большие, даже полные шансы на успех, шокируя остальных своей наглой пропагандой и этим парализуя их волю к сопротивлению или просто заставляя верить тому, что они говорят. Народ, кстати, в этой ситуации всей душой был на стороне заговорщиков.

Итак наутро к Святылищу пришли двести пятьдесят человек с кадилами. Они все были уже заряжены благовониями (либо храмовыми, которые нельзя было использовать вне храма, либо самодельной копией храмовых, что было совсем неприемлемо, так как Бог запретил пользоваться этим рецептом вне храма, либо просто что-то благовонное по своему разумению), и также были разожжены (и вряд ли огонь они брали с жертвенника Святылища, повторяя ошибку, за которую погибли два сына Аарона). Корею, как организатор, привёл с собой весь народ, которому было довольно всё равно, какие люди будут священниками, всем было просто любопытно, что сейчас будет. Однако же это были не просто зрители, они были практически все на стороне Корея, не вникая в планы Бога, который дал все порядки и законы о Святылище, сочувствуя этим жалобщикам на произвол Моисея и Аарона. Им хотелось видеть, как Моисей будет делиться властью, а то и вообще "должен будет уйти", как устраняют его брата от службы при Святылище. Поэтому неудивительно, что Бог, видя внутренности и никчемность, полную несерьёзность подавляющего большинства, с которым ничего путного не добиться, потребовал от Моисея и Аарона, чтобы они отошли от толпы на некоторое расстояние, чтобы уничтожить всех прямо здесь и сейчас. Моисей, конечно, тоже вряд ли был ободрён видом праздной толпы, с шуточками и усмешками наблюдавшими за его ожидаемым унижением, однако же требование Бога отделиться, прежде чем Он уничтожит восставших, дало ему надежду, что у него есть шанс заступиться опять – и он не отошёл от толпы, чтобы гнев Бога не смёл всех подряд. Он всё же надеялся на постепенное улучшение нравов, когда народ побольше узнает о Боге (если бы народ был склонен к учёбе, то шанс на это был бы, но большинство было довольно глухи к просвещению и не склонны к наукам и рефлексии), и в этой ситуации не был склонен винить толпу. Поэтому он вскричал к Богу, что виноват здесь лишь один человек, Корею, который смутил множество людей, соблазнив их переменами, и наказывать следует лишь организаторов. В принципе, тоже верно, и Бог не настаивает, но перестраивает сценарий на Свой манер – он потребовал тогда, чтобы никого не было рядом с жилищами Корея, Дафана и Авирона, чтобы убрали все свои вещи или животных подальше. Толпа мигом помчалась туда, где жили эти люди, выполняя распоряжение и желая не пропустить новое событие, и Моисей с Аароном, поднявшись, тоже проследовали туда. Соседи зачинщиков поубирали всё, что могло оказаться поблизости от их шатров, и окружили

место, в то время как сами организаторы заговора вышли из своих жилищ и стояли при входе со своими семьями. Они стояли гордо, бросая вызов Моисею, видимо не считая Бога опасностью или же не допускали мысли, что борясь против "злоупотреблений" Моисея властью, наносят Богу оскорбление или вредят Его планам. Вот ведь они никто не имели от Моисея никакого реального вреда, однако же распяляли своё воображение мнимыми обидами, в которые верили сами и подогревали ненависть в других. Что ты можешь нам сделать? – бросали они вызов Моисею, они выглядели сейчас героями сопротивления какому-то воображаемому злу. Будь там в то время либеральные СМИ, как бы вдохновенно потом они описывали сам их вид, прекрасные светлые лица борцов против тирании... Хотя это получилось и без всяких газет и журналов, толпа была давно заряжена подобным духом.

Моисей желал, чтобы люди различали его правоту и, желая показать, что Бог на его стороне и что он не виноват ни в чём, желая, чтобы люди вникли в дело, сказал, что сама гибель восставших будет свидетельствовать, что Моисей здесь не виноват ни в чём. "Если они погибнут как все люди, то не Бог виноват в их смерти", то есть тогда виноват будет он (и это важно, он взял на себя немалый риск, хотя в Боге был уверен, что Тот поддержит его). "Но", далее сказал он, "если земля поглотит их", то это рука Бога и Моисей не виноват перед вами и перед ними. И мгновенно земля вздрогнула, под жилищами зачинщиков мятежа прошли трещины и все они со всем имуществом провалились под землю. Толпа зрителей пришла в ужас и стала разбегаться, подгоняемая криками проваливающихся под землю. Многие кричали при этом, что и они тоже могут провалиться заодно с теми, и подгоняли себя и детей. Бог, раз уж не стал их уничтожать у Святынища, не стал бы раскрывать пропасти под ними, но они ощущали себя причастными к заговору, организованному этими людьми и не могли ощущать себя в безопасности.

Опять могут спросить о детях заговорщиков, зачем было губить их. Однако разве не виноваты в их гибели сами родители? Только ли на Бога следует возлагать вину? Родители сами держали их при себе, не отпуская, не веря, что Бог станет им что-то делать. За них мог бы ходатайствовать Моисей, попроси они об этом, но они никто не сделали нужного шага, держа марку до конца, поэтому не вижу вины Бога в произошедшем.

По уставу Святынища стояло в центре лагеря, вокруг него располагались секторами племена Израиля с закреплёнными за ними сторонам света. Почему-то думаю, что ближайшими к Святынищу, в центре лагеря были всегда шатры князей, люди помнили и хранили принцип старшинства. Поэтому далеко отходить от Святынища не пришлось, скорее всего всё происходило в пределах прямой видимости от входа в храм, где первоначально все и собрались, и где оставались двести пятьдесят человек с камильницами, претендующих на священство. В то время, когда земля разошлась под шатрами мятежных князей, тогда же или чуть после из Святынища вырвался огонь и сжёг всех стоящих у ворот двора посторонних людей с камильницами. Бог сказал при этом Моисею, чтобы собрали камильницы погибших, так как от соприкосновения с огнём присутствия Бога они освятились, и теперь не могли использоваться нигде, кроме храма. Да и сами эти люди, претендуя на священство, то есть принадлежность к храму и принеся их своими руками сюда, этим предназначили их на священное употребление. Получается, их желания всё же отчасти сбылись, только им самим от этого пользы уже не было. Их разбили в запасные листы для покрытия жертвенника. Также это был ответ и предупреждение Бога всем желающим стать слушателями Святынища, что будет с посторонними. Позже Павел писал, что "никто по собственному желанию не может обрести такой чести, кроме того, кого Бог призовет на это дело, подобно Аарону"⁴⁹.

Казалось бы, недовольство людей и желание что-то изменить должно бы было после таких демонстраций желаний и воли Бога благополучно пройти. Однако не тут-то было... Вообще, желание человека бывает иногда довольно значимой силой. То же, объединённое у многих, когда все требуют перемен, может стать всё сметающей силой. Если бы ещё все эти люди были объединены не капризами, а чем-то более прямым и значимым, праведным и здоровым, но не в этот раз... Люди оказались заражены настолько, что все проявления воли Бога и Его открытое недовольство ничего не сказало им, не изменило в них ничего. Они по прежнему были настроены что-то сделать, хотя и были полностью дезориентированы и сбиты с толку. Всё же Бога сместить гораздо труднее, чем правительство. Однако их умы и души остались всё ещё прежними, несмотря на то, что и вождей не стало, и цели потерялись. И на следующий день в них что-то такое выкристаллизовалось – заряд, заложенный заговором, погибшими князьями, оказался настолько силён, что сам по себе продолжал генерировать какой-то сценарий действий. Не имея возможности что-то поменять, кого-то убрать, они решили заявить Моисею, что он всё равно неправ. Разумеется, тут легко увидеть влияние того, кто на самом деле стоял за всеми этими бунтами и возмущениями, дьявола. Толпа пришла к Моисею и высказала ему, что он убийца, что он вчера убил "народ Сущего", святых и ни в чём неповинных людей. Если бы в те времена евреи верили в бессмертие души, то причислили бы погибших в тогдашнюю "небесную сотню", определив Моисея в преступники. Хотя сейчас они всего лишь пришли и сказали слова негодования и протеста, однако они сами не знали, что могло далее последовать, сами они вряд ли планировали наказать убийцу, но до этого оставался всего лишь маленький шаг. А может кто-то и планировал.

Ситуация, однако. Моисей, услышав такую интерпретацию вчерашнего, несколько потерялся от такой наглости и извращённости ума практически всего общества (были там все или две трети, не так важно, думаю, что не сто процентов, но всё же обескураживающе много, а его сторонники оставались дома). Когда все одновременно даже думают о чём-то одном, это уже много, а если ещё и единодушно заявляют "решительный протест", то слабонервного и убить может... Горящие искренним негодованием глаза, большая вера в свои слова... Может ли общая сильная вера в свою правоту, причём когда есть явное противоречие с истинным положением вещей, и с Тем, от кого исходят сама правота и истинность вещей и смыслов, превратить ложь в правду? Ой, нет, дурная это затея. Так что их упрямая вера в свою самодельную правду лишь сильнее разгневали Бога, как и любого стороннего наблюдателя, и евреи оказались снова в огромной опасности. Моисей обернулся в сторону Святилища, и верно, над ней поднялось облако и оно снова засияло, привлекая внимание всех. Моисею было приказано отсторониться от всех, и эта глупая толпа должна была сейчас погибнуть. В этот раз Моисей не смог найти в себе сил уговаривать Бога в очередной раз пощадить народ. Он просто упал вниз лицом, как обычно, когда не имел слов, но брату срочно скомандовал взять кадильницу и встать перед толпой, как бы преграждая дорогу поражающей силе, которая уже начала действовать. Пока Аарон выполнял поручение, успело погибнуть четырнадцать тысяч человек, и оцепеневшая толпа в страхе наблюдала, как с одного края люди падают и падают. Но он, подбежав, встал с кадильницей между теми, кто уже умер и живыми, и это сработало – губительное оружие не стало поражать закрытых Аароном. Возможно, кто-то мог бы и задуматься на его месте – а вдруг не сработает, кто я такой, чтобы остановить руку Бога, которая не просто занесена в гнев, но уже наносит удары? Стоит ли лезть под эту руку? В чём-то такое соображение не лишено смысла – сделай это другой человек, да ещё без распоряжения Моисея, который единственный из всех имел достаточное не то, чтобы право, но доступ к Богу, то вряд ли бы он добился чего-то, лишь пал бы вместе с остальными. Однако Аарон не испугался и сделал это, хотя, возможно, его рука с поднятой кадильницей могла и дрожать. Я отмечал, что прежде Аарон проявил малодушие, однако в этот раз он преодолел себя и выстоял, выдержал. Кстати, даже Моисею не стоило брать кадильницу, что-

бы сделать это самому, так как он не был священником и не мог служить в Святилище после введения в строй Аарона и его сыновей. По законам храма, в день очищения, когда первосвященник входил во Святое-Святых, это место должно было быть наполнено дымом, чтобы он не мог видеть ясно ковчег и присутствие Бога на его крышке. Этим моментом, похоже, воспользовался Моисей, когда послал брата с камильницей, чтобы священный дым разделил толпу и Бога, вышедшего для наказания. В общем, Богу противопоставили кроме просьбы, отчаянной и, наверное, даже безмолвной, символы Святилища, защищающие человека от мощи Бога, и Он остановил Свою руку, как бы говоря – "Ладно, Моисей, пусть будет по твоему, надеюсь, ты знаешь, что делаешь..."

Иногда общество может охватить настроение, которое может их погубить, и такое уже не раз случалось в истории, и имело место здесь и сейчас также. Со временем многие оценивают то, что руководило ими прежде и ужасаются, что могли погибнуть, но это если повезло выжить, чаще времени оценить ситуацию не хватает и некому остановить толпу, охваченную саморазрушительными идеями и эмоциями. Общество ещё было в очень рискованном состоянии, гипноз настроя против Моисея всё ещё туманил их головы, ещё не спал, и, чтобы помочь людям вернуться в нормальное состояние, Бог предложил продемонстрировать некие видимые знаки Своего выбора и предпочтения, чтобы люди, увидев это в явном виде, с проявлением Его сил, могли встряхнуться и протрезветь. Итак, Моисей сказал всем князьям племён принести свои жезлы в Святилище, чтобы их положили во внутренние помещения. Никто не входил в самую священную часть, жезлы положили в первом отделении около завесы, отделяющую Святое-Святых, так что они были рядом с ковчегом и свечение с крышки ковчега было видно здесь сверху и снизу завесы. Предложенное испытание привлекло интерес всех и такое разрешение смуты о том, кто имеет право на служение в новом храме, показался всем неплохим способом выхода из конфликта. Сделали это, и на следующий день Моисей вынес жезлы на всеобщее обозрение. Подделка была исключена, каждый опознал жезлы не только свои, но и остальных. Жезл Аарона, как главного представителя рода Левия, оказался с цветами и созревшими плодами миндаля. После этого споры и жажда доказывать, как и сомнения в нарушенных чьих-то правах, утихли. Люди по новому взглянули на последние дни, всю кутерьму и суету злых подозрений, войны, обвинений и претензий, и обнаружили, что множество людей погибло зря, без какой-либо веской причины, всего лишь из-за чьих-то капризов и бездумной веры на слово, вообще по глупости. И погибли не только зачинщики и подстрекатели, но и простые люди, поверившие им и собиравшиеся воевать ни за что. Они поняли, что вчера были на грани исчезновения буквально все, и многим стало страшно. Они помнили, как объятые какой-то страстью, лезли на рожон и гибли десятками и сотнями. И новое отчаяние овладело многими, они боялись, что новая глупость снова может прийти им в головы и создать им совсем ненужные приключения и проблемы – и что вообще с ними происходит? Они вопили – "Мы умираем и умираем, все умираем..." Угроза гибели последних дней оказалась связана в их воображении со Святилищем, хотя беда была не в нём, а в них, однако же какой-то страх перед ним в них сформировался, выраженный в словах, что "всякий, приближающийся к Святилищу, гибнет". К счастью, в последующие времена они страха перед Святилищем не проявляли и не вспоминали этого, всё же внутри себя они ясно понимали, что уж оно-то тут не при чём.

Несдержанность Моисея

Годы странствий почти не отражены у Моисея. В книге Чисел от событий начала новых странствий повествование сразу переходит к тому, что случалось уже в конце этого срока, только перечислены места их стоянок. Явно, что никаких значимых событий не случалось, люди просто жили. Это было лучшее, что они могли сделать. Они могли быть также благодарны Богу за эти годы, но не для всех умов это было доступно. Мне кажется, что слишком уж большой заряд был

потрачен на те волны восстаний и возмущений, едва не погубивших их полностью, так что новые проблемы после этих потрясений не могли появиться быстро, им требовалось время на вызревание. Было бы хорошо, если бы они сделали выводы из случившегося и попытались исследовать, как бы они могли избежать проблем, наведённых самими на себя. Кроме личных успехов в духовном, они могли бы очень сильно оздоровить ментальность находящихся рядом с ними, а через них и всего общества. Это поставило бы общественную жизнь на рельсы гарантированно-благополучия, если бы многие из них сделали выводы и обрели знания о жизни, которая не несёт в себе семян разрушения и не разбрасывает их вокруг. Разговоры в семьях и обществе сдвинулись бы от эгоистичных и мелких вещей в сторону более продуктивную, и разрушительные тенденции могли бы в таком случае быть отодвинуты в сторону, прочь из обихода большинства. Может быть что-то такое и имело место, но не так много, как оно того стоило. Большинство могло всё ещё хранить обиду на Бога, но постепенно всё же проникались, что могло быть хуже, и хотя и не учились из произошедшего, но жили тихо и не создавали проблем. А их дети, у которых не было ограничения на возраст, чувствовали себя свободно, хотя им тоже стоило учиться на чужих ошибках, понять, что качество характера определяет слишком много и в личном плане, и в том, как будет жить общество. В общем, после всеобщего помешательства и смуты, задавленной с большим трудом и потерями, жизнь вошла в мирную колею.

Следующее происшествие случилось у южных границ Ханаана, года за два или меньше до окончания срока странствий. Снова не было воды, это было в Кадесе, где они уже бывали. В этом месте они отказались идти захватывать предназначенную им землю (хотя не исключено, что мог быть какой-то иной Кадес⁵⁰). Во время пребывания здесь умерла Мариам, сестра Моисея. Это событие и проблемы у Моисея с народом из-за воды как будто никак друг на друга не отразились. Возмущение из-за отсутствия воды началось сразу, едва только облако присутствия Бога выбрало это место для лагеря. Проблема эта разрешилась в этот же день, так что смерть Мариам явно была после этого. Оказалось, что рефлекс у этого народа до сих пор не изменились – вместо того, чтобы спросить у Бога или хотя бы у Моисея, почему Бог привёл их туда, где нет воды, они начали придирчиво язвить, желая снова задеть Моисея побольнее. Может, оставшиеся ещё в живых из старого поколения решили тряхнуть стариной, вспомнить молодость? Однако всё же удивительно – прошло около сорока лет их странствий, все эти годы у них была вода во всех местах их путешествий, а где не было, там происходили чудеса, пора бы им было уже забыть о придирчивости к Моисею, его вечной "виноватости" перед ними, но этот дух так и не выветрится из их голов... Многие из старших поколений уже ушли, и поколение двадцатилетних уже было пожилым, и они-таки приняли у ушедших эту эстафету. Бог лишь раз под конец их наказания испытал их нехваткой воды, и они показали, что до сих пор не изменились... Правда, это не был ещё весь их характер, в чём-то они могли измениться, однако зараза пустого бессмысленного разрушительного критиканства не исчезла, и грозила новыми проблемами разделённости руководства и народа, что обещало непереносимые проблемы с передачей народу божественных влияний. Будь у власти такой же по характеру человек, как и они сами, плотской и непонимающий духовных вещей, поверхностный и недалёкий, недовольные бы были, но обязательно были бы и сторонники, защищающие его. Но у человека праведного, прошедшего высшую подготовку и достигшего очень много, таковых не нашлось, кроме нескольких из ближайшего круга, и это было катастрофично для Израиля и планов Бога о нём.

Моисей с Аароном в этот раз не стали показывать расстройство сразу и сначала пошли к Святилищу, к Богу, понесли свою печаль туда. Но придя туда, упали на землю, как обычно дела-

---

50 Пустыня Син может быть также и пустыней Синайской, однако всё же Рефидим, он же Масса-И-Мерива, где Моисей первый раз изводил воду из скалы, находились не в Сине и не в Синайской пустыне, хотя и рядом. Есть некоторая вероятность, что это одно и то же место, хотя в перечне стоянок наименования не повторяются, и места выглядят слишком по разному.

ли в подобных случаях. Бог отозвался, засиял свет, как обычно Он делал, показывая, что у Него есть рецепт и на этот случай. Моисею было сказано взять свой жезл и с ним придти к скале и сказать ей, чтобы она дала из себя воду.

Бог уже не предлагал уничтожить всех вредных людей, как прежде – Моисей не раз сделал выбор в их пользу и Бог принял этот план. Теперь Бог проявляет предельное терпение – "возьми жезл свой и пойди к скале и скажи ей, чтобы она дала воду"... Это возмущение могло бы стать последним, этот урок мог помочь этим людям что-то понять, так что эта проблема могла исчезнуть из характера народа. Но в этот раз Моисей, когда Бог предложил мирные действия, проявил противоположный подход. Нет, уничтожать он не предлагал, чтобы Бог вспомнил прежние предложения, но взял на себя дерзость говорить с народом жёстко, когда Бог предписал действовать мягко – раз уж взялся за долгий и трудный вариант перевоспитания этих людей, будь добр и терпелив. Евреи должны были увидеть силу Моисея, что ему достаточно сказать слово и пошла бы вода, и это подняло бы его авторитет, но Моисей мало того, что ответил на вызов грубовато – "Послушайте, непокорные", необычно для себя, он ещё ударил по скале, да ещё дважды. И не только это, но ещё и изобразил дело так, будто это он изводит воду из камня – "разве *нам* из этой скалы вывести для вас воду?" Много лет назад около Синая он должен был ударить по скале, потому что так велел Бог, тот удар означал необходимость смерти Христа от рук людей, давшего воду жизни людям, теперь же эти удары были совсем лишними, нужно было только сказать слово – Христу нет необходимости умирать много раз, Его единственной жертвы более чем достаточно для любой нужды и для всех. Поэтому Моисей оказался нарушителем воли Бога, как Он сказал "вы не явили Моей святости перед людьми". Но вода всё равно потекла и люди получили то, что им было нужно, несмотря на нарушение символики действия и в целом воли Бога. После, когда всё успоилось, Бог сказал это Моисею, и объявил приговор ему с братом – "ты не введёшь этот народ в их землю". Единственный раз Моисей проявил характер, подобный характеру тех, кого он хотел перевоспитать, но этим он нанёс повреждения и своему авторитету, и славе Бога и, похоже, всему Израилю. Может быть даже его погрешность и не была большой, однако ответственность грубых людей и того, кто светился оттого, что был близок с Богом, была разной. Поэтому он должен был остаться по эту сторону границы Ханаана. Для людей в этом тоже был немалый урок, что нарушения воли Бога не пройдут ни у кого, и Его любимчики, если о таком можно говорить, несут и большую ответственность, чем остальные. И если Моисей пострадал за единственную за много лет несдержанность (и как они сами выражались бы на месте Моисея?), то и их слова и дела тоже не будут пропущены и забыты.

На границах обетованной земли

Последние пару лет или сколько им оставалось до истечения сорокалетнего срока, Израиль не уходил далеко от Ханаана, Ангел присутствия Сущего водил их теперь вдоль южной и восточной его границ. Их путь мог быть короче, если пройти через территорию Исава, и Моисею Бог поручил провести переговоры с ними об этом. Интересно, если мыслить в русле таком, что Богу противиться никто бы не должен, почему бы Ему просто не повести их через Едом, а если кто будет против, смести всех, кто будет мешать? Однако же столб облачный выстраивает Свой путь в зависимости от выбора потомков Исава, если едомляне пропустят их, хорошо, пойду этой дорогой, если нет – обойду. Моисей отправил посольство к властям этого народа, и там ответили безапелляционным отказом. Моисей всё же попытался объяснить – "мы же пойдём только по дороге, никуда не сворачивая, будем платить даже за вашу воду, а пройти пешком по дороге – это же ничего не стоит..." Однако не позволили, и даже выставили войска на границе своей земли, однозначно грозя оружием. Но от Бога прозвучал запрет на этот конфликт – "остерегайтесь начинать войну с вашими братьями, Я не дам вам их землю, она отдана Исаву". Нужно было вести себя с ними вежливо, даже словом не провоцируя их. Хотя едомляне не были праведниками, но

всё же не были падшими подобно хананеям, хотя тоже двигались в нисходящем направлении. Если с моралью личной пока ещё было многое в порядке, то идолопоклонство и язычество развивалось, ставя под угрозу в конце концов и порядочность большинства. Кроме того, они были довольно воинственным народом, что часто не соответствует принципам праведности, так как воинственность обычно легко находит причины для убийства и насилия, что порождает гнев и возмездие если не с неба, то с любой другой стороны, и такой народ может держаться лишь за счёт какого-то превосходства, пока оно не закончится с очередным поворотом стихий этого мира.

Если бы Бог решил, что Ему надо обязательно пройти через Едом, то Он, проявив Свою силу, легко бы привёл потомков Исава в страх и они были бы без большого труда рассеяны, но в том, что едомляне ответили отказом, были виноваты не только они сами, но и Израиль, который потерял благоприятные возможности начального периода своего пути. Из-за всяких возмущений и восстаний было упущено время, также успешное отражение аморреями попытки евреев вторгнуться в Ханаан (после того, как Бог велел идти обратно в пустыню на сорок лет) дало многим повод усомниться в возможностях Сущего. Без этих провалов те же едомляне скорее всего даже бы не подумали отказывать Израилю пройти через свою землю, но теперь утекло много воды и ситуация в умах и настроениях в мире была другой.

Смерть Аарона

Бог учёл ответ Едома и повёл Израиль в обход этого края южнее. Одна из остановок их была у горы Ор. Здесь Бог решил, что пришло время Аарона уйти, и Он велел Моисею, Аарону и старшему сыну Аарона Елеазару подняться на эту гору и там Аарон должен был остаться, передав свои первосвященнические облачения сыну. Аарону было уже где-то за сто двадцать лет, и вряд ли он был слабее Моисея, который на момент смерти сохранял отличную здоровье и разум. Его время пришло, и его уход был обставлен торжественно, хотя и без свидетелей. Едва только одежды отца были одеты на сына, силы покинули Аарона и он без боли, страданий и агонии как бы заснул. Однако это был уже смертный сон. Здесь же он и был похоронен в тот же день, и все израильтяне оплакивали своего первосвященника целый месяц.

Нападения людей и змей

Перемещения большой массы людей около своих границ не могли остаться незамеченными для жителей Ханаана, и один из южных царей решил напасть на евреев, когда они находились около горы Ор, оплакивая Аарона. Ему удалось взять некоторых в плен, из тех, кто отдался от лагеря. Израиль недолго думал о возмездии, и при этом они хотели божественной помощи, зная, что сами они мало того, что грешны и ненадёжны, но ещё и не имели большой практики в войнах. И они дали обет, что наложат заклятие на города тех, кто напал на них.

О обетах я не уверен, что знаю о них достаточно, сколько ни старался понять, что это такое. Может быть, будь я католик или православный, мог бы понять больше, в их культуре обеты занимают больше места, чем в протестантизме, хотя не уверен, что они переняли культуру обетов такой, как она была в древности. Скорее это простое подражание и развитие очередных предрассудков или своя практика в подражание древнему обычаю. Хотя его вполне бы можно было назвать таинством с гораздо большим основанием, чем всё, что в эти понятия вошло за время существования массовой церкви. Мы видим, что древние давали обеты тогда, когда стояли перед трудным для себя делом, и возникает ощущение, что обет в их глазах служил средством гарантии в достижении желаемого и просимого у Бога. Это как будто вид обмена с Ним, человек предлагает Богу нечто, и отдаёт Ему обещанное после выполнения просьбы. Как они возникли? – нигде в Библии не видно, чтобы Бог давал людям та-

кой обычай или средство добиваться гарантированного (более гарантированного, чем просто просьба у Него, но вовсе не стопроцентного) успеха. Они возникают, похоже, со стороны человека. В принципе, это простая логика, из человеческих взаимоотношений перенесённая на Бога. Почему протестантам это мало свойственно, очевидно – практика христианской церкви упоминает обеты лишь как остаточное явление из иудаизма, нигде в рассуждениях апостола Павла о обетах нет ни слова. Однако же после Христа для веры человека стало больше опоры, больше уверенности в том, что Бог слышит и делает, без всякой платы с нашей стороны, с Его огромным желанием сделать для человека всё для его счастья и процветания. Правда Его понятия об этом часто расходятся с таковыми у людей, но это уже другое дело. Получается, что обет возник от какой-то ослабленной уверенности в Боге, он является своего рода подпоркой для уверенности. Совокупность изложенного заставляет меня мыслить в этом направлении. И если есть иные соображения об этом, было бы интересно услышать.

Бог услышал просьбы Израиля, и их враги были разбиты. Согласно обету евреи не взяли у хананеев ничего, но уничтожили всё имущество и здания, как и всех не успевших убежать.

Заключение – вещь суровая. Во многом оно аналогично проклятию, только произносится "до", а не "после", заранее, предупреждая вероятного нарушителя о последствиях. Заключение вступает в силу если наложенные условия не выполняются, то есть это запрет на что-то с проклятием, которое вступит в силу, если запрет будет нарушен. В данном случае заключение иного рода, это скорее проклятие-посвящение, при котором заключённым пользоваться нельзя либо вообще никому, либо, если посвящено храму, то принадлежит священникам и никому больше. Взять из заключённого означало однозначно подвергнуться отвержению Богом, Он тогда отказывался помогать и разрывал связь с Израилем.

Когда закончился траур по Аарону, со смертью которого прекратилась зависть к нему, он всё же был одним из них, одним из самых старших в Израиле по возрасту, двинулись дальше на восток и скоро уже должны были сворачивать к северу, в сторону аммонитян и моавитян. Присутствие по левую сторону от них обетованной земли, а также земли потомков Исава, будило в них какие-то отзвуки и ощущения, которые неосознанно бродили в их душах, производя не всегда благоприятные продукты. На горизонте они видели зелень рощ и виноградников, в то время как сами шли по песку или камням. Они знали, что остаётся уже недолго до конца их срока, когда они отлучены от цели их странствий. Но отсутствие склонности к чистоте мышления вело к тому, что винить себя они не спешили, самоанализу такой настрой умов не способствовал, поэтому их недовольство направлялось в сторону Моисея, куда же ещё... А где Моисей, там же оказывался и Бог. Они опять, и уже сознательно, в укор Моисею, поминали Египет как лучшую судьбу себе – "Зачем вывели вы нас из Египта, чтобы нам умирать в пустыне? Здесь нет ни хлеба, ни воды, и нам опротивела эта негодная еда". Какой прогресс – уже не требуют мяса, не поминают изобилия, которое было в их рабстве, жалуются лишь на недостаток всего лишь обычного хлеба... Но они проклинают манну, которая снабжала их нужными веществами, хранила их здоровье, так что, как позже отмечал Моисей, их ноги не отекали от ходьбы, и никакие болезни их не трогали. Эти люди стали осторожнее в выражениях, однако всё равно распаляли своё воображение неприязнью к Его служителю и к Нему самому. Бог не мог оставить это дело безнаказанным, интересы воспитание, само будущее Израиля требовало определённых мер воздействия. Он не стал проявлять как раньше Свой гнев напрямую, в этот раз Он просто снял Свою защиту, покров заботы, в силу которого они не сталкивались с опасными созданиями, которых вообще-то в таких местах бывает немало. Они не ценили невидимой заботы Бога, и сейчас Он дал им увидеть, что значит быть покинутыми, оставленными на самих себя. Их стоянка подверглась на-

шествию ядовитых змей, которые не преминули показать свой характер, и это оказалось и больно и смертельно для очень многих. Слабые гибли быстро, другие мучились от укусов, и погибло немало людей. Народ быстро начал догадываться, что они снова наступили на всё те же грабли. В душе они всё время знали, что неправы, говоря на Моисея и задевая Бога, и этим наказанием Бог в который раз пытался им привить ощущение связи между тем, что они делают и тем, что получают от жизни. Своим злоречием и искусными поддѣвками они уязвляли Моисея, это был яд их речей и языков, и они получили то же самое в ответ, только не фигурально, а буквально.

Надо сказать, что такую политику Бог не проводит со всеми людьми, потому что люди должны быть свободны в выборе и не в Его правилах принуждать к исполнению законов, и возмездие за нарушения будут только в конце, на Большом Суде. Он делал это вмешательство в личную жизнь с целью воспитания лишь с теми, кто согласился стать Его народом, представляющим Его на земле, кто связан обязательствами Договора. С них спрос был совсем другой. Хотя именно так родители воспитывают детей, прививая ощущение опасности от нарушения правил и блага при следовании им, и другого способа нет. Объяснения играют свою роль, но не все слушают объяснения, а детям в силу малого возраста иногда и трудно объяснить взаимосвязь и взаимозависимость вещей.

Также само общество зависит от соблюдения правил и законов, и не Бог, но сами люди следят за этим, собственно Бог как раз и делегировал эту заботу сообществам людей, почему Павел пишет, что чиновники и государственные институты находятся на службе у Бога и ответственны за это. Хорошо или плохо они исполняют эти обязанности, вопрос другой, за нарушения требований, которые их служба предъявляет к ним самим, они будут давать ответ учредившему этот порядок вещей.

Им не хотелось идти к Моисею с извинениями, однако ничего иного не оставалось, и они пришли с признаниями, что виноваты в том, что говорили против него и Бога. "Попроси Бога, чтобы Он удалил от нас змей", и Моисей обратился к Нему за помощью для своих неверных и ненадёжных соплеменников. Бог в этот раз дал необычный выход, было сказано сделать фигуру змея из меди и её надо было поднять на шест флага. Носили ли этот флаг с медным змеем по лагерю или люди должны были нести укушенных к нему, неизвестно, но средство работало. Достаточно было посмотреть на змея, чтобы выздороветь от укуса гада. Вряд ли здесь нарушалась причинность или смысл, скорее наоборот, посмотреть внимательно на то, что тебе причинило беду, боль и угрозу смерти однозначно указывает на необходимость анализировать причины бед, изучать причины и следствия, что является семенем и каким, и что плодом от недоброго или полезного семени. Сделанное зло никогда не делает добра само по себе, в прямом следствии – зло не само ведёт к добру, но это происходит разумом и волей того, кому оно выпало на долю. Также и добро впрямую порождает лишь добро, а его извращения происходят от испорченности человека, перерабатывающего здоровое в яд. В нашем нарушенном мире эти искажения, увы, подерживаются на системном уровне, но всё равно лишь искажённый разум будет за добро платить злом.

Естественный ход вещей является цепью, где причины порождают следствия, где зло рождает новое зло, а добро приносило бы добро, но слишком легко и часто и туда вмешивается зло. Правда, и зло разрушает само себя, если слишком много его собирается в одном месте, так что происходит некоторая самоочистка. Пока что Бог вмешивается, сохраняя мир от разрушения накапливающимся злом, но это не всегда происходит само собой – для этого кто-то должен прерывать волевым образом, сознательно, цепь зла, не воздавая злом за зло. Я не о том, что общество не должно защищать своих граждан, оставляя зло без наказания, а только о личном уровне реакции, и

также имею в виду не тяжкие преступления, а личные маленькие обиды и недоразумения, которые нужно рассматривать снисходительно, иначе огонь обид будет привести к разрушению очень многого – себя, близких, далёких... Отсюда исходит повеление Христа прощать, если человек хочет сам быть прощенным. Каждый человек несёт свои слабости, и уже поэтому нужен определённый взаимозачёт – ты можешь не прощать, но только если сам не имеешь ни единого недостатка и никогда не совершал никакого нарушения закона. Но берегись – единственное нарушение утянет тебя в полную гибель, потому что прощения не будет, если ты сам не хотел никого прощать. Люди поставлены в некоторую взаимозависимость в этом, чтобы мы поняли Бога, прощающего тех, кто хочет этого ради достижения высших целей. Получать освобождение от вины и не освобождать тех, кто виноват перед тобой – как-то в высшей степени несправедливо...

Укушенному змеями говорили, что если он хочет жить, он должен поглядеть, хотя бы на миг задержать взгляд на медном змее – "смотри на него, смотри, это поможет тебе". У кого-то уже угасало сознание, но если он цеплялся за смысл услышанного и останавливал взгляд на этом символе признания своего греха, то он не умирал, к нему быстро возвращались силы и жизнь, уходила боль. Если бы кто-то из укушенных начали спорить с идеей такого необычного исцеления, требовать доказательств и из принципа отказались от такой нелогичной помощи, то целительный символ им ничем не мог бы помочь. Но вряд ли были такие, в таком состоянии мало кто стал бы умничать. Тем более никаких умственных упражнений не требовалось, достаточно было сосредоточить на змее взгляд. Даже и сомневающийся в эффективности таких методов одинаково со всеми получал облегчение, выполняя указание. Не нужно было никакой особой веры, ничего не надо было воображать в себе, концентрироваться и настраиваться, само выполнение указания уже было принятием условий и необходимым доверием к методу лечения.

На восточной границе. Обретение Васана и владений Сигона

Скандалы снова утихли и, кажется, больше не повторялись. Как будто последние заводили скандалов ушли, а остальные что-то поняли и больше не пытались повторять нападки на Моисея. Потеря защиты от жителей пустыни, похоже, потрясла многих. К тому же от поколения вышедших из Египта осталось совсем немного людей, а новое поколение успело уловить и усвоить лучшие идеи об общественном и личном благе. Моисей одним коротким штрихом без особых деталей отметил колодец в Беэре, хотя здесь случился настоящий прямо-таки переворот в настроении общества, усилия Бога и Моисея дали очень важный результат. В этом месте опять не было воды, однако в этот раз никто не стал возмущаться и скандалить. И в этот раз люди известили Моисея, что воды нет, просто нет... Спросили об этом Бога, и тот сказал, чтобы собрался народ, и Он даст им нужное. В той песне, что сложил народ об этом событии, говорится, что этот колодец был вырыт жезлами князей, вряд ли без участия Моисея и Елеазара. Люди хором пели колодцу, чтобы он наполнялся, и он наполнился, как и раньше, только никто не омрачил ситуации злыми словами, и для людей это событие стало праздником. И сколько таких праздников они могли бы иметь с самого начала...

После ряда перемещений по пустыне Израиль свернул на север, обошёл страну Моава и Аммона и оказался севернее аммонитской страны (либо между аммонитянами и моавитянами), это были когда-то тоже владения аммонитян, отнятые у них аморреями. Правил тогда аморреями Сигон, к которому послали посольство с тем же предложением, что и к потомкам Исава (в Пятикнижии не упоминается, однако позже в книге Судей рассказывается, что такая же история была и с моавитянами с тем же результатом), пройти через их территорию к Иордану, не отклоняясь от магистральной дороги. Сигон ответил тем же, что и Едом, вывел войска к границе. Однако эта ситуация отличалась от прежней, Бог не запрещал Израилю воевать, так как аморреи не были

родственны евреям и уже перешли границу терпения Бога, в отличии от едомлян, моавитян и аммонитян. Поэтому здесь Израиль не стал искать обходного пути, а приготовился к войне.

Здесь Израиль показал свои возможности, усиленные помощью свыше. Все земли, захваченные аморреями прежде у моавитян и аммонитян, оказались теперь у Израиля, и стали их владением. Евреи успели пожить в городах и селениях этих земель. Они уже не считались собственностью аммонитян или моавитян, поскольку те не смогли их отстоять. Позже, когда Израиль был ослаблен оступлениями во время судей, аммонитяне пытались претендовать на земли между Арноном и Иавоком, однако претензии не были приняты. Они требовали вернуть взятое у них, однако Иеффай, тогдашний судья, ответил аммонитянам, что те земли Израиль отобрал у Сигона аморрейского, а не у них, таким образом отправив их во вчерашний день, чтобы они свои претензии адресовали аморреям.

Когда аморреи выступили с хорошо организованной армией, сумевшей отнять эту землю у других народов и остоять её, они выглядели внушительно. Это были сильные люди, умелые воины. Евреи могли слегка оробеть при виде их, но Бог сказал Моисею, который передал это остальным – "Встаньте, перейдите поток Арнон, Я предаю Сигона и его землю в твою руку. С этого дня Я начну распространять страх и ужас перед тобой на народы под всем небом; те, кто услышат о тебе, задрожат и будут в ужасе от тебя". С этого времени Бог начал создавать авторитет Своему имени. Проявление Его силы над Египтом было связано с освобождением Его народа, но в этих войнах все народы могли увидеть Суцего уже как Судью всех стран и народов, а не одного лишь Израиля. С аморреями могло ничего такого не случиться, отнесись они более уважительно к Израилю, однако же, видя, что все другие отказывали Израилю пройти через свои земли, они тем более посчитали унижительным для себя пропустить через свою территорию вежливо просивших об этом людей. Однако у них не было родства с Израилем, и это стоило бы учесть. Они могли бы даже попросить плату за проход и, скорее всего получили бы выгоду двойную, и деньги, и то, что остались бы целы...

Аморреи были разбиты и вся их область была занята Израилем. Однако облачный столб не остановился на границе аморреев, после того, как их земля была захвачена. Севернее лежал Васан, страна гигантов или потомков гигантов, а их царь, Ог, был одним из сильнейших в этом народе. Это была гористая местность и, как говорят историки, здесь было много обрывов и ущелий, на краях которых стояли крепости, неприступные в силу выгодного положения. Даже дома были сложены из огромных камней или каменных блоков чёрного цвета. Здесь было много укрепленных городов, не считая неукрепленных селений. Это царство считалось весьма грозным для соседей и многие их боялись. Однако Бог уверил Моисея и народ, что они справятся с Огом васанским также успешно, как и с Сигоном, поскольку Он будет с ними и в этой войне. Этот разбойничий край не должен был находиться рядом со священной землёй Ханаана, так что Бог не случайно направил евреев против Васана.

Столкновение с войском Васана произошло при Едреи, городе, находящемся, как описывают, на плоскогорье, доступ к которому был ограничен узкими горными тропами. Ог заранее собрал войско, и ожидал евреев около этого города на равнине. Когда израильтяне подошли туда, они увидели людей высокого роста и крепкого сложения, а их царь выделялся даже на их фоне. Думаю, что среди евреев многие упали духом, хотя знали, что и с гигантами можно успешно воевать. Я не специалист этого дела, однако приходилось видеть, что рост и размер в этом деле не всегда гарантирует победу. Бог не подвёл, и Израиль в этот день разгромил всё войско Ога. После этого забрать страну не составило труда, если сопротивление и было где-то, то научившиеся воевать израильтяне больше не боялись иметь с великанами дело. Может великанами их называть не стоит, однако размеры железной лежанки Ога всё же впечатляют – в локтях 9 на 4, в метрах 4.5 на 2... Сейчас израильтяне получили весьма важный урок – когда-то их отцы испугались

трудностей и устроили безумный скандал Моисею, отказавшись идти завоевывать Ханаан, за что были отброшены назад в пустыню на сорок лет, пока то поколение не уйдёт, и вот их дети сейчас, а может быть ещё оставались последние представители прежнего поколения, видели, что страхи их были абсолютно необоснованны. Они лично сражались с теми великанами, которых испугались отцы... Следовать пути, завещанным отцами, дело весьма похвальное, но всё же бывает, что надо исправлять также и ошибки отцов, выправляя погрешности истории. Отцы счастливы в таких случаях, что их дети пошли дальше, ведь так делали и они в сложные периоды. Это тоже прогресс.

Уроки от Моисея и гибридное столкновение с моавитянами

Во Второзаконии рассказывается, что за месяц до окончания сорока лет, в первый день одиннадцатого месяца, Моисей начал собирать народ и проводить с ними некоторые занятия, рассказывая новому поколению всю историю заново, вместе с изложением всех законов, которые теперь у них были. Он готовил людей к вступлению в обещанную им землю, чтобы они вошли туда по возможности в самой лучшей форме, зная все свои проблемы и слабости и могли не повторять ошибок отцов. Однако кроме этих явных событий надвигалась опасность со стороны моавитян, их соседей. Евреи, прожив в землях Васана и аморреев на востоке от Иордана, сейчас ушли оттуда и располагались лагерем на берегу Иордана, с юга у них был Моав. Почему-то там очень сильно встревожились по этому поводу, видя, какую силу они представляли, какие сильные народы они победили. Нет бы послать посольство, спросить напрямую у Моисея о перспективах, поговорить чин-чином, выяснить, нет ли каких к ним претензий, извиниться на всякий случай за прошлое, договориться о дружбе, ведь родственники всё же, однако моавитяне предпочли тихо молчать и готовиться к худшему. Они помнили, как грубо отказали евреям пройти через свою землю, взяв пример от едомлян, и видя военный успех Израиля, теперь переживали. Воевать они опасались, об этом даже речи не могло быть, но был один замысел, который, если бы осуществился, сделал бы военную кампанию против Израиля успешной.

Валаам

В истории Земли среди сильных и легендарных личностей были люди разных талантов, и был среди них прославивший у одних пророком, у других магом такой силы, что, кажется, подобных и не было от создания нашего мира до сих пор. О Валааме известно не только в Библии, мне встретился рассказ о археологических раскопках одного ближневосточного города, который на своих воротах имел надпись, прославлявшую его за спасение их города от какой-то большой беды. Хотя этот человек никак как будто не был связан с патриархами рода Сима, ни с Авраамом и ни с кем другим, однако же его сила была велика, он практически свободно общался с Богом, для него это было обыденностью. Бог запрещал ему произносить проклятие на Израиль, потому что не хотел слышать его слов, как позже Моисей сказал об этом. То есть это звучит так, что если бы Валаам произнёс проклятие, то Бог вынужден был бы сделать так, как он сказал... Столь великие силы были доверены этому человеку, столь близок он был с Богом. К сожалению, это не уберегло его от падения, он не оказался силён по настоящему, не совладал с собой, свернул на путь награды и богатства, замыслив обмануть Бога, доверившего ему небывалые способности. Но эту слабость он проявил открыто всего лишь однажды, прежняя его жизнь была как будто жизнью праведника, и так жаль, что он не сохранил своего достоинства. Вся эта история показывает, что далеко не одни евреи могут считать себя избранниками Всевышнего, у них всего лишь особая задача, которая и сделала их избранниками, однако есть и всегда, были люди, близкие с Богом и служившие или своим народам и странам, либо даже в более широком масштабе, человечеству. Насколько я понимаю, все те, кто хотя бы как-то послужили к смягчению и улучшению нравов общества, исправлению исторически сложившихся каких-то искривлений и отступлений, были слугами Бога.

В том историческом промежутке моавитяне имели тесный союз с мадианитянами, будучи родственными через Авраама и Лота. Они вместе совещались, что делать с Израилем, расположившимся у них под боком. Израиль собирался уходить в Ханаан и проходил последний тренинг от Моисея, однако они об этом если и знали, то не были уверены, что Израиль не выставит им претензий, и не постарались узнать, ради чего этот народ расположился сейчас рядом с ними и что собирается делать. Вместо этого они стали предполагать самое худшее, то есть объявили его агрессором против их страны, поскольку он уже проявил её против их соседей, и исходя из этого строили свои планы. Они пришли к мнению, что оружием этих евреев не взять (учли, что они разбили два очень сильных народа), однако были и иные средства, способные ослабить воображаемых соперников. Они знали о силе Валаама и решили призвать его, чтобы его проклятие, за которое они собирались щедро заплатить, ослабило Израиль и отвратило от них защиту Всевышнего. Возможно, что их план был хорош и вполне мог бы быть осуществлён, однако Бог решил заранее вмешаться и не дать Валааму действовать по вражескому плану.

Итак посланные князя моавитян и мадианитян отправились к Валааму⁵¹ и обратились к нему с просьбой помочь им против Израиля. У них в руках были немалые ценности в награду за услуги, и они пересказали ему просьбу царя, где была и лесть – "Я знаю, что кого ты благословишь, тот благословен, а кого проклянешь, тот проклят". Хотя об этом человеке ходило много рассказов и легенд, однако он ведёт себя сдержанно и скромно. Он заявил, что должен изучить обстановку, спросить об этом Бога, давшего ему всю ту силу, которой он был знаменит. Люди видели внешнюю сторону дела, но его секретом была зависимость от Источника силы, он ничего не должен был делать от себя, какие бы награды ему не предлагали. Так было до сих пор, и пока что шло по прежнему. Валаам предложил гостям дожидаться утра, когда он объявит им, что скажет ему Бог по их вопросу. Это было предупреждение послам, что их задача может оказаться невыполнимой.

Вечером или ночью Валаама посетил Бог. Об этом говорится как о чём-то простейшем, само собой разумеющемся и естественном, хотя человечество привыкло ощущать себя изолированным от высших сил. В принципе, действительно, отчуждённость человека от Бога, точнее от Его законов и правил, создаёт естественную изоляцию, разрушает связи между Ним и нами. Чем больше зла, тем дальше от нас вынужден держаться Бог, причём по многим причинам. Одна – потому, что Он не любит зло, а вторая – чтобы Его присутствие не разрушило нас, потому что чем больше человек привыкает к злу и нарушениям, тем дальше его ментальность и эмоциональная сфера от атмосферы, окружающей Бога. Чтобы не разрушать быт человека и саму его жизнь, Ему приходится скрывать Своё присутствие и силу. И чем больше людей, не желающих чувствовать себя виноватыми в Его присутствии, тем больше преграда, возникающая между нами и Им. Однако же если бы люди были ориентированы к добру и свету побольше, то подобные встречи были бы намного более часты. Не знаю, часто ли приходил Бог к Валааму, по крайней мере всегда, когда к Валааму приходил посетитель. И придя, Он спросил, что за люди пришли к нему. Конечно, Он знал это всё прекрасно, но мы не знаем, в каком виде являлся Бог, как это видел и воспринимал Валаам, может быть это для него была встреча с Его посланником, выглядевшим по земному, не в сияющем или огненном виде. Тут был также тест на то, как проявит себя Валаам, как он подаст этот визит, чтобы он мог сам раскрыть себе, что у него на уме и куда склоняются его желания. Валаам ответил, что это посланники от Валака, царя Моава, что они беспокоятся о "вышедшем из Египта народе", беспокоятся, что он слишком силен.

---

51 В текст Библии переводчиками вставлены слова о доме Валаама на Ефрате, однако в оригинале говорится лишь о реке и Араме. Река не только Ефрат и Арам не только Месопотания. То есть он мог быть и из идумеев, имя его отца Веор или Беор встречается в хрониках потомков Исава, и из этого края путь к моавитянам ближе, но всё же версия о Месопотамии как будто предпочтительнее.

Тут как будто Валаам выглядит невежественным о происходящем неподалёку. Так могло бы быть, живи он полным отшельником, о местонахождении которого мало кто знал. Однако же все народы вокруг слышали истории, передающихся уже сорок лет обо всех приключениях вокруг Израиля. Очень трудно при этом оставаться незнающим посреди всех остальных, передающих друг другу новости одну за другой о том, где Израиль воевал и кого он разгромил, теряющихся в догадках, почему напал на одних и не тронул других при одних и тех же обстоятельствах. Так что скорее всего Валаам прекрасно знал, о ком речь, он сам был очень широко известен, поэтому очень сложно предположить его неинформированность, и сейчас он не желает произносить имя Израиля, прикидывается простаком, его притягивали подарки моавитских князей. "Народ, вышедший из Египта" какой-то там бродит, люди беспокоятся, пришли ко мне за помощью, ну а я что – всё-таки помощи люди ищут, а я для этого ведь и поставлен... Внутри себя Валаам был уже на стороне пришедших к нему, его не интересовал этот народ, который Его Бог создал для священных целей, которому Он покровительствует, он бы должен был ощущать родство с ними, заинтересованность в новых братьях. Но где-то в нём уже назрела готовность уклониться от полной зависимости от Бога и пожить с имеющейся у него силой и способностями по своему усмотрению. Уж как бы он развернулся! Всех бы мог построить и разогнать, а то над ним всегда руководство и конфликты с тем, что хочется и что надо. Он завидовал сам себе, видя, какой силой наделён, и хотел хотя бы чуть-чуть пожить по своему. Увы, это самое "по своему" однозначно показывало, что воля Бога уже не была ему родной и естественной, как было поначалу со времени, когда Бог призвал его и наделил силой и умениями, почти неслыханными среди людей. Если бы люди понимали Бога и Его цели, то таких расхождений было бы намного меньше даже у своевольных людей, но то, что называют богопознанием, для многих оказывается предметом сложным.

Если бы Бог сразу сказал, что не надо слушать посланников Моава, не задавая вопрос, то Валаам при этом не проявил бы своего характера, так что Бог, спросив его, не дал ему отмолчаться, в своём ответе он поневоле раскрылся. Но Бог не винит его, зная людские слабости. Он даёт ему возможность, сделав этот шаг, заметить кривизну в себе, осознать её и избавиться от искушения, победить. Но этот момент Валаам постарался не заметить.

Наутро Валаам внешне равнодушно и сухо ответил подошедшим за ответом посланникам, что Бог не позволяет ему идти с ними. Только слова он подобрал довольно крепкие, показывающие его заинтересованность в их предложении. Он сказал примерно так: "Сущий отказывается дать мне разрешение идти с вами". Не просто "Бог отказывает" или "не разрешает", но оба эти выражения у него использованы вместе, что показывает его эмоции. Хотя на Валааме было фактически написано, что "я бы с удовольствием, да вот не разрешают мне", его ссылка на Бога уже говорит об этом, а его подбор слов ещё сильнее подчёркивает это. Князья заметили реакцию пророка, однако не видели возможностей воздействовать на него – очень уж большой человек, и удалились ни с чем. И хотя Валаам сказал им об отказе от Бога, он не передал им конкретный ответ Бога – "не ходи, проклинай этот народ, потому что он благословен", поэтому они посчитали, недалеко оказавшись от истины, что Валаам набивает цену. Передай Валаам им реальный ответ Бога, они скорее всего оставили бы свои замыслы, но он утаил это и этим создал много дополнительных искушений для себя и моавитян. От союзных мадианитян, не забывших ещё живого Бога, моавитяне слышали что-то о Нём, но в Валааме они увидели хотя и могущественного, но обычного человека, не представившего им характера своего Бога. Они передали Валаку, что у них есть шанс, если продолжать уговаривать его.

Валак собрал другое посольство из людей более знатных. Знатность послов показывает степень почёта и уважения к стороне, с которой имеют дело, так что политически это был верный ход. Для Валака раздвоенность Валаама была непонятна, он считал Валаама сильным ма-

гом, имеющим огромную силу, которую он мог использовать по своему усмотрению, и не понимал особо, как боги могут тут влиять. Нет, он знал, что Израилю покровительствует могущественный бог, в его языческой картине мира это всё было нормально, и соперничество богов, воюющих через свои народы и поклонников, было ему не чуждо, но ведь Валаам не был израильтянином, и мог бы не зависеть от Сущего так уж скрупулёзно. Язычники слушались своих богов не сказать, чтобы очень ревностно, они же не жрецы, и боги не всегда так уж строги и внимательны... Язычество отражало суть самих людей, своих создателей, поэтому, как правило, язычники легко нарушали некоторые предписания, какие считали не слишком важными, а многие приятные вещи даже и не считались грехом, хотя бы в какие-то праздники. Поэтому с точки зрения Валаама Валаам мог бы и нарушить волю своего Сущего и потом, получив богатую плату, как-то примириться с Ним опять. Так что Валаак настроил новых послов обрабатывать упрямецегося Валаама (наверное, цену набивает) более тщательно, обещая удовлетворить практически любые его пожелания после выполнения работы.

Валаам, понимая, как на его "упрямство" смотрит Валак, зная язычников и их философию, попробовал пояснить новым послам их ошибку. Он заявил прямо: "Даже если бы Валак давал мне полный дом серебра и золота (похоже, что и правда наращивал цену...), мне нельзя нарушать повеления Сущего и делать малое или большое без команды". Обычно люди не знали таких подробностей о Валааме, считая его полубогом, и Валаам мог начать этим тяготиться, желая действительно быть таким, как люди его представляли. Лесть людей подействовала на него... И Валаам проявляет после этого торжественного заявления слабость – вместо того, чтобы однозначно отослать их, он предлагает им остаться, чтобы Бог ещё раз объявил Ему свою волю, как будто она могла поменяться.

И ведь почему-то не прогадал, в самом деле поменялась! Мы все как будто знаем о выгодах и недостатках разных методов решения задачи – там, где одно решение имеет одни преимущества, обычно имеются и некоторые минусы, и другое решение той же задачи оборачивается другим набором выгод и неудобств. Те же самые проблемы имеет и Бог. Можно было решительно отказать моавитянам в помощи со стороны Валаама, и на этом история бы закончилась. Они бы потряслись несколько месяцев в своих страхах, но после того, как Израиль ушёл бы за Иордан, их проблемы кончились бы, страхи исчезли. И никто бы не вспомнил потом о этих страхах и больших тратах на проклятие, которое не понадобилось, и они бы радовались, что сэкономили. А тут Валаам рвётся подзаработать, однако из его клиентов мало кто знал, что он говорит не от себя и не может иначе. Ведь можно сыграть на этом, показать среди народов Свою славу, как человек, пришедший за деньгами, не сможет выполнить работу, за которую ему предлагают очень хорошую плату. Замысел языческого царя проклясть оборачивался показательным благословением. И на ровном месте пустых предположений могло выйти интересное для многих мероприятие. Кроме того, Валаам довольно сильно уклонился с Пути, сделав дар Бога основой для построения не просто благополучия, а богатства, которого он, как яркий и талантливый человек, несомненно заслуживал. Нужен был урок, где его раздвоенность приведёт его в конфликт с заказчиком, так как было ясно, что Валак будет чрезвычайно расстроен – так дела никто никогда не делал, если тебе платят и ты берёшь плату, то делай дело, а не можешь, так не морочь голову людям, скажи прямо, что не можешь или не будешь. Так что то, что Бог желание Валаама вдруг так неожиданно выполнил, несло в себе очень неприятные для него сюрпризы. Бойтесь своих желаний...

Когда Валаам встретил Бога этой ночью, вопросов от Него не было. Весть была радостной и необычной, в том смысле, что обычно Бог не менял решений, а тут вдруг разрешает идти с этими людьми. Впрочем, выслушав до конца, Валаам подумал, что его надежды всё же под вопросом. Разрешение было частичным – пойти ты пойдёшь, куда хотел, но говорить будешь лишь

то, что Я тебе скажу. Впрочем Валаам не стал унывать, он надеялся, что ему перепадёт хотя бы часть награды, и что он сумеет выторговать такие условия сделки, чтобы он имел плату независимо от результатов. Он понимал, что хотя Бог и позволил ему идти, но с проклятием не получится, Бог эту грань обозначил чётко, Его благословение не могло быть отменено. Правда, у Валаама, немалое время уже служившего Богу и имеющего некоторое понимание характера и свойств Бога, шевельнулась идея как помочь моавитянам даже после благословений, которые он выскажет на Израиль. Он постарался не думать об этом, однако, видимо где-то он относился к евреям как к конкурентам, могущим перетянуть у него клиентов, как ребёнок, не понявший, как разделить отца с братьями, желавший быть единственным у Него... Этот горький корень, похоже, отравлял его с тех пор, как он узнал о планах Бога по потомкам Авраама. Так что он не желал евреям какого-либо успеха и блага, и напрасные страхи моавитян наложились на его настрой. Именно это состояние духа, отдалившее его от Бога и приведшее к гибели, очень не нравилось Богу, Он читал его мысли, которые Валаам пытался скрыть даже от себя. Когда Валаам начал путь, Бог видел, что в таком состоянии пророк будет дискредитировать Его и не сможет реализовать Его планы дополнительно благословить Его народ, само его состояние не даст ему действовать в нужном ключе. Надо было скорректировать Валаама, он мог ещё понять что-то, измениться и исправить свою внутренность. И Бог устраивает ряд как бы покушений на него, давая ему яркий урок, который почти выполнил свою задачу, по крайней мере Валаам пришёл в рабочий режим на некоторое время. Также в этом моменте, отправления Валаама в путь, есть нехороший момент, где его неверность проявилась особенно сильно – послы, которым он сказал придти утром за ответом, не пришли... То ли было ещё рано, а Валаам уже рвался в путь, то ли они вообще посчитали себя обиженными отсрочкой, будучи важными лицами, и отправились обратно в Моав, то ли ещё как, но они не приходили к Валааму. Это он отправился к ним туда, где они находились на ночлеге, чтобы сказать, что он идёт с ними, что его отпустили. Это может и мелкое, но нарушение договора – они должны были придти к нему и тогда он мог идти с ними, но он не имел терпения дожидаться их и побегал первым, забыв о достоинстве великого человека, которым считал себя. Если бы они ушли без него, это бы было вообще крушением всех его надежд, чего он никак не мог вынести. Это был момент в Валааме, который требовал серьёзной правки, что и было сделано.

В русском синодальном переводе Библии не очень удачно использовано "за то" – "Воспылал гнев Бога, за то, что он пошёл". Местоимение "ки" в иврите имеет широкий спектр значений, и здесь имеет смысл читать "когда". Потому что Он сам позволил Валааму идти к моавитянам, и гневаться за это не стоит, но прочтение, что гнев Бога начался "когда он пошёл", описывает ситуацию логично. То состояние души, в котором был Валаам, делало его непригодным для этой миссии. И если бы он не сменил настрой, то никуда бы не дошёл, ангелу бы было повелено уничтожить его на самом деле. Не столь давно очень похожая история случилась и с Моисеем, который пошёл выводить Израиль из Египта, не наведя порядок с обрезанием своих собственных сыновей. Испорченность Валаама больше всего в том, что с какого-то времени ему стало всё равно, на кого работать, его дар стал средством зарабатывания денег, бизнесом. Вместо того, чтобы наводить справедливость и защищать слабых, он шёл туда, где платили. Были ли там правы или нет, его перестало волновать, и я надеюсь, что сначала он не был таким, что он вникал в просьбы и заказы в начале своей деятельности как представителя Бога. Однако со временем он просто стал принимать заказы. На тех, кого ему заказывали... Скорее всего большинство просьб всё же было о защите, исходивших от правой стороны, но он, зачерствав душой, перестал учитывать этот фактор, он стал способен проклясть и правого, лишь неправедный заказ до сих пор, наверное, не подворачивался. И это была причина, почему Бог показал ему Своё недовольство, послав Ангела с мечом против него.

Покушение, сорванное животным

Валаам ехал на своей ослице, и она увидела ангела, стоящего на дороге с обнажённым мечом, готового убить её хозяина. Ей было позволено видеть больше, чем обычно видят люди. Может быть животные вообще видят больше нас, не знаю. Скорее нет, чем да – если бы это было нормально для них, по их поведению можно было бы судить о наличии невидимых существ, но их зрение, хотя часто и лучшее нашего, может видеть скрытое от наших глаз не чаще нас самих. Здесь действовал сценарий Бога по приведению в чувство уклоняющегося с пути пророка, и животному была отведена роль, в которой ей было дано видеть вещи, обычно невидимые. Животные любят хозяев, привязываются к ним и переживают за них, поэтому она свернула с дороги, чтобы её хозяин не попал в беду.

Ожесточённый Валаам, находящийся из-за своего настроения в диссонансе с Богом, зато в гармонии с врагом рода человеческого, раздражился из-за задержки и стал бить животное. Он, пророк, сейчас был слеп, а животное с природой не столь высокого уровня видело опасность, которая её не касалась. Злость Валаама была неприятна ангелу, и животное нарушало его планы, однако он не имел права подойти и просто выполнить свою работу, потому что его задание было не убить, а показать отступнику, что он на грани потери своего высочайшего призвания. Впрочем, конечный результат зависел от того, как поведёт себя Валаам. Поэтому ангел перешёл в другое место, чтобы Валаам мог продолжать свой путь и ослица могла снова везти его. Не видя больше угрозы, та вернулась на дорогу.

Ангел устроил место следующей встречи между оградами виноградников, там между стенами места было немного. Когда путник достиг его, ослица, хотя и боялась злости хозяина, не могла подвести его, и не имея места уйти с дороги, стала прижиматься к стене, пытаясь или прикидывая, нельзя ли обойти опасность. Но места было мало, и она, прижимаясь боком к стене, прижала и ногу хозяина. Тот, поскольку был не в духе ещё с ночи, особенно после неожиданного и непонятного каприза ездового животного, снова разозлился и начал бить её.

Жалея бедное животное, ангел ушёл с этого места, но встал в этот раз уже там, где сворачивать не получилось бы, в узком месте тропы. Он немного как бы играл с ослицей, которая видела его, но только для неё это было очень серьёзно. Когда они добрались до места последней засады, ослица, не имея возможности свернуть, остановилась и легла, чтобы её не смогли подтолкнуть силой. Валаам буквально взбесился, её непонятное упрямство достаточно сильно раздражило его, ему казалось, что она прямо-таки издевается над ним. Пророк, привыкший к чудесам и всяким необычностям, от которых у обычного человека могло бы повести в сторону рассудок, не вник в ситуацию, не догадался посмотреть глубже, осмотреться вокруг, спросить Бога о странностях... В этот момент Бог сделал чудо, он дал возможность ослице говорить. Животные за свою жизнь выучивают немало обиденных слов и фраз, хотя не имеют возможности отвечать со своим устройством рта. Но здесь это получилось, и ослице удалось связать некоторые слова с помощью особого воздействия. Валаам же, привыкший к чудесам, не удивился, тем более был сильно раздражён, и разговор с животным дал ему возможность объяснить упрямому животному, что оно неправо. Но лишь в первый миг он думал так. Ослица сначала спросила, зачем он её бьёт, что она такого сделала? Валаам перестал бить её и стал ругаться, что она сделала из него посмешище, что люди смеются над ним, пока это всё происходило. Он даже сказал, что если бы имел сейчас меч, то уже бы убил её. Первой фразой ослица дала ему выплеснуть его гнев и раздражение, но теперь она возвала к его разуму – "Не я ли твоя ослица, на которой ты едешь с самого начала до сих пор – когда-нибудь раньше я так делала с тобой?"

Эти чрезвычайно разумные слова мгновенно остудили пыл Валаама, и холодок пробежал по его спине – "А что собственно происходит? Я тут спорю с бессловесной тварью, как будто это

обычная базарная перепалка... А что тут рядом со мной происходит, я ведь перед Богом где-то неправ всё-таки?" И на этом он решил оглядеться, включив свои необычные способности из тех даров, что были даны Богом. И понял, что это надо было сделать давно, рядом почти над ним нависал ангел, державший меч и ожидавший только когда он подвинется ещё на пару шагов, в пределы досягаемости удара. И ему стало горько и стыдно перед своей верной ослицей, спасшей ему жизнь уже три раза, и получившей в награду за это тычки, пинки и удары с оскорблениями. Он упал на колени и потом опустил лицом в пыль в раскаянии и стыде, пойманный и схваченный как голый посреди толпы, в полной духовной несостоятельности – он, могучий пророк. Бог добился своей цели, не нужно было наказывать – Валаам проникся и осознал не только неправоту перед животным, но и почему вообще оказался в этой ситуации, что его корыстность сделала его непригодным для дела, с которым его послал Бог. Он шёл готовым проклинать, когда от него требовалось совсем другое. Бог-Ангел сказал ему, что его образ действий и настрой неверны и нечисты перед Ним. Он строго выговорил ему за ослицу, которую он бил три раза. В то время как убив его, Он бы оставил ослицу в живых. И фактически она спасла его, намекая, что он у неё в большом долгу.

И всё же Валаам, опозоренный перед людьми, пойманный на неправде, не остановился полностью. Его слова довольно уклончивы, хотя он и признаётся в неправоте. Вот что он говорит: "Я согрешил, я не знал, что Ты противостоишь мне"... То есть источник проблемы в его душе не избыт до конца, хотя он явно понимает проблему. "Тогда, если это Тебе неприятно, то я вернусь назад". Как многие нехорошие люди, он капризно заявляет, что подаёт в отставку, если Хозяину не нравятся его дела. Одно это нежелание глядеть в корень, оставление мостов к дорожному для него злу эгоизма и нелюбви к новым братьям по работе и оружию делало его полностью непригодным, но Бог имел надежду на него. Бог знал, что душа Валаама не в порядке, однако видел, что работу для Него он всё же выполнит, и Его цель дать урок Валаку и моавитянам с мадианитянами будет достигнута. В процессе выполнения задания Валаам будет иметь возможность изменить и даже полностью пересмотреть свои взгляды, ему требовалось время на оценку своих чувств и идей, поэтому Бог оставил без внимания лукавые слова Валаама, что он сейчас произносил. О Боге было сказаны такие слова – "Он ищет, как бы не отвергнуть и отверженного"⁵²". Именно это имело место сейчас. Так что Валаам получил дополнительное предостережение говорить только то, что Бог ему скажет и не допускать никакой самостоятельности, о чём он всё это время как раз и думал. Валаам видел, что его замысел обойти как-то повеление Бога не получится. Ну и ладно, как-нибудь переживём... Хотя если понятно, что заказ моавитян выполнен быть не может, то какой смысл пытаться получить деньги – надо бы отказываться от заказа. Другой на его месте так бы и сделал, но страсть к золоту была слишком сильна, так что он пошёл за заведомый провал заказанной работы.

Стоит отметить ещё один момент – жестокое обращение со своим животным поставлено Валааму в вину, то есть Бог оценивает это как грех, как зло и неправду. Иной раз люди не могут понять это, им кажется, что если животные не говорят или не могут мыслить как люди, то значит и ощущений у них нет и их страдания как бы и не страдания. В общем, вины перед животным за жестокое обращение многие не допускают, и что перед Богом это расценивается как грех, вообще не допускают. Однако на Суде это всё будет приведено, всё сделанное каждым, и эти вещи тоже займут своё место, как и наказание за них. Интересно, что при благословении Ноя после Потопа Бог озвучил, что животные, убившие человека, тоже будут наказаны, но и человек тоже ответственен за обращение с животными. Есть немало нюансов в этом деле, но беспричинная жестокость и притеснение, срывание злости на них являются грехами, которые не останутся ненаказанными. Это требует раскаяния, если человек хочет очистить свою душу и руки от сделан-

ного неверно. Жесткое обращение с животными только потому, что они не равны нам, подобно тому, как некоторые животные считают добычей всё, что по размеру меньше них – вещи одного характера... Многие проблемы с животными, их жестокость, порождены отчасти тем, что животный мир лишён облагораживающего влияния со стороны человечества, разрушены связи с нижним миром, поскольку человек сначала потерял связь с верхним.

Выполнение заказа. Вынужденные благословения

Валаама сопровождали высшие лица Моава, встречать его вышел сам Валак, оказывая этим высшие знаки уважения известному магу, каким его воспринимали все вокруг. Валак укорил Валаама, почему он не шёл к нему, ведь у него в распоряжении много возможностей выполнить едва ли не любые его пожелания. Валааму эти слова воспринимались как бальзам на душу, но эту душу грызло сожаление и досада, он прекрасно видел, насколько мечты Валака очень скоро обломятся. И он своими руками должен будет портить важному клиенту настроение, делая вовсе не то, что тот заказывал. Дело небывалое, и Валааму ощущал себя совсем не в своей тарелке. Единственное, что он мог сделать, это заранее снять претензии, по крайней мере попытаться, сказав, что говорить от себя он не может, что он лишь слуга высших сил, но Валак пока ещё не понял, с кем связался, он пока находился под влиянием легенд о Валаама. Скоро царь моавитян познакомится со сложностями духовных людей и проблемами отсюда для людей обычных, принимающих вид всяких неожиданностей, вынуждающих учиться и познавать сложности мироустройства.

Итак, Валак в этот день устроил пир в честь прибытия Валаама. На другой день они с Валаамом поднялись на Вааловы холмы, чтобы Валаам мог видеть против кого он работает. В силу каких-то соображений Валак не хотел, чтобы Валаам видел весь лагерь израильтян, с этого места была видна лишь часть. Языческие суеверия, скорее всего, Валааму же было всё равно, заказчик платит.

Дальше начал работать Валаам. Он потребовал построить семь жертвенников и предоставить жертвы для них. Это были издержки заказчика, но Валак ожидал подобного и был давно готов. Валаам, принося жертвы, поклонялся этим живому Богу, совершая древнейший обряд связи между Землёй и Небом, указывающим на Того, Кто занимает место человека и его вины и принимает удар нарушенного Закона на Себя, чтобы человек мог отождествиться с Ним и обрести Его качества праведности, правильности и всего остального. Через эти обряды, поклоняясь Богу, Валаам входил в контакт с Богом, при этом ему открывались знания по предмету его работы или приходили способности выполнить просьбы. В жертвоприношениях участвовал и Валак, для него в жертвах мог видеться свой привычный ему смысл, но скорее всего он не задумывался об этом, выполняя лишь необходимый обряд. После жертв Валаам сказал, что отойдёт на верх холма, потому что на его вызов должен придти Бог, который и даст ему все распоряжения или ответы по их делу.

Там его ожидал Бог. Валаам имел некую привычную процедуру общения с Богом, он сообщил, что построил семь жертвенников и вознёс на каждом по телёнку и барану. В ответ он получил слова, которые должен теперь пересказать Валаку... В состоянии видения и экстаза Валаам имел иные устремления и желания, сейчас это был другой человек. То-то и беда, что слишком разные были эти два человека – Валаам обычный должен бы был всё больше заражаться от лучшего себя, но он всё более расходился в Валаамом вдохновенным, из минут общения с высшим он не брал в обыденность то, что наполняло его в эти моменты. Интересно, если бы Валаам посчитал, не получив предупреждения, что может по своему усмотрению проклинать Израиль, он бы также приносил жертвы, входил в экстаз? Скорее всего да, но вряд ли ходил бы встречаться с Богом, потому что такая встреча либо заставила бы его сменить направление, либо кончилась бы

для него плохо. Без настроения, без влияния высших сфер его проклятие не имело бы той силы, хотя для Валака и могло бы иметь психотерапевтическое утешение. Трудно судить однозначно.

Валаам возвращался с вершины холма. У жертвенника стояли Валак и его князя, с нетерпением ожидавшие результата. Они все видели изменившегося и преобразившегося человека, только что видевшего Бога лицом к лицу. Какое слово он несёт? Валаам начал говорить. Это снова поэзия, эпос, вдохновение. Хотя как будто всё просто, всего лишь несколько дополнительных измерений подключено к существу человека, которые вносят вещи из иных пространств, новые для большинства людей перспективы и подходы. Валаам говорит:

*Из Месопотамии привел меня Валак, царь Моавы, от гор восточных:
приди, прокляни мне Иакова, приди, выскажи зло на Израиля!
– Как проклянута я? Бог не проклинает его.
Как скажу зло? – Сущий не высказывает зла.
С вершины скал вижу я его, и с холмов смотрю на него:
вот, народ живет отдельно и между народами не числится.
Кто сосчитает песок Иакова и число четвертой части Израиля?
Да умрёт душа моя смертью праведников, и да будет кончина моя, как их!*

Впервые Валаам видел тех, кого ревновал к Богу, кого не хотел воспринимать как братьев. Вдохновение помогло оценить их совсем иначе, даже их недостатки в этот миг не видны были ему, на всём был лишь божественный покров. Стройность рядов палаток навевали какие-то возвышенные ощущения. Похоже, Валак постарался описать на вчерашней встрече евреев самыми недобрыми словами, пытаясь настроить почётногo гостя на свою волну. Но Валаам не видел грязных дикарей с этого холма, картина и производимое ею впечатление были совсем другими. Он ощутил родство по праведности, великое объединяющее чувство с этими особыми избранниками Всевышнего, так что его губы произнесли пожелание даже умереть подобно им. Немногие из Израиля умерли достойно, не многие вошли в покой Бога, который Он так старался дать им. Однако же Валаам увидел это и желал приобщиться к нему. Желание его было вполне искренним, и у него были на это все шансы, но ему нужно бы было для этого разобраться со своим "я", туда ли оно его ведёт. Так некоторое время он был под этим впечатлением, но, к сожалению, когда вдохновение проходило, он снова оказывался прежним корыстолюбцем.

Валак, хотя и не знал, чего ожидать, точнее, был уверен, что могут быть сюрпризы, поскольку был смущён в некоторой степени предупреждением Валаама, всё же был ошеломлён. "Что ты со мной делаешь?", воскликнул он, потому что по меркам многих на Востоке, если из двоих, находящихся в судебной тяжбе, один выходит правым, то второй автоматически виноват. Если Израиль, которого он боится, благословляется, то значит он и его народ получают проклятие. За его собственные деньги, между прочим... Крик души царя моавитян – "Я тебя пригласил, чтобы ты проклинал, а ты что делаешь?" Валаам изначально боялся этого, но избежать не получилось. Вдохновение ещё не оставило его, и он не стеснялся отвечать, что ведь предупреждал, что будет говорить не от себя. Вряд ли Бог вкладывал Валааму каждое слово, такое в истории пророков бывает, и это всегда случаи, когда передаются слова самого Бога или Его посланников, здесь же Валаам передаёт именно своё впечатление тем, что ему было показано и раскрыто.

Валак огорчился и расстроился, однако у него было почему-то заготовлено несколько мест, с которых он собирался проклинать через Валаама пришлый народ. Наверное, что-то такое ощущал и готовился подсознательно, хотя скорее хотел устроить многократное проклятие на подозрительных родственников. Да и предупреждение пророка всё же понял, что защиту Израиля преодолеть может не получиться. И теперь, не впадая в большое расстройство, спешит сразу перейти к запасному варианту – "Давай пойдём на другое место, оттуда тоже видно часть их ла-

геря, ты проклянешь мне их оттуда". Валак обязательно хочет показывать лишь часть расположения Израиля, видимо, он сам был впечатлён общей картиной стройного вида, где каждое из племён располагались чёткими секторами со святилищем в центре, и боится, чтобы Валаам случайно не проникся симпатией к евреям. Это действительно произошло, хоть и ненадолго, и ограниченный вид не мешал этому. Но эта перемена ощущений не длилась долго, он потом возвращался к своей норме... Увы, нахождение под влиянием Бога для него перестало быть нормой...

Позже, в христианскую эру, в Библии появится выражение "пребывать в Нём", то есть сознательно находиться под влиянием Бога, когда Его качества и Его характер передаются человеку. Так или иначе множество людей, даже все на свете попадают под влияние Неба, пусть и не надолго, не всё князю мира сего привлекать людей. Кто-то рад этому, кто-то не замечает, кто-то удивляется – "что на меня такое нашло?", но это состояние само по себе не держится долго, не остаётся навсегда. В нашей природе немало других тяготений, направляющих наш выбор на вещи не столь похвальные. Чтобы обрести эту праведность Бога, нужно сознательно стремиться к этому, поставить себе такую цель. При этом придётся делать выбор, отказываясь от вещей, отчуждающих нас от этого влияния свыше. Если этого не делать, то даже для внешне благочестивых людей конец будет тот же, что и в случае Валаама или Иуды Искарриота и многих других менее известных персонажей. Держаться этого пути не труднее, чем уйти с него, дело лишь в выборе, отказываться от чего-то приходится в обоих случаях. Лишь бы мы понимали, что будет в результате, многие делают выбор эмоциональный либо основываясь на неполной информации.

Наверное, следующая попытка проклятия состоялась не в тот же день, а на следующий, хотя в описании Моисея это не отмечено, там события следуют одно за другим. В общем, следующее место, на которое Валак привёл Валаама, было также таким, что лагерь израильтян был виден частично. Снова были построены семь жертвенников, и те же жертвы из четырнадцати животных были принесены на них. Снова Валаам отошёл в сторону для встречи с кем-то, кого не было на горе и кто не подходил туда явным образом. Зрители видели, что с Валаамом кто-то встречается, что это не мистификация, у них не было повода не верить ему, подозревать, что он по каким-то причинам обманывает их и водит за нос, не желая получить большие деньги... Они видели, что Валаам напротив, очень хочет их получить, и тем большее недоумение овладевало ими, когда они видели, как он делает всё, чтобы не выполнить заказ. В какой-то мере именно эта раздвоенность и свидетельствовала в пользу того, что за Валаамом стояла огромная сила, иначе понять всё это было невозможно.

Валаам, получив заряд вдохновения и общее направление, вернулся к ожидавшим его. Царь спросил – "Что сказал Суций?" Он уже осознаёт, откуда исходят его проблемы, только ещё не хватало понимания, что если бы он немного побольше попытался бы узнать о этом Боге, то ему не понадобилось бы опасаться евреев. В этой истории он вроде как ничему не научился. Да и не успел. В ответ прозвучало:

*Встань, Валак, и послушай, внимай мне, сын Сепфоров.
Бог не человек, чтобы Ему лгать, и не сын человеческий, чтобы Ему изменяться.
Он ли скажет и не сделает? Будет говорить и не выполнит?
Вот, я начал благословлять, потому что Он благословил, и я не могу изменить этого.
Не видно беды в Иакове, и не заметно несчастья в Израиле;
Суций, Бог его, с ним, и трубный царский звук у него;
Бог вывел их из Египта, быстрота единорога у него.
Нет волшебства в Иакове и нет ворожбы в Израиле.*

В свое время скажут об Иакове и об Израиле: вот что творит Бог!

Вот, народ как львица встаёт и как лев поднимается – не ляжет, пока не съест добычи и не напьётся крови убитых.

Бог как бы намекает – что ты хочешь получить ещё? Я же уже тебе сказал, и твои хитрости с переменной мест не приведут к перемене результата... Неприятные сюрпризы для Валака, что ни слово, всё только укрепление врага, и ни капли помощи. Беды для евреев даже отдалённо не видно, и этот Бог евреев и Валаама, конечно же, покрывает Своих протеже. Он не собирается изменяться, и деньги моавитян не могут перекупить Валаама, хотя он вроде как старается угодить и восклицает с двойственным смыслом, что "я не могу изменить этого" – вроде как хочет сказать, что старается по мере сил. Правда, здесь прозвучал один момент – в среде Израиля нет грехов... Но пока неясно, что с этим делать – если бы грехи у них появились, то была бы надежда? Валак в полном отчаянии воскликнул, что если уж пророк не может проклинать, то хотя бы не благословлял, на что Валаам попытался повторить свой тезис, что не может говорить по своей воле. Однако же у царя Моава в запасе было ещё одно место, на которое он надеялся, что там удача евреев может измениться, ну хоть разок должно бы повезти и ему.

В какой-то мере Валак имел ненулевую надежду, что Сущий, о котором он если не прежде от мадианитян, то хотя бы за последние дни обрёл некоторые познания, может изменить Свой настрой и предпочтения. Валак ведь тоже приносил жертвы сейчас Ему, и Его пророк прислуживал ему, пытаясь склонить этого могущественного Бога на его сторону. Кроме того среди людей духовной направленности ходили мнения, что у богов, и Сущий как будто тоже не исключение, можно выпросить даже то, что они не хотят давать. Если ты пытаешься зайти с разных сторон, если преследуешь свою цель упорно, то вполне можно добиться своего. Может быть это отсюда пошло выражение "подъехать на козе", кто знает. Правда, добра такой дар обычно не приносит, но люди редко останавливаются из-за этого, все уверены, что если вести себя разумно и осторожно, то всё обойдётся. Но с даром, который Бог даёт с гневом, осторожно почему-то не получается, отключается эта функция по каким-то причинам. Валаку же в условиях, когда он боялся нападения Израиля, казалось, что хуже ничего не может быть. Даже напоминает сегодняшние времена, когда многие виноватые в чём-то люди и целые народы считают обиженных ими агрессорами и всё время ждут нападения на себя. Принимают превентивные меры, санкции вводят, ждут и ждут, когда же нападёт... И чем дольше не нападает, тем тяжелее на душе и мрачнее предчувствия. Верно Соломон говорил, что на Земле нового практически нет, всё уже встречалось и лишь повторяется.

В этот раз место было на горе Фегор, отсюда был виден весь лагерь израильтян. Также на этой горе находилось место поклонения богу, в честь которого и была названа гора. Как описывают, на ней находился храм Фегора, и поклонение этому богу включало в себя сексуальные ритуалы. Не самое удачное соседство для строгого Сущего, Валак мог подумать об этом, но места с лучшим обзором, возможно, не было, а может быть так Валак хотел мелко отомстить этому Богу, недружественному к нему (если бы он хоть немного попробовал поискать у Него дружбы, сколько бы проблем исчезло). Снова Валак построил Валааму семь жертвенников и приготовил те же жертвы.

Валаам, не желая быть врагом заказчику, пытался всё придумать что-то, чтобы обойти ограничения. После совершения жертв он решил не идти встречаться с Богом, зная, что получит там определённый заряд и направление. Похоже, что он решил сказать что-то сам от себя, он думал, что таким образом сможет сказать нечто в угоду Валаку. Хотя Бог и против, но без контроля со стороны Духа Святого, он сможет произнести хоть какое-то зло на евреев, как и просил Валак. Разумеется, силы в таких словах может не быть, хотя неужели сам по себе Валаам ничего не значит? С другой стороны, если его слова будут бессильны, то и вреда для Израиля не будет ни-

какого, так что перед Богом он вроде как и не согрешит, зато хотя бы Валак останется довольным. Что Валак сможет увидеть разницу во вдохновении, он уже не думал, может и пронесёт. Не всегда у художника или поэта вдохновение, оно капризно, скажет он, а деньги будь добр отдай. Так он мог рассчитывать, да и я уверен, что именно так всё у него и шло. Само нежелание встретиться с Богом после обряда говорит о нечестном замысле. Однако же, когда он встал на краю площадки, разглядывая полностью видимый отсюда лагерь Израиля, его глаз зацепился за Святое-Святых, он знал, Кто там сейчас находится, и вдохновение, которого он не искал, ещё раз пришло к нему. Валаам оказался захвачен славой, открывшейся его взгляду, он не мог противиться и снова полились благословения. Заготовленные слова забылись, и он начал говорить:

Говорит Валаам, сын Веора, говорит муж с открытым оком, говорит слышащий слова Бога, видящий видения Всемогущего; падает, но открыты глаза его...

Многие случаи пророчества сопровождались ослаблением физических сил, человек падал под воздействием силы, дающей ему видение, однако же, в этот раз эти слова имели дополнительный оттенок, который он сам мог не замечать – Валаам падал духовно, и тем не менее и при этом он ещё не был отвергнут, всё ещё Бог использовал Его в Своём деле, он всё ещё видел скрытое от других. Дальше он начал восхвалять красоту шатров лагеря израильтян и прочие их достоинства, превосходства и преимущества, происходящие от покровительства высших сил. Он помянул Агага, которого превзойдёт будущий царь Израиля. Амаликитяне почему-то в Библии некоторое время были на особом счету, этот народ отличался военным превосходством над многими народами, так что его называли "первым из народов", и соответствующей гордыней, беспощадный не только к врагам, но презиравший вообще всех, кого мог победить. Как уже отмечалось, они не отличались благородством, за что заслужили уничтожение в будущем, если не исправятся, им было дано время. Их цари обычно носили имя Агаг, передавая его последующим поколениям. Лет через четыреста первый царь Израиля Саул разбил Агага, исполнив это пророчество Валаама. Вдохновение Валаама закончилось словами к Израилю: "Проклинающий тебя проклят, благословляющий тебя благословен". Это слова грозили всем прибегавшим к оккультным практикам против Израиля, это примерно было то же, что и проклинать самого Бога. Приходилось читать предупреждение в оккультных книгах, что если предпринимаемый обряд проклятия или порчи вдруг не идёт как предписано, то надо всё прекратить и больше не пытаться ничего такого делать, может и обойдётся. Это касалось людей, а искать вреда Богу – это надо потерять разум. Те же, кто были друзьями того Израиля, который служит Богу, желавшие ему добра, и сами получали благо – "благословляющий тебя благословен". Валаам в этих своих последних словах, произнесённых, похоже, против воли, ощутил себе угрозу, он искал беды Израилю, и беда уже разглядывала его... В этот день он уже был неспособен ничего предпринять против Израиля, Валак с презрением и негодованием выгнал его от себя, не заплатив ничего. "Беги в своё место", сказал он ему, фактически грозя наказанием за откровенный саботаж, которым он поставил себя в положение врага моавитского народа. Валаам попытался сохранить хорошую мину, оберегая свой наработанный годами авторитет, повторив, что не мог действовать вопреки своему Богу ни за какие деньги, но вряд ли это звучало внушительно. В этом деле Валаам потерпел полный свой крах, отныне во всех народах о нём будут говорить неприглядное, приложив туда и случай с говорящей ослицей, и вряд ли его теперь кто-нибудь вообще позовёт после этого. Пожелав несправедливой прибыли, он мог потерять своё прибыльное дело.

Однако же вдохновение ещё не отошло от него, и попытка Валака действовать против избранных Бога должна была быть тоже отомщённой. И Валаам получил от Сущего ещё пару слов, произнесение которых дало ему моральное удовлетворение и сатисфакцию за оскорбление от Валака. Последнее слово осталось за ним, и он ушёл в этот день с поднятой головой. Он произнёс пророчество о будущем Моава, что сделает с ним в будущем этот народ, которому он

искал вреда совершенно ни за что. Кстати, если бы Израиль действительно захотел напасть первым вопреки запрету Бога, то Валаам и не понадобился бы, они сами оказались бы под гневом своего Бога и были бы разбиты, Бог помогал бы моавитянам... Так что зря Валак это всё затеял, болезненное и неправильное дело, не принёсшее никому пользы, кроме как Богу, показавшего, как даже руками врагов Он может делать Свои дела.

Итак Валаам ответил ещё одной вдохновенной речью:

"Я ухожу к своему народу. Подойди, я скажу тебе, что сделает этот народ с твоим народом в отдалённые времена.

... Вижу Его, но сейчас ещё нет, вижу Его, но не близко.

Восходит звезда от Иакова, поднимается жезл от Израиля и разит князей Моава, сокрушает всех сынов Сифа. ...

Он прошёлся также по амаликитянам, кенейцам и ассирийцам, обратив в те стороны свой взгляд. Валаку и остальным присутствовавшим стало неуютно и страшно. Они сердились на Валаама за то, что он благословил Израиль, однако при этом не звучало никаких угроз для них, теперь же они слышали о проблемах уже для себя. Не стоило так унижать Валаама, для него наибольшей потерей было остаться без денег – и наказание страшнее не придумаешь, и не так виноваты бы остались.

Падение и конец Валаама

Не знаю, как далеко ушёл Валаам. Вряд ли он добрался до дома, в его разуме крутилась мысль, которую он не мог высказать, пока выполнял работу, поскольку находился под контролем Бога. Теперь же его работа закончилась и он мог распоряжаться собой сам. Он не мог оставить богатую награду, которую ему обещали. Он знал, что можно сделать, чтобы навести на Израиль недовольство Бога, чем ослабить их. Для этого не нужно было проклятий и каких-либо сверхъестественных способностей. Собственно, намёки на это уже звучали в его благословениях, когда он говорил, что в Израиле не видно колдовства или других грехов. Если бы они нашлись, то гармоничное состояние мира с Богом было бы разрушено. Впрочем и здесь не всегда просто, Бог мог сам наказывать их, не позволяя чужим прикасаться к ним, но это уже тонкости. Если же евреев увлечь чем-то непотребным, то Бог лишит их защиты и проблемы евреям гарантированы. Так что Валаам не мог утерпеть, и вернулся к границам Моава, где попросил аудиенции у царя. Сейчас это был не тот гордый и сильный человек, который уходил победителем, им владела алчность и в его душе было коварство и подлость, но богатства, которые он считал уже принадлежащими ему, не отпускали его. Он держал себя важной персоной, хотя его не приняли с прежним почётом, но он не обращал на это внимания, он унижался, прося принять его и выслушать. Ему важно было убедить в действенности своего плана, зная, что Валак по прежнему заинтересован в нанесении вреда Израилю. Увидевшись с Валаком, он поспешил развеять его подозрения, сказав, что есть способы добиться желаемого другими путями. Он описал ему способ как этого достичь, предварительно добившись, что оплата будет произведена. Вряд ли ему удалось выторговать прежние суммы, но всё же чего-то существенного он добился, упирая, что он знает вещи, до которых другие не смогли додуматься. Он разработал план, который на самом деле вряд ли бы пришёл в голову простодушному язычнику, который сегодня называют моральным разложением противника. Он дал совет устроить праздник Фегору, поклонение которому включало чувственные удовольствия и пиры, на которые молодые женщины должны были приглашать евреев и всячески их ублажать. План этот был весьма успешен, хотя если бы евреи держались поближе к Богу, то он не имел бы успеха. Однако они не были на страже, и когда гора Фегор расцвечилась красками праздничных украшений и дымами жертвенников с богатыми мясными дарами,

предлагавшимися всем желающим, кто помянет Фегора добрым словом, а вниз спустились красивые девушки с приглашениями к столу, то слишком многие пошли с ними.

Девушки и женщины действовали довольно осторожно, Валаам особо инструктировал, чтобы их деятельность не задевала и не тревожила Моисея и его ближайших помощников. День за днём евреи посещали те празднества, и с помощью этих помощниц быстро дошли до того, что уже и сами стали приносить жертвы богам моавитян и мадианитян, которые действовали заодно. Большим соблазном стало присутствие и речи Валаама. Израильтяне были наслышаны о произошедшем, что они подвергались опасности, но Бог не позволил, чтобы на них было произнесено проклятие. Валаам, как пророк Сущего был уважаем Израилем, и его участие в языческих вечеринках и праздниках в качестве гостя оказалось своего рода позволением и для них принимать участие в том же. Если Валаам пирует с поклоняющимися Фегору, то и нам нормально, обычная мысль у многих, считающих себя последователями Бога, кто не хочет думать самостоятельно. В общем, диверсия Валаама была весьма успешной в первой своей части.

Не знаю, что думали моавитяне о Израиле теперь, когда познакомились с ними поближе таким вот образом, через своих женщин, а также и лично за застольями с вином, плясками и играми. Будь они такими простодушными, чтобы верить идеям, что познакомившись ближе, люди перестают враждовать и воевать (в то время таких либеральных идей, думаю, не могло существовать, но смоделировать ситуацию всё же полезно, кто-то всё же мог и тогда пытаться гуманизировать общество), то могли бы передумать воевать с ними, поскольку "они такие же как мы, любят всё то же, что и мы". Однако ни Валаам, ни Валак и не думали отказываться от замысла, остающегося за кулисами событий. Многие втайне ненавидели евреев, особенно Валак, опасавшийся их. Никакие сближения не помогали, и за making love скрывалась подготовка к making war, даже хуже, эта физическая близость уже была войной, только никого пока ещё не убивали физически. Говоря сегодняшним языком, это уже шла "гибридная война" и Бог регистрировал отпадающих от Него людей. Но пока число отступников не достигло какой-то критической величины, Бог не предпринимал ничего, давая людям самим обнаружить проблемы, это была их обязанность. Однако судьи, назначенные Моисеем, не спешили выявлять нарушения, постепенность оболыщения и падения притупила их мышление, пример Валаама также навёл их на мысль о нормальности происходящего, и многие из них и сами оказались в числе участников языческих ритуалов.

Неясно, кто забил тревогу, может быть и сам Моисей или его близкое окружение, когда скрывать падение уже не было возможности, люди открыто говорили и хвалились близостью с моавитянами и мадианитянами. Народ оказался быстро оторванным от Бога, Его защита действительно была потеряна. Однако план Валаама и Валака на этом этапе потерпел крах – Бог не ушёл от Израиля, когда Израиль в большинстве своём покинул Его, вместо этого Он принялся наказывать их, а также возвращать... Было объявлено общее собрание, при этом среди народа стали распространяться болезни, поражавшие многих насмерть. Для евреев наступило горькое похмелье после разнузданного веселья вседозволенности. Сущий потребовал повесить глав племён, и двенадцать князей теперь висели недалеко от святилища, они оказались довольно активными участниками языческого соблазна. Их недовольство фигурой Моисея наследовалось отцов, они до сих пор ощущали свою власть ограничиваемой им, и это скрытое недовольство послужило им дополнительным стимулом в переходе на сторону моавитян и мадианитян. Из этого могло вырасти даже восстание в дальнейшем, сепаратизм, они легко могли в будущей войне, планируемой Валаком, принять сторону врагов, они уже были расположены к этим людям, таким щедрым и ласковым, да при этом ещё и родственниками.

После распоряжения Бога о князьях Моисей со своей стороны также принял меры, дав приказ уничтожить открытых сторонников язычества. Все находились около святилища, где

происходило разбирательство. При этом некоторые из присутствовавших умирали от болезни, поразившей многих. Большинство было в слезах, многие осознали глубину неправильности произошедшего у них с моавитянами и мадианитянами, что после недавних великих побед, успехов, обретения большого имущества в войнах с могущественными врагами они изменили своему Покровителю и Защитнику. Никто не проявлял недовольства Моисеем, все понимали, что они действительно виноваты перед своим Богом. И тут посреди разбирательства, наказаний и слёз к лагерю приблизился один из отлучившихся к моавитянам человек, ведущий с собой мадианитянку. Может быть и до этого евреи приводили к себе гостей-язычников, уединяясь с ними в своих шатрах, но это делалось втайне от большинства, сейчас же один из князей племени Симеона делал это открыто и вызывающе. Женщина с ним была тоже не из простых, она была дочерью Цура, называемого царём, хотя и не единственным среди мадианитян (он был главой одного из племён мадианитян), то есть принцессой. Увидев собравшихся соплеменников, серьёзных и расстроенных, он смеялся над ними, над их покаянием, хотя вряд ли во всеуслышание, но на его лице можно было прочесть насмешку и довольство собой и тем, что он собирался делать. Он не был трезв, так что вид повешенных князей и других поражённых мечём или болезнью, что должен бы был заставить адекватного человека остановиться и либо повернуть назад, либо отправить женщину обратно, так как момент для удовольствий был никак не подходящий. Но он дошёл до своего шатра и ввёл туда свою спутницу. Это было вызовом, и пока многие думали, что делать в ответ на такое вопиющее пренебрежение происходящим судом, Финеес, внук Аарона и сын Елеазара, поднялся и пошёл за нарушителем. Он прихватил копье, и войдя в их шатёр, где веселье было в разгаре, одним ударом поразил обоих. И это изменило всю обстановку. Последнее наказание встряхнуло всех, и Бог также оказался впечатлён. Воля и решимость Финееса, направленные против нарушителей, его желание восстановить поруганный закон, которому бросили вызов и само действие наказания наглецов остановило гнев Бога, так что болезнь, поражающая людей, прекратилась. Бог ощутил, что Его старания по воспитанию не напрасны, что в народе кроме Моисея появились люди, считающие чистоту рядов и дело Бога делом чести или просто достаточно важным делом. И он вознаградил Финееса тем, что его потомки получили право на преимущество в священстве, теперь первосвященником мог стать лишь потомок его рода.

После этого Бог дал приказ покарать этот народ, мадианитян, хотя о моавитянах, от которых исходил главный импульс заговора, не было сказано ничего, и их царь, Валак, при этом не пострадал. Правда, видя исчезновение с лица земли союзников-мадианитян, должен был ощущать страх, потому что именно он сам заслуживал этого. И в этом был немалый упрёк ему, начавшему всё это дело из-за страха, который даже сейчас не сбился. Не напрасно ли он боялся, не зря ли подставил под удар своих союзников? Какую благодарность должны были испытывать к нему мадианитяне? Это он заслуживал войну и поражение, но его народ и землю Израиль не тронул. Время моавитян ещё не пришло, их мера не была переполнена, хотя Валак приблизил это довольно существенно. Позже эта защита от Бога "не трогайте братьев ваших моавитян" была с них снята, так как они первые начали войну. Правда, и приказов о какой-либо мести тоже не было произнесено, к тому времени Израиль и сам был виноват так, что те моавитяне были посланы Богом для их наказания.

Довольно большое войско в двенадцать тысяч было послано против мадианитян, и через некоторое время они вернулись с победой. Были убиты все мужчины и цари этого народа, и также среди жертв похода оказался и сам Валаам, виновник последних бед евреев, а теперь и мадианитян. Поначалу карательное войско оставило в живых женщин и детей, но Моисей вмешался и после этого были оставлены только девочки и девушки, не знакомые с мужчинами. Сурово, однако этот народ сам поставил себя под заклятие, познакомив и сведя Валака с Валаамом. Их ответственность была повышенной, потому что в этом народе был священником тесть Моисея,

Иофор, которого они не хотели и не стали слушать, и получили теперь заслуженное. С другого народа, незнакомого с живым Богом, спрос был бы меньший.

Такого поворота Валаам почему-то не просчитал, хотя в остальном у него почти всё получилось. Он сумел отвратить евреев от Бога, но он плохо, оказывается, знал своего Бога, не просчитал, что Бог может и не отказаться от тех, кого он заботливо выращивал веками, чтобы так просто оставить их на произвол судьбы. Валааму удалось навести беды на Израиль, но не совсем те, какие планировал – Бог, вместо того, чтобы лишить их защиты и оставить на произвол моавитянам и их союзникам, лично взялся наказывать их... И закончив со своими, взялся за тех, кто покусился на Его дело.

С мадиамским народом было покончено, по крайней мере с той ветвью, что жили в то время около Моава. Мы не видим у них упоминания знакомых личностей, которые укрывали Моисея в годы бегства из Египта, семью Иофора, которые жили южнее. Была взята богатая добыча. Здесь упоминается о новой, возможно, практике воинского устава в свете законов, полученных у Синая. Воины должны были неделю провести вне лагеря как нечистые – пролившие кровь человека осквернились этим, хотя вины за убийство на них не было. Не зря всё же существует выражение "руки марасть неохота", есть такое явление, когда даже праведное действие по защите себя или близких имеет такой вот эффект. Совесть чиста, спина пряма, но всё же где-то есть сознание, что было бы лучше, если бы дело решилось более мирно, сожаление, что тот, от кого пришлось защищаться, переступил черту, а мог бы и не делать этого. Кроме того, на третий и седьмой дни воины и их пленники должны были омываться водой и стирать одежду, чтобы в седьмой день с заключительным обрядом с жертвой обрести чистоту и можно было вернуться в лагерь, в свои дома.

Кое-кто уже нашёл свою землю

Успешное завоевание царств аморреев и Ога Васанского дало Израилю почувствовать вкус побед, они обрели немалый военный опыт. Они успели пожить в этих землях некоторое время, и некоторые настолько привязались к этим местам, что стали думать о том, чтобы остаться тут навсегда. Племена Гада и Рувима были особенно богаты скотом, и они оценили место временного пребывания Израиля, что здесь для их стад были особенно благоприятные условия. Зная состояние дел в Ханаане, они посчитали, что лучшего места для их занятия просто нет. Условия в Ханаане были хороши для земледелия, но для скота всем места может не хватать, и если бы им решили остаться здесь, то это был бы удобный для всех выход из затруднений. Они мыслили стратегически и расчёт был верный. К тому же возникал ещё один немалый вопрос – они воевали, рисковали, освободили эту землю от некоторых опасных для всех племён, и если уйдут, то земля останется ничейной и ненаселённой. Получалось, что они своими руками делали подарок любому желающему... Оставался лишь вопрос, как к этому отнесётся Бог и Моисей. Они не планировали никаких восстаний и бунтов, никаких даже протестов, проявляя самый здравый дух и подход к делам. Если бы их предложение не нашло понимания, они были готовы идти вместе со всеми через Иордан на запад. Если бы подобное пришло на ум менее здравым людям, подобным Дафану и Авирону, то из этого бы вышел немалый скандал и расстройство для многих, и окончиться это могло бы кровью и гибелью многих вовлечённых в это людей, но не все в Израиле были проблемными людьми, да и в целом обстановка в духовной сфере общества стала намного лучше.

К Моисею подошли главы племён Рувима, Гада, и часть от Манассии, половина которых тоже склонялась к мысли остаться здесь, на восточном берегу Иордана. Они здраво изложили свою идею, чтобы им отдали эти земли, и только одна фраза у них прозвучала не очень удачно – "не переводи нас через Иордан". Моисей, имевший горькие воспоминания о событиях сорока-

летней давности, лишивших старшие поколения права на Ханаан и подвергнувшие всех сорокалетним странствиям, отреагировал несколько избыточно, заподозрив этих людей в очередном неразумии, которое создаст ещё какую-нибудь проблему, и это перед самым окончанием наказания. Из кратких слов, сказанных ему, было трудно выявить реальные планы князей, они очень скупо изложили ему суть дела. Это вечная проблема человеческой речи и общения, когда трудно передать всю информацию, которую вы хотите изложить кому-то – сказать коротко и неполно, но человек сможет задавать нужные вопросы о недостающих фрагментах и при этом сразу будет иметь некоторое представление о деле (если человек хорошо знает обстановку, то и краткого намёка ему будет достаточно для выстраивания полной картины), либо изложить максимально полную информацию, исключаящую недопонимание и кривотолки, но зато это займёт немало времени. Тут кроются большие проблемы в человеческой природе – долгая речь может сама по себе настроить слушателя против вас, а от подхода и умения расположить к себе собеседника зависит иной раз слишком много. Быстрое же изложение дела оставляет почву для недопонимания или вообще искажённой картины, и имеет свои большие минусы. Так что любые переговоры получаются всегда игрой, и блажен тот, кто умеет ощутить, какой путь выбрать и как долго можно говорить в данный момент времени.

Моё личное становление пришлось на годы поздней советской системы, где уже были развитые традиции чиновничества, имеющие некоторое направление в сторону сдерживания просителей. Создавались условия всей субкультурой этого слоя общества, чтобы ненавязчиво подавить пришедшего в кабинет, и для этого ему всё время показывали теми или иными намёками, что он делает что-то не то. То ли говорит ненужное и неважное, а что именно является нужным и важным, никто никогда не учил, а если и обучали, то далеко не всех. Как бы существовало какое-то искусство зайти в кабинет чиновника начального и среднего уровня и суметь говорить так, чтобы тебя выслушали и услышали (впрочем, встречались и здравые люди в кабинетах, не только не подавляющие, но и помогающие найти нужные слова). Были умельцы, у которых это вполне получалось, и это было предметом моей всегдашей зависти. Разумеется, дело было ещё и том, насколько вошедший нравился или располагал к себе обладателя кабинета, тогда все дела начинали идти по благоприятному сценарию, и стихийные психологи здесь могли развернуться очень успешно, и иные становились аферистами с такими своими талантами. В общем, что бы я ни говорил, мне показывали, что я говорю не то, а потом могли либо выставить из кабинета, либо всё же милостиво принять дело к рассмотрению, предварительно всласть попив моих эмоций. Последнее было чаще. Кстати, собирание бумажек и всяких справок большей частью происходит из этой же традиции и источника. Когда-то давно те, кто организовывал государственные службы, что-то упустили здесь, либо же человек это был нехороший. За что хвалят Запад, это вот как раз за другую культуру обращения с просителем. Хотя сам по себе Запад совсем не ангельское сообщество, но всё же было там нечто, что поставило там эту сторону общественного взаимодействия на должные рельсы. Я не вижу в этом никаких других влияний, кроме чисто человеческого выбора, задавшего некогда начальный тон, воспроизводимый поколениями. Наверное, поиск в истории, можно найти много о причинах такой разницы, но я не могу пока об этом ничего говорить, лишь фиксирую факт. Было бы очень интересно узнать о истоках таких обычаев, кто первый задал благожелательный или пренебрежительный настрой на века вперёд или же где-то кто-то поменял существующую практику на лучшую или худшую.

Первая фраза в ответе Моисея уместна, это как раз и есть прояснение недостающих фрагментов – "Ваши братья пойдут на войну, а вы останетесь здесь?" Если бы этот вопрос был один,

то получив ответ на него, он уже не мог бы вообразить худшего варианта. Узнав, что они будут воевать вместе со всеми, он бы успокоился и его подозрения о худшем, возникшие из неосторожной фразы просителей, развеялись. Правда, оставалась другая сторона дела, которую он во второй фразе выразил, и она также законна и совершенно правомерна – многие среди Израиля могли, также как и Моисей, подумать не совсем то, что думали желавшие остаться, они бы посчитали, что "так тоже можно" и стали бы отказываться от вхождения в обещанную им землю уже без всякого обоснования и нужды. Это легко и непринуждённо создавало бы новую смуту и неразбериху с кривотолками, которая не прошла бы без плохих последствий, тем более что враг, ищущий причин и поводов, не пропустил бы такой удобнейший момент. Моисей стал излагать историю прошлого отказа от Ханаана, и пока делал это, невольно повысил градус эмоциональности (что бывает обычно со всеми, если специально не следить за ходом своей речи и состоянием в это время), так что обрушил на глав Рувима и Гада недобрые слова – "вместо отцов ваших (делавших неверное) восстали теперь вы, потомство грешников, чтобы усилить гнев Сущего". Это было уже несколько неверно и поспешно, дальнейший ход событий показал, что Моисей не стал продолжать обвинения и, хотя и не забрал свои слова назад, но поддержал их планы. Князья, желающие остаться здесь, хорошо представляли нестандартность своего предложения и понимали, с какой реакцией они столкнутся, в общем, были готовы. Когда Моисей обрушил на них свой гнев, они подошли ближе, показывая этим, что планы их совсем не те, что Моисей подумал, что они хотят объясниться, как обычно многие люди и действуют, увеличивая соприкосновение, что есть знак доверия и благожелательности. Они стали говорить то, что не успели сказать сначала, изложили свои планы уже подробно – "Мы построим помещения для наших стад и дома и селения для детей и жён, сами же пойдём впереди всех и будем вести войну вместе со всеми до самого конца, пока весь Израиль получит свои территории. Если мы будем иметь эти земли, то мы не будем брать землю за Иорданом"... И Моисей, вникнув в суть дела, не нашёл причин отказать им. Его успокоило то, что рувимляне и союзные им племена будут участвовать во всех делах Израиля и не оставят их без помощи. Он увидел, что это нормальные люди, не нашёл в них никакого лукавства и злого умысла, и одно это уже согрело его душу. Он за свою беспокойную жизнь последних сорока лет слишком уж привык к проблемам и ожидал их со всех сторон, слишком много подлости и низости встречал от своих соплеменников, и такой простой деловой настрой новых поколений, не искавших кривых путей, пришёлся ему по душе. Не пойти навстречу хорошим людям он, пожалуй, не мог, результат бесхитростной политики должен был быть вознаграждён, и в этом был некоторый урок для остальных.

Моисей распорядился, чтобы они выполнили свои планы о постройке селений для семей и готовились к переходу за Иордан. Также он отдал распоряжение Иисусу Навину и Елеазару, будущему руководству Израиля за Иорданом, чтобы договор о выделении земли Рувиму, Гаду и половине Манассии здесь был выполнен, когда будет делиться Ханаан между племенами Израиля.

Повторение Закона

Поправки к Закону Моисея

Во время пребывания израильтян около Моава, произошло примечательное событие, к Моисею пришли женщины и представили свой вопрос, в результате решения которого была внесена поправка в закон, называемый Моисеевым, которая в свою очередь породила новый вопрос и новую правку. К Моисею подошли пятеро девушек из остающейся здесь части племени Манассии, представивших свою проблему, причём это не была их личная проблема, но они проявляют довольно высокую сознательность, заботятся о своём племени, и не только о узких интересах одного своего племени, но и благоустройстве всего их общества, в котором не должно возникать

причин для междуусобиц. Их отец умер, достигнув шестидесяти лет, будучи из поколения старше двадцати на момент, когда Бог поклялся, что старшие поколения не войдут в предназначенную им землю. Сами они представляют пятое поколение⁵³ от двенадцати сыновей Иакова, вошедших в Египет и давших начало Израилю. Они остались без отца, и по законам тех времён не могли рассчитывать на земельный надел. В принципе, проблема небольшая для них, их бы взяли замуж и они не остались бы без прав и имущества. Однако же их мотив в том, что имя их отца исчезнет из родословной племени, о нём не останется памяти, и это единственный мотив, на который они опираются. Конечно, у них мог быть и интерес к богатству, однако не они решали, вносить ли в закон поправку или оставить всё как есть. И не Моисей. Он представил этот вопрос Богу, и тот дал ответ, что эти девушки правы и в результате в гражданском разделе закона появилась статья, что если у человека нет сына-наследника, но есть дочери, то они должны получить отцовское наследство.

Видно, что Бог не стремился дать всеобъемлющий закон о жизни людей. Такой подход превращает многих в юристов, а других в пленников этих юристов, без которых и шаг шагнуть нельзя без риска оказаться где-то виноватым (законы иной раз оказываются противоречивыми, иной раз по случайной нестыковке, да и сама жизнь очень неоднозначна, а иной раз и по умыслу). Законы были простыми, но по мере возникновения вопросов у людей и общества законы развивались вслед за ними. Усложнение общества вело к усложнению закона, но тогда и люди успевали отслеживать эти дополнения, тем более что само направление закона не менялось, жизнь оставалась стабильной. Нам когда-то пустили пыль в глаза термином "правовое общество", где на каждый случай жизни уже есть какой-либо пункт закона. Мы подумали, что это изобилие законов делает Запад таким благополучным, как он выглядел, однако при столкновении с этим правовым обществом оказалось, что немалая часть тех законов является всего лишь "должной процедурой", определяющей порядок и протокол того, как надо выполнять статьи закона, однако же в реальности мало помогает людям в защите их прав. А часто довольно сильно усложняет дело, делая эту защиту дорогой во всех смыслах и оттого бесполезной. Потратив всё на адвоката, даже если он вам помог выйти из одной проблемы, вы можете оказаться в другой. Я знаком с бывшим миллионером, переставшим им быть после судебной тяжбы, на которую ушло их состояние, и эта потеря стала причиной весьма существенного ухудшения здоровья некоторых членов семьи. Фактически, изобилие законов мало помогает правам человека, на самом деле соблюдение прав человека зависит не от количества законов, а от состояния нравственности в обществе. Если начальствующие или служащие люди эгоистичные и недобрые, никакие законы не защитят рядовых людей, всегда найдётся лазейка, и даже законы окажутся использованы против человека, для знатоков совсем нетрудно это делать. Против сговора большей частью не существует средств, кроме как иметь помощь наверху, а это почти всегда недоступно большинству. Против злонамеренности невозможно изобрести закон... В любой среде злонамеренный человек имеет возможность вредить другим, разница будет лишь в тактике и используемых методах.

Неизвестно, сколько времени прошло после внесения поправки в закон, и некоторые люди обнаружили несовершенство уже в самой поправке. По обычаям естественного права владения племени могли оказаться отчуждёнными. Теперь к Моисею пришли старейшины племени Манассии и представили свои соображения, которые были актуальны и для всех остальных племён. Дело было в следующем – если женщина, имеющая землю, выйдет замуж на мужчину из друго-

⁵³ Манассия, Махир, Галаад, Хефер, Салпаад; последний – отец этих женщин. Для тех, кто думает, что евреи жили в Египте четыреста лет, повод задуматься о возрасте всех этих людей.

го племени, то её земля станет собственностью её мужа, а значит, перейдёт в собственность того племени, откуда её муж. И территориально находясь среди владений одного племени, этот участок земли окажется в собственности другого. Даже если это не приводило бы к войне или ссорам, но само уменьшение надела было весьма чувствительным делом. Это соображение Моисей также представил Богу, как и предыдущее, и Бог опять похвалил людей за эту работу поиска и нахождения узловых точек, где сходятся в противоречии интересы разных лиц или групп – "правду говорят сыны Иосифа". Пусть это не было сделано в сознательном изучении закона, а лишь из-за житейской ситуации, но успех ученика надо отмечать для лучшей успеваемости, да и жизнь подкидывает часто такие вопросы. Если бы люди были повнимательнее к происходящему, было бы просто великолепно, а за этим возникло бы и больше тех, чей интерес лежал бы уже в самих знаниях, а не когда жизнь побудит к изучению чего-то. Так что была озвучена ещё одна поправка в гражданский кодекс Израиля, по которой эти женщины были вольны выходить замуж за тех, кто им нравится, то есть никто не имел права принуждать их к браку по посторонним соображениям, однако всё же лишь в пределах своего племени. Из этой истории вытекают несколько интересных выводов.

Совместимость. Люди должны быть заинтересованы друг другом для того, чтобы состоялся правильный или здоровый и счастливый брак. Интерес же может быть здоровый или не очень, когда просто любопытство или желание чего-то неизведанного подобно испорченному аппетиту, не находящему удовольствия в простых продуктах. Таким людям трудно угодить и нравятся им вещи, которые создают болезни и проблемы. В области взаимоотношений мужчин и женщин такой интерес однозначно разрушителен, потому что непостоянен, и человек с такими свойствами всегда хочет того, что ему и не нужно и вредно. Аппетит же неспорченный достаточно надёжен, чтобы ему можно было доверять в области определения полезного и нужного для организма, так точно и с интересом к потенциальному партнёру – он будет точно указывать на того или ту, с которой они будут счастливы, причём обоюдно. В давние времена большинство людей, живя достаточно близко к природе, без труда видели и сами, как и их родители и близкие, кто хорошо подходит для счастья. Поэтому говорю уверенно, что Бог, говоря о "понравившихся" избранниках для этих девушек, говорит о том же самом, о чём выразился Адам, когда увидел впервые Еву – "воистину кость от кости моей и плоть от моей плоти". Всё, меньшее чем это, порождает расстройство и болезни... Не бывает, чтобы лишь один человек на свете подходил кому-либо, число типов людей бесконечно и поэтому всякий человек встречает за свою жизнь гораздо больше одного, подходящего для себя идеально, и среди них можно делать выбор уже по остальным критериям, таким как культура, национальность и прочее, кому что важно. Сложность бывает лишь в обособленной группе людей малой численности.

Другой вывод – воля, не принуждаемая родителями или кем-либо ещё к браку. Ответственность за свою судьбу должен нести сам человек, выбирая спутника жизни. У остальных права совещательные, но ни в коем случае не решающие. В древней истории Библии нет, насколько я помню ни одного явного случая, где бы Бог предписывал обязательность брака против воли человека. Хотя встречаются пару случаев, где как будто не спрашивали мнения или желания девушек, ища жену для царей, но это не были законы или воля Бога. Многие любят приписывать древности грубость нравов и бесправность женщин, однако как раз в дальней древности видны примеры как раз обратного, на деле бесправность женщин установилась позднее.

Отсюда следует ещё один момент – что женщины вообще были довольно свободны в древности. Мы говорили о свободе женщины в выборе мужа, но если бы не было индивидуальной свободы женщины в обществе, не было бы и свободы выбора в браке. Вообще наличие такого фактора как совместимость в принципе обязывает человека искать себе пару, самому или с помощью других людей, но обретение семьи – нечто священное. И этот выбор и поиск сами по

себе образуют необходимость свободы и создают её, даже если бы её кто-то пытался ограничить. Желание контролировать ближнего, исходящее из гордости и иных разрушительных факторов, причинило много зла человеку и обществу, и именно отсюда, из тёмной природы человека исходят угнетение или принижение женщин, и не только их, а не из законов Бога. Дочери Салпаада ведут себя свободно, их речь к Моисею и князьям общества открывает их развитость и зрелость, никак не забитость и несправедливость, и это свидетельствует в пользу уважаемого положения женщины в обществе и в древности. Разные сферы деятельности, обусловленные разностью природ мужчин и женщин, сами по себе ещё не ведут к принижению их прав, сильная часть общества вполне может употреблять свою силу для их защиты и обустройства их благополучия, а не подавления... Это кооперация, а не конкуренция. Впрочем, когда люди испорчены, портятся и их связи и взаимоотношения, что и происходило с течением времени в разных народах в большей или меньшей степени.

Обзор изученного и обретённого

Сколько времени Израиль провёл на восточном берегу Иордана, неясно. Достаточно, чтобы два раза моавитяне сходили за Валаамом и чтобы разгромить мадианитян за участие в заговоре против них. Моисей же готовился к окончанию своей жизни. Он видел, как уходил его брат и знал, что и ему предстоит то же самое. Его заботой было дать Израилю последние наставления, поспособствовать, чтобы его преемнику не было так тяжело, как ему в своё время с этим народом. Впрочем новое поколение народа уже не было скандальным как их отцы, с тех пор как на покой ушли последние старики, Моисею уже никто не бросал вызов, а его годы вызывали большое уважение у всех остальных, он был как минимум вдвое старше практически всех, кроме иудея Халева и своего помощника ефремлянина Иисуса Навина. Моисей понимал, что вскоре его не станет и его народ продолжит свой путь без него. Вряд ли он испытывал страх смерти после такой долгой и насыщенной проблемами жизни, вряд ли он мог его испытывать вообще, видя "кончину праведных". Зато его заботило, и очень сильно, будущее его народа, и ему было известно из откровений свыше, что оно не будет благополучным, таким, как оно должно было быть по задуманному. Так что эти последние речи Моисея были его прощанием с родными, ради которых он в своё время рискнул всем и пренебрёг трон Египта. Он хотел и попытался сделать всё, чтобы Израиль был крепче духовно и твёрд в следовании Пути, чтобы, насколько возможно, уменьшить опасности отступлений и неверности Богу.

Вопроса о преемнике практически не стояло, Иисус Навин зарекомендовал себя со всех сторон наилучшим образом, в помощи Моисею он познал его проблемы и понимал их суть. Он был недалеко от Моисея, когда тот был на горе с Богом, слава опытов Моисея касалась и его. Более верного и надёжного, а также знающего и опытного, чем он, найти было трудно. Так что когда Моисей заговорил о преемнике с Богом, у того тоже не было другой кандидатуры, и вопрос был решён. Бог рекомендовал провести публичный обряд передачи власти, чтобы Моисей возложил руки на Иисуса, дал наставления ему о его ответственности и круге забот, и таким образом сделал официальным своим преемником, что и было выполнено в присутствии народа, всех старейшин и первосвященника. Правда, Иисус уже не был способен так напрямую разговаривать и общаться с Богом как Моисей, он должен будет обращаться к Богу через посредника, через первосвященника, точнее через камни урим и туммим, так как первосвященник не являлся пророком и не имел прямой связи с Богом, как они. Впрочем, Иисусу Навину довелось иметь и прямые контакты с Богом, так что вряд ли он ощущал себя ущербной версией Моисея, понимая, что такие как Моисей бывают в мире нечасто.

Города-убежища. Фактически повторение Закона началось ещё в книге Чисел, некоторые эпизоды повторяют те или иные положения из законов и по времени происходят на восточном берегу Иордана у границы с Моавом. Ещё в книге Чисел говорится о городах-убежищах, кото-

рые отвели в землях, ставших теперь израильскими, на восточной стороне Иордана. Они служили убежищем для тех, кто стал убийцей в силу несчастного случая, не желая вредить соседу или другу. В обосновании этого закона отмечается "горячность сердца" родственников погибшего, мстящих за смерть без всякого расследования, кровная месть. Непонятно, считалось ли это нормальным и законным, ничего не говорится о том, что делать с мстителем. Похоже, что действительно ничего ему никто не делал, он считался правым в этом, даже если мстил невиновному, не собиравшемуся убивать, не бывшему врагом пострадавшего и не имевшего никакого умысла. Но пока мститель не добрался до убившего, он мог спастись, если успевал добежать в один из таких городов-убежищ. По идее, все добрые люди всё же должны сначала распросить всех кого возможно, разобраться в ситуации и никто тогда не смог бы поднять руку на того, кто случайным образом из-за сорвавшейся верёвки или слетевшего топорика или несогласованного действия оказался орудием стихии, поразившей его товарища. Но не все ведут дела столь разумно, и Бог берёт в рассмотрение самый тяжёлый случай, когда родственник погибшего не собирается ничего расследовать и просто бьёт на поражение, едва сблизившись с тем, кого он считает виновником смерти родственника, даже если тот просит выслушать. Формально он как будто прав и люди не будут ставить ему в вину эту месть, и может быть за всю жизнь он не станет возвращаться к этому моменту, заставляя себя считать себя правым, так что лишь после, в новой реальности обнаружит себя "изгоняемым вон" за нежелание думать и разбираться. Библия требует от всякого человека, чтобы его "суд" был праведным, то есть всякое суждение человека должно быть обоснованным, не бездумным, чтобы соответствовать, особенно в ответственных случаях, где вовлечены темы жизни и смерти. В общем, закон для своего времени передовой, неумышленному убийце предоставлялось сохранение жизни и беспристрастное рассмотрение его дела. Предполагалось, что мститель будет его искать и найдёт его в одном из убежищ, но старейшины города не могут выдать пришедшего к ним за защитой без обоснования и доказательства его вины. Кстати, эти города, предназначенные для защиты такого рода, выделялись для левитов – они должны были жить в таких городах. Фактически племя Левия должно было быть хранителем закона, хотя не все левиты участвовали в жизни храма или служили при нём. Из их среды должны были выходить учителя народа, они могли и должны бы были стать хранителями знаний и науки, но, по крайней мере в начальные времена Израиля, это если и имело место, то было слабо выражено. Постоянная неверность Израиля Богу и вообще своему призванию происходит в первую очередь из-за недостатка духовного и религиозного образования, когда население оставалось предоставлено самому себе и жило самым хаотичным образом. Обычно мы используем выражение о таком порядке вещей "как Бог на душу положит", но, к сожалению, здесь оно как раз-то неприменимо. В соблюдении закона всего лишь два направления – соблюдать или не соблюдать, так что тут царил скорее паразитическое единодушие в несоблюдении Пути. Будь левиты и священники с остальными князьями и судьями верными своему призванию в области образования народа, привлечении внимания к законам жизни и продуманной агитации к верности высочайшему призванию и предназначению, история евреев была бы более приглядной.

О некоторых законах (в том числе о разводе или отношениях с рабами) Христос выразился достаточно ясно – "по жестокости вашей" Моисей давал их. Можно дать сколь угодно высокоразвитые законы, учитывающие все мелочи, но кто будет их если не исполнять, то осуществлять правосудие, если люди не склонны вникать в дело и характеры грубы и жестоки? Поэтому недостатки законов Моисея следует искать больше не в Боге, а в той почве, на которой они должны были действовать. Те же разводы не были бы разрешены с самого начала истории Израиля, будь люди склонны понимать всю глубину природы человека. Но если дать законы для высокоразвитой морали тем, кто не дорос до них, то соблюдать их они не будут. На этой почве будет расти дух сопротивления и уровень наказаний и репрессий Бог был бы вынужден до-

вести до такого уровня, что народ просто не мог бы выжить... Небо замечает всё, но далеко не всегда может донести до огрубевших умов, запершихся в самодовольстве силы и здоровья. Поэтому, как уже раньше я и отмечал, Богу приходилось ожидать, пока нравы разовьются и достигнут более высокого уровня. Для этого Он проводил Свои воспитательные мероприятия, которые можно видеть в истории Израиля.

Повеление о изгнании хананеев. До сих пор нигде не встречалось ничего об уничтожении народов, населяющих Ханаан. И сейчас⁵⁴ тоже не звучит ничего такого, когда ставятся задача стратегического плана – "объяви сынам Израилевя и скажи им: когда перейдете через Иордан в землю Ханаанскую, то прогоните от себя всех жителей земли и истребите все изображения их, и всех литых идолов их истребите и все высоты их разорите". Здесь не видно геноцида, здесь скорее о переселении народов. Нет задачи уничтожить не оправдавших доверия Всевышнего хананеев. Это когда дело переходит к практическим действиям, когда приходится воевать, то с теми, кто выступит против них, придётся действовать соответственно, и лишь там появляются повеления уничтожать тех, кто выступает против них войной. В принципе, об Израиле и помогающем ему Боге весь Ханаан уже был наслышан вполне достаточно, чтобы сделать нужные выводы. И те, кто решил остаться до конца, получали то, что выбрали.

Почему-то мало кто берёт во внимание одну возможность, которая могла оставить любых желающих хананеев жить на своих местах, без всякой опасности. Люди знали о Боге евреев, о Боге Авраама, памятники и жертвенники которому были посреди ханаанских земель. Они могли принять те Его правила и порядки, которые обычно нарушали (именно за грубые грехи Бог собирался изгнать их), отказаться от язычества, видя дела, характер и силу Сущего, и на правах Его поклонников могли встречать Израиль как братьев, и никаких бы проблем не возникало. В том повелении дальше говорится, зачем нужно изгнать язычников – чтобы очистить землю от их жертвенников и посвящённых их богам роц, где совершались безнравственные обряды, портящие жизнь самим же язычникам, не приносящие мира и блага. Эти люди могли сделать это сами и тогда исчезала бы нужда делать это руками посторонних. Да, либеральные критики скажут, что это насилие – требовать смены религии и отречения от родных обрядов, только религия всё же это не традиции и не культура, это охраняющие жизнь правила, техника безопасности, и ложные правила здесь просто опасны. В религии есть сторона обрядов и того, что относят к сфере культуры, но если религия становится только культурой и обрядами, то суть религии уже потеряна. К примеру, обычаи человеческого жертвоприношения не имеют культурной ценности и должны быть искоренены, как бы не были интересны историкам или антропологам, все бы потери были такими... Давший эти земли прежним обитателям занялся очищением её, и дело было не в евреях. Когда евреи стали вести себя подобно прежним обитателям земли, Он точно также разогнал и их, и даже строже... Прежние не имели той ответственности, что Израиль, не зная столько и не будучи связаны обязанностями договора. Или, может быть, "когда Всевышний разделял Землю народам⁵⁵", некий договор всё же был?

Последние собрания с Моисеем и его наставления

И вот за два месяца до Пасхи (или за три, если это был високосный год), в первый день одиннадцатого месяца (где-то в январе) Моисей собрал всех и стал говорить, делая обзор их странствий и многого случившегося за это время. Он начал не с выхода из Египта, но с Синая, с момента, когда Бог сказал, что им уже пора идти. И упомянув историю с назначением помощников по управлению в народе переходит на момент, когда они должны были начать вхождение в предназначенную им землю, но отказались. Также он перечисляет и повторяет им многие зако-

54 В конце 33 главы книги Чисел

55 Втор.32,8

ны, которые он вписывал в книгу Закона, которые стали называться позже Законом Моисея, чтобы люди впитывали их и помнили, не забывали порядков и принципов Бога, являющихся охраной для них и источником благополучия. Следование всем тем правилам делало жизнь безопасной и снимало множество конфликтов в обществе, им не угрожал бы также и гнев Бога, но напротив, Его расположение делало бы их жизнь цветущей и яркой, полной наслаждений от природы, еды и вообще бытия. Они обрели бы большие знания и могли бы задавать ритм прогрессу цивилизации и технологиям⁵⁶. "В этом жизнь ваша", "в этом всё для человека" – так характеризует Бог и Соломон эти "законы жизни".

Также Моисей разъяснял и основной Закон, объявленный Богом с Синаем во всеуслышание. Он особо остановился на второй заповеди, запрещающей делать изображения для поклонения им. Интересен ход его мысли, он говорит, что Бог не показал Себя народу ни в каком виде, никто не видел фигур и силуэтов, имеющих какой-либо вид. Он делает вывод, что это подтверждение словам заповеди, чтобы никто не делал потом изображений, которым бы стал поклоняться. Это, конечно, не значило, что сам Бог не имеет конкретности и внешнего вида. Его видели Моисей и старейшины народа, когда наносили визит своему Богу, Его видел Иисус Навин около Иерихона, однако это были достаточно надёжные люди, они не распространялись о внешнем облике Сущего. Он позаботился лишь о том, чтобы среди большинства не нашлись энтузиасты, придавшие внешнему облику Бога какие-то свойства, которыми сам Бог не собирался их (свои черты лица) наделять...

В этих законах, говорил Моисей, "ваша мудрость и разум" в глазах всех остальных народов. "Есть ли какой великий народ, у которого есть столь справедливые законы"? Звучали предостережения, что если евреи не станут хранить и выполнять эти постановления, то им придётся нести тяжёлые наказания и санкции за неверность в завете. Поскольку само место, занимаемое Израилем, не может оставаться пустым, Бог любыми средствами всё же сохранит Себе тех, кто будет представлять Его и Его порядки этому миру, сколько бы для этого не потребовалось усилий. Бедный народ, они почти всегда так хотели быть "как все", но именно это было их уязвимостью, они-то как раз должны были задавать стандарт, а не подражать остальным... И ладно бы они подражали лучшим образцам, но нет же, выбирали самые неудачные и худшие примеры, за что и платили дорогую цену, при этом лишая мир доброго примера. И в том, что мир скатывался по наклонной капризов плоти и угождения не высшим и не благородным желаниям и порывам, слишком много их вины. Но не стоит их судить, кто бы на их месте проявил сознательность и отрёкся бы от соблазна "быть как все"? Так что они оказались отражением всего человечества, хотя не это было целью их создания, отражать им нужно было гармонию и устройство высшего мира, чтобы остальные имели чему подражать.

Моисей вновь и вновь побуждает их хранить и соблюдать законы и правила, данные им. Он даже даёт некую формулу, которую родители должны были передавать новым поколениям. В шестой главе Второзакония он говорит о вопросе детей, который они не могут не задать со своими вечными "почему" – "что значат эти все законы, уставы и правила, которые у нас?", зачем они, откуда они у нас... Ведь детей учат на каждом шагу – обычаям, всем "можно" и "нельзя", поэтому они всегда лезут в суть – а почему это нельзя? Ответ – таков закон. Тогда они спрашивают – "А откуда этот закон?" И тут наступает момент, о котором говорит Моисей. В принципе, во всех народах происходит подобное, здесь же родители могли сослаться напрямую на того Бога, который дал эти законы всем, но у них к этому ещё имеется и особое отношение. Этот Бог выз-

---

56 Я не думаю, что Бог делал бы Израиль первым во всём, чтобы не принижать другие народы, но он мог бы занять достойное место среди них. Именно забота о других народах и человечестве в целом заставила Его выделить специальный народ для сохранения справедливости и праведности, духовности и добра, чтобы именно в этом задать образец для всех.

волил их из больших проблем, и наделил их разными благами, в том числе и этими законами. Правда, тут могло примешаться и нездоровое восприятие закона как нагрузки, ограничения и запрета, которое непонятно и ненужное. Ошибки такого рода создают неверное направление жизни и характера, закон воспринимается как произвол и тяжесть. Уж кто как это понял, так и передавал дальше. Но сам Моисей подаёт закон как благо – "... велел нам выполнять все эти постановления ... чтобы нам было хорошо, чтобы сохранить нашу жизнь". Следующая фраза в Синодальном переводе звучит не очень точно – "В этом будет наша праведность, если мы будем стараться исполнять" эти законы. В принципе это верно, только философия может получиться в итоге неправильной, правильное слово "шамар" перевести как быть "направленным на исполнение", настроенным на это, а не стараться. Старание это другая сторона дела – может получиться, может и не очень, если не повезло с воспитанием или окружением, но Моисей имеет в виду именно настрой, что нет другого хорошего пути, и установку, что я буду идти именно этой дорогой. У кого-то может не получаться поначалу с выполнением закона в тонкостях, придётся переучиваться с плохих привычек поведения или обращения с ближними, но даже в случаях неудачи, когда старые привычки держат верх, уже есть направление в верную сторону, и об этом направлении и говорит Моисей. Если же кто-то собирается лишь время от времени "стараться" и эти попытки что-то сделать правильно выдавать за праведность, то это будет ошибка, с таким настроением человек не собирается идти этим путём, а лишь время от времени имитирует попытки для очистки совести или для отчёта перед другими. Такой подход сильно понижает планку возможных достижений...

В седьмой главе Моисей снова говорит о народах, населяющих Ханаан, и тут разговор уже более подробный. Здесь уже говорится не только об изгнании их с их земель, но и об уничтожении, однако в свете общей задачи видно, что это говорится о военных сражениях, столкновениях с армиями хананеев, когда встречается сопротивление. Кто-то захочет уйти, кто-то будет воевать, тех и касается указание об уничтожении. Ушедших нельзя преследовать, как могло бы быть, если бы речь шла именно об истреблении этих народов, но кто захотел бы сохранить жизни своих людей, должны были уходить беспрепятственно, да и прежде уже было указано именно об изгнании. В летописях Библии нет информации о таких ушедших из Ханаана, но в Ливане живут сегодня как раз потомки хананеев, многие из которых когда-то покинули родную землю, ставшую чужой по велению высших сил. Другие же не уходили из Ханаана до последнего, и получилось так, что они вроде выиграла, так как евреи со временем расслабились и прекратили выполнять поставленную им задачу по изгнанию хананеев. Об этом будет идти речь в книге Судей.

* * *

Люди говорят, что нехорошо забывать свою историю, своё прошлое, свои корни. Религия Библии призывает к тому же – "Помни весь путь твой, который вёл тебя Суций". Дальше в этой фразе говорится, что все события этого пути во многом были предназначены к тому, чтобы выявить характер человека, чтобы найденное либо укрепить, если оно доброе, либо избавиться, если плохое. Вряд ли жизнь каждого несвязанного с Богом договором подвергается столь же целенаправленному влиянию, где каждое событие специально подобрано для этой цели, однако во всём, случающемся с нами, всегда есть чему научиться и на чём можно понять самого себя. Поэтому и говорят, что на ошибках учатся, это обучение и есть прогресс, который может иметь любой человек на Земле. Жаль, что не все делают это активно и сознательно, насколько бы тогда было меньше тех ошибок и насколько бы была здоровее и лучше жизнь всех людей в целом. В этих исследованиях любой человек выводит те же самые заповеди, которые Бог произнёс с Синая, других нет. Хотя иные люди пытаются идти обходными путями, ищут, как остаться в безопасности, нарушая правила, однако же это просто другая школа, заповеди остаются теми же, добавляется лишь желание оттянуть конец подольше, насколько возможно, а также переложить

на кого-то другого. Некоторым, на вершинах преступных пирамид, это в какой-то мере удаётся. Если мы помним начало своего пути, то имеем возможность сравнивать с полученным результатом, так что наш разум будет выдавать здравые оценки нашим действиям, как мы прошли из начального момента к нынешнему и что имеем в итоге. Забывать свой путь значит перестать учиться, отказаться от обучения в главном предмете – как жить, чтобы жить всегда.

Тут же звучит впервые это знаменитое выражение "не хлебом единым", известное больше из Евангелия, однако впервые его произнёс Моисей – "Он смирял тебя, томил голодом, кормил манной ... чтобы показать тебе, что не одним хлебом жив человек, но всем, исходящим от Бога". Христос использовал его, отражая хитрую атаку дьявола в первом искушении в пустыне. Моисей обращает внимание евреев на то, что за сорок лет дорог их ноги не опухали и не стирались, и даже одежда, как он говорит, не изнашивалась. Нахождение под защитой облака, скрывающего присутствие Бога, сказывалось таким защитным эффектом, и если бы люди обращали внимание на это всё, насколько меньше бы у них было неприятностей, однако же они позволяли себе раздражаться или пугаться всякой малейшей проблемы вроде нехватки воды или чего-либо ещё. Люди не худели в истощении и нехватке питательных веществ, не болели практически ничем, по этому поводу Израиль в пустыне никогда не выражал недовольства, и будь манна ограниченной по содержанию необходимого для организма, это непременно бы сказалось и на здоровье людей и на истории восстаний. Недовольство было высказываемо только по поводу вкуса, о котором добрые люди не спорят, так что настоящих проблем с питанием народа не было.

* * *

Весьма интересно повеление Моисея любить пришельцев, основанное на их собственной истории нахождения в чужой стране в качестве странников, так и не ставших своими там. Пришелец или странник в те времена означал человека, оторванного от корней, в силу разных обстоятельств не могущего оставаться в родном для себя месте. В лучшем случае это торговцы, странствующие с товарами, наёмники, но были и худшие причины. Кто-то был изгнан из своей среды или был вынужден оставить своё место, где родился и рос, из-за войны или засухи, и даже если был изгнан за дело, остаться без родных и друзей, без привычной среды было тяжёлым наказанием, так что и в этом случае оказать человеколюбие было бы проявлением характера Бога, лучшей рекламой делу Сущего на Земле. Для скитальца обрести дом, покой значило много, даже если приходилось начинать с нуля. Он обретал друзей и помощь – для лишённых родной обстановки это неоценимое благо. Нужно было помнить, как несладко жилось в чужой земле, недобро настроенной против тебя и твоих родных, чтобы делать не то же самое, что сделали тебе, но то, чего хотел бы, чтобы сделали... То, к чему стремились твои чувства, должно открыть тебе состояние всякого оторванного от корней человека, и удовлетворение его жажды делало тебя сопричастным целям и задачам Бога, оправдывало Его замысел о народе-богоносце. Этот подход сохранил философию прерывания цепи зла, разрыва эстафеты, порождающей новое зло. Немало людей придерживаются недоброго подхода, завидуя тем, кто не испытал проблем, выпавшим на их долю, и они стремятся ухудшить положение ближнего, мотивируя это примерно как "я съел свою долю, скажем так, неприятностей, теперь пусть он съест", но это дело весьма нечистое и злобное. Этим он оправдывает того, кто притеснял его... Также при этом человек берёт на себя функцию суда и претендует на роль Всевышнего, определяя судьбу попавшего под его влияние ближнего.

Стоит сказать о количестве уроков для человека. Как писал Иоанн, свет просвещает всякого человека, пришедшего в наш мир. Не все учат уроки, не все делают нужные выводы, кто-то ожесточает себя и делает всё ещё хуже, чем могло быть. Ладно бы себе, но ведь ещё и другим. Как долго работает Бог над человеком, конечно ли количество уроков, которые надо пройти? Имеющиеся свидетельства показывают, что

предел есть, само понятие "долготерпения" Бога уже говорит о его конечности. После некоторых, довольно долгих, усилий над человеком, если нужные выводы не делаются, Бог прекращает работать над ним и он остаётся оставленным сам на себя и волю стихий. Собственно, это ещё вовсе не конец и не покинутость в полном смысле этого слова, лишь первая стадия. Иному человеку, пока не началась буря, нравится это состояние, это вроде как полная свобода, в том числе от совести, хотя она ещё работает и может дать о себе знать не один раз. От неё остаётся ограниченная версия, не позволяющая скатиться по наклонной в полный беспредел или разложение. Для таких остаются уроки жизни, и она наказывает строго. Часто разгул стихий оказывается гораздо более строгим судьёй, чем Бог, соразмеряющий Свои воздействия.

Все люди грешны по природе, и последователи Бога, и те, кто не являются ими, но далеко не всех можно назвать нечестивыми. Грешники – это категория людей, которые привыкли жить с небольшими, как им кажется, нарушениями, совесть их если и приглушена, то немного, из законов жизни они могут отбросить какие-то "неудобные" для себя ограничения, не считая это проблемой. Те же, кого называют нечестивыми в Библии, у них уже не ограниченная версия совести, а заглушенная. Они живут легко в том, что для нормального человека, не говоря уже о последователях Бога, неприемлемо, могут радоваться жизни, губя жизнь и сами её основы. "Отмороженные" – это про них. Но и там иной раз в них что-то иногда "включает" совесть, и для них также доступно возрождение к нормальной жизни, хотя это и нечасто. Но есть ещё категория людей, совесть которых в Библии характеризуют как "сожжённую". Это такие люди, для которых возможность к "спасению" закрыта, чьё дело на небе уже решено. Впрочем, такое состояние, насколько я понимаю, не длится вечно, и если человек оставлен в живых, то если бы он захотел, то Бог, "не желающий отвергнуть и отвергнутого", мог бы дать шанс и ему (только обратный путь ему пройти очень уж маловероятно, инерция наработанного просто не даст). Немало людей имеют особый драйв идти против течения, но против своих привычек даже они неспособны пойти... Но таких людей, однозначно погибших ещё при жизни, совсем немного, за всю историю Земли вряд ли их насчитывается больше пары сотен, может тысячи. Если кому-то покажется, что он попал в такое состояние безнадежного отвержения, то сами его мучения показывают, что это совсем не так. Те, у кого совесть "сгорела", не испытывают ничего подобного... Так что любой самоанализ в этом направлении говорит о влиянии Бога и такой человек не может быть оставлен.

* * *

Звучит повеление на будущее, когда они будут жить в Ханаане, чтобы все жертвы и праздники совершались там, где будет находиться ковчег завета и храм. Бог сам выбирал место, где будет находиться храм, и туда должны приходиться все для приношения своих даров и жертв. Это указано специально, потому что в Ханаане находились жертвенники, поставленные Авраамом, Исааком и Иаковом, их праотцами. Без специального указания люди бы использовали их для поклонения и приношения жертв, но это нарушало новый порядок, установленный Богом, о храме и служении в нём священников из левитов. Многие не могли понять, почему эти места стали запрещёнными для служения Богу, и делали по своему, что не служило благу народа и самих поклоняющихся – священство было закреплено за потомками Аарона, и главы семей больше не имели права делать то, что раньше было их обязанностью при патриархальном устройстве служения. Как памятники об отцах эти места были благом, но непослушание явному повелению Бога не использовать их было грехом и навлекало проблемы.

* * *

Отдельной главой идут в законе праздники, которых в году было три. Пасха была первым из них, с неё начинался год. О ней уже мы говорили в истории Исхода, но в первой Пасхе и последующих сорокалетних странствиях в ней не было некоторых деталей, появившихся для времени, когда они будут жить на земле. Они не сеяли хлеб и поэтому не могли приносить первые созревшие колосья на второй день Пасхи, в шестнадцатый день месяца. Однако в Ханаане они должны были делать это и с того дня, когда приносили колосья, надо было отсчитать семь недель и на пятидесятый день приходился ещё один праздник, совпадающий с жатвой зерновых. В христианстве его называют праздником Пятидесятницы, по этим пятидесяти дням от Пасхи. В тот день ученики и прочие последователи Христа были наделены силой и сверхъестественными способностями. Третий большой праздник происходил осенью с пятнадцатого по двадцать второй дни седьмого месяца, праздник Шалашей или Кущей. Ему ещё предшествовали Новый год в первый день седьмого месяца и в десятый день День Очищения, известный как Йом Кипур. Их можно считать одним большим комплексом осенних праздников. Правда, хотя говорят о трёх праздниках в году, раздел о праздниках начинается с субботы, которая еженедельная, каждый седьмой день недели был ею. Она как бы глава всех праздников, хотя повторяется каждую неделю, в то время как остальные существуют в годовом цикле. Субботами, днями покоя также являлись первый и последний дни праздников Пасхи и Шалашей, День Очищения и другие некоторые дни. Они выпадали каждый год в свои дни, далеко не всегда совпадая с седьмым днём недели, однако в них тоже нельзя было работать.

* * *

Всякий оккультизм – гадания, ворожба, связь с умершими или духами умерших, колдовство и чародейства были запрещены. Если человеку нужно было что-то, что не встречается в природе человека, то для этих нужд Бог предусмотрел подобное средство, но исходящее от Него лично. Вообще-то как раз Он сам является тем, что люди пытаются возместить оккультными средствами, оккультизм является подражанием Его возможностям. У Него для этого были пророки, через которых можно было спрашивать Бога и получать ответы – линия связи со сверхъестественным, не омрачённая тёмными силами. В отличие от священников и левитов это были реально связанные между Богом и людьми, не нагруженные обрядами и символами. К ним ходили за помощью по любым мелким и крупным вопросам, они не отказывали обычно никому. Мог отказать Бог, не давая ответа в особых случаях, что было сигналом о больших проблемах у спрашивающего. Но не только люди шли к Богу через пророков, но и Бог извещал людей обо всех Своих планах через них и тогда пророки шли к людям, чтобы передать "так говорит Суций". Слова пророков были словом Бога, их нужно было слушаться. Ложь пророка возможна, но только если Бог отказался бы от руководства Израилем, а такое бывало очень редко. В лжепророки шли скорее те, кто вообще пророками не были, кто не был призван Богом. В основном пророк, уклоняющийся от своего призвания, наказывался особо строго, как имеющий повышенную ответственность. Обычно в пророки призывал сам Бог, однако же в своё время Самуил устроил школу пророков, в которой люди получали некоторое образование о законах и порядках Бога, о смыслах и других духовных вещах, в них была редкая атмосфера, в которой проявлялись сверхъестественные вещи. Может быть не всякий выпускник такой школы становился призванным на общественное служение, однако он уже не был обычным человеком. Похоже, что некоторые выпускники этой школы, продолженной после Самуила другими пророками, отошли от Пути и стали пользоваться полученными там умениями в корыстных целях. При этом они не были пророками в настоящем смысле этого слова, но людям представлялись как знающие и умеющие. Такие лжепророки особенно были многочисленны и влиятельны во времена последних лет Иудеи и северного царства. Моисей указывает, что эти виды оккультизма, широко распространившиеся среди хананеев, были важнейшим фактором, из-за которого они "заработали" изгнание со своей земли. Обычные грехи людей разлагают общество, однако через оккультные практики люди на-

чинают кооперироваться с нечеловеческими силами, и проблема зла становится на порядок сильнее. Кстати, последователи сатанизма в наши времена тоже обрели определённое влияние и силу, так что даже не будь конца света, это создаст (и уже создаёт) миру большие проблемы.

Вообще оккультизм содержит и другую сторону, кроме связи с духами и некими силами, что человеческая природа может быть практически божественной, может очень многое, нужно лишь её развить. Такого рода оккультизм, особенно современный бросает вызов религии, обвиняя её в том, что она держит человека в неразвитом состоянии. Может быть это обвинение где-то и справедливо, но не против религии так таковой, а в адрес некоторых конкретных систем, нам известны такие религии, идеологии и практики общества, где человек есть придаток государственной или ещё какой машины, винтик механизма, и развитость каждого винтика регулируется согласно его задачам или вообще воле некоторых лиц, определяющих всё для всех. Не всякая религия выражает замыслы Бога, зато сама Библия показывает Бога, никак не ограничивающим человека в развитии и расширении способностей, в дальнейшем на примере школы Самуила можно увидеть могущество человека, приобщившегося к божественным тайнам. Отсюда можно видеть, насколько некоторые религии исказили замыслы Бога и философию Библии, создав нечто ущербное и разрушительное, и что они не показатель того, что Бог планировал о человеке и для человека.

Кроме того, что Бог обещал всегда поддерживать связь со Своим народом посредством пророков, особых людей, имеющих некоторые сверхъестественные способности, Он ещё обещал, что будет некий Пророк, Которого надо будет слушаться, Который будет подобен Моисею по силе и авторитету. Мало кто из пророков мог бы претендовать на такой статус, так что здесь виден явный намёк на Мессию. Также отсюда прямо можно видеть, что этот Мессия будет именно человеком, что это не пришелец извне, но из "среды" народа, "из братьев", то есть из обычных людей.

* * *

Интересны заповеди для военных. "Не бойся", звучит она, "если увидишь у врага войска и оружия и конницы больше, чем у тебя, потому что с тобой твой Бог". Перед сражением должен был выйти священник и ободрить воинов, напомнив им о силе Бога. Также командиры должны были предложить уйти из рядов тем, кто не успел пожить в новом доме, построенном недавно, кто насадил виноградник и не успел попользоваться им, также тем, кто обручился, но не успел пожить с женой, чтобы они успели воспользоваться благами, предоставленными им жизнью. Почему-то это было важно, это были принципы гуманизма в те давние дни. Не думаю, что в древности люди сами по себе были более жестоки, чем сейчас, но вот местные порядки складывались очень по разному. Народы на Земле обустроивались по разному, и Израиль среди них должен был явить лучшие образцы...

Подобным образом запрещалось при осаде городов рубить плодовые деревья, причём интересно и важно основание для этого – "дерево в поле не может убежать и спастись", поэтому надо проявить к ним гуманность, сострадание, не пользоваться своим преимуществом человека, могущего много больше других созданий.

* * *

О моавитянах и аммонитянах прозвучали иные повеления, чем раньше, изменилось отношение к ним. Раньше Бог запрещал воевать с ними, хотя они и не позволили им пройти через свою территорию к Ханаану, теперь же и этот отказ припомнился им, но основная причина в том, что они наняли против них Валама для проклятья. Хотя сначала в наказание Бог послал евреев против только мадианитян, но сейчас, перед переходом в Ханаан, звучит повеление не

принимать этих людей в израильское гражданство вплоть до десятого поколения. И запрета на вражду с ними уже нет. Но войны с ними не было до какого-то времени, пока сами те народы не начали её.

* * *

Довольно необычно для древности повеление не выдавать сбежавшего раба его хозяину. Никакие права собственности и деньги не брались в рассмотрение. Бывшему рабу нужно было предоставить возможность жить в чьём-либо доме, где ему понравится и позволить ему обустроиваться, причём безотносительно к происхождению этого человека. Даже северные штаты в США до Гражданской войны не могли похвастаться подобным правилом – известно, что верховный суд страны отказал беглым рабам Юга в праве на убежище, хотя к чести самих американцев надо сказать, что люди воспринял это как измену, хотя изменить что-либо в постановлении верховного суда было уже невозможно.

* * *

Хотя всё, описанное во Второзаконии, как будто можно было произнести за один день, мне кажется, это было как минимум два собрания. За один день это могло быть утомительно для народа. С другой стороны, все ощущали торжественность момента, близость больших перемен в смысле окончания предварительного этапа и обретения места покоя для себя, так что если бы это всё прозвучало за один раз, тоже не было бы слишком утомительным. Став недавно народом, они обретали теперь и свою страну.

Моисей распорядился, чтобы после перехода Иордана они разделились по указанным племенам, стали на двух соседних холмах и провели торжественную церемонию, с одной горы должны были произноситься благословения на живущих по правилам и законам Бога, с другой проклятия на нарушающих законы и правила. Были даны и слова, которые должны были звучать там. Мы читаем в основном о проклятии за нарушение, но в следующей главе Моисей произносит то, что, видимо, и должно было звучать с холма благословения. Может показаться недобрым знаком, что описания благ у Моисея слишком кратки по сравнению с описаниями ужасов наказания за нарушения. Хотя блага и награды за праведность вполне сильны и внушительны, но всё же как будто то ли энергии Моисей вкладывает в проклятия больше, то ли вдохновляется наказаниями сильнее... Но это всё же не оттого, что характер у Моисея такой мстительный или жестокий, нет, он просто хорошо знает характер народа, направленность умов, он в курсе близких и дальних судеб своего народа, и именно это заставляет его буквально оплакивать его, пытаюсь уберечь его от того, на что он обречён своим собственным характером. Он хочет пробудить сознательность, хоть как-то отклонить людей от беспечности и безразличия и той судьбы, что следует за таким поведением. Он уже в предвкушении вдохновения, которое выльется в великую Песню Моисея, выше которой стоит Песня Моисея и Агнца, время которой ещё не скоро.

Как правило, мы сегодня считаем, и в принципе верно, что запугивание карами не работает или работает плохо. Но когда наказание применяют на первых этапах, это обычно работает вполне эффективно. Это когда люди привыкают к плохому, то наказания перестают быть действенными. Когда мы были маленькими, это ведь неплохо работало? Поэтому не стоит применять к этому времени, когда Моисей сосредоточился на описании последствий нарушения законов, представления о более поздних этапах развития характера Израиля или христианства. В то время это было уместно. Тот же самый Бог, крепко наказывавший евреев в ранние века его истории, во время Христа в Его лице проводил как будто бы совершенно иную политику, выраженную в словах "больные нуждаются во врачах" или "Я пришёл не губить, а спасать". Но всё верно и там и здесь, Бог не изменялся, изменялись времена, когда эффективными были разные средства. Все они, и мягкие, и жёсткие, были направлены к одной цели поднятия человека из деградации.

Однако же на наказаниях Моисей не останавливается. Планы Бога о неверном народе не заканчиваются на разгроме и уничтожении всех его опор и всего, на чём держится жизнь нации. "Когда это всё случится с тобой, благословения и проклятия", то начнётся новый этап в отрезвлении этого неверного и изобретательного в уклонении от Пути рода... Должен наступить этап осознания причин случившегося, с которого начнётся возрождение. Когда человеческие планы и ухищрения придут в полное ничто, разрушенные разбушевавшимися стихиями, то если люди задумаются о Том, Кто всё это устроил и из-за чего, Бог начнёт собирать их. Правда, они должны измениться, обратиться, перевернуться во внутренних стремлениях... А что если не задумаются? Правда, Моисей почему-то не употребляет здесь слова "если", то есть как минимум само национальное чувство, свойственное любому народу, заставит их задуматься о предсказанном давно. Последующее восстановление описано опять в превосходных выражениях, когда наступят снова времена благословений и процветания как вначале. В принципе это сбылось один раз, и хотя после пленный Израиль как будто был верен и больше не помышлял о подражании язычникам, но их верность не привела их в соответствие с планами Бога, осталась какой-то искажённой и извращённой, так что самые главные поборники святости и праведности отказались от своего Вождя, пришедшего к ним в слишком скромном воплощении. "Пришёл к своим, и свои Его не приняли"... Впрочем, планы Бога не разрушились, они нашли воплощение в другой версии Израиля, не такой буквальной, как физическое происхождение от Авраама. Но это мы забежали далеко вперёд.

Моисей всё же поставил условие "если" после всех этих слов о восстановлении Израиля. В этот момент он делает поворот в своём повествовании к главному – о средстве достижения праведности и верности. Все те блага возрождения придут, "если будешь слушаться Бога ... и если развернёшься к Богу всем сердцем", по настоящему. Вопрос верности в соблюдении закона, исполнения всего названного Им весьма актуальный. В современном обществе, да и в средневековом тоже, этот вопрос вырос до гигантских размеров. В раннем христианстве он уже тоже начался – вырождение человека привело к тому, что держаться Пути становилось всё тяжелее, для многих людей становилось как бы невозможно выполнять заповеди Закона, стала возникать ситуация, когда человек начал говорить "это сильнее меня". В древности люди грешили достаточно сознательно, и если они желали быть верными, ничто их не могло сбить с Пути, они выглядели намного прочнее морально, но позднейшие поколения выглядят ослабевшими, их нравственные тормоза как будто совершенно разболтаны и самообладание стало синонимом трудного дела. Это пришла развращённость, вошедшая то ли в саму природу человека, то ли в генетику души и мышления. Внутренний соблазн стал много сильнее, чем у прежних поколений, и человеку стало уже недостаточно желания держаться должного, слишком усилился соблазн изнутри, из природы, из желаний и страстей, начавших контролировать человека. В принципе, и древние не были внутренне совершенны или праведны так, как это нужно, это лишь по сравнению с нами они прочнее, но развитие зла в человеке и обществе привело постепенно к новой проблеме, не бывшей прежде – внутренней дестабилизации морального начала и затруднённости самообладания.

То, что Моисей здесь произнёс, позднее Павел использует для описания "праведности по вере", противопоставляя примитивному пониманию "праведности от закона". Как таковой в природе вещей праведности от закона не существует, то есть человек не может своим послушанием создать себе праведность, также как не может сам себе отпустить прежние ошибки и грехи, не может избавиться себя от вины, а также не может одновременно держать все стороны ума и души в должном состоянии (к тому же не зная, каково оно должно быть, это правильное состояние...).

Исполнение Закона, хотя и есть вещь правильная, не может простить прежние нарушения, поэтому и нужна фигура Спасителя, решающая проблему извне.

Моисей, описывая проблему греховности, не выразится так, как многие сегодня, что, мол, некоторые заповеди очень трудно выполнить. Нет, у него нет такой проблемы, люди ещё не опустились до такого неустойчивого состояния. Зато вот о чём он говорит – "заповедь ... не недо-ступна и не далека, чтобы можно было говорить – кто бы принёс её нам и мы исполнили бы её?" Фактически это положение, когда если я знаю, что и как надо делать, и если я понимаю нуж-ность этого (далёкость или близость заповеди), то я исполняю, не могу не исполнить. Вот если бы я её не знал, или не понимал бы её смысла, то могли бы быть вопросы и проблемы, но раз она известна, авторитетна и справедлива – нет вопросов и нет проблем, она будет выполнена. А если и не будет, то лишь потому, что человек по какой-то причине решил, сознательно решил, что ему так хочется, что он как-то выживет при её нарушении или не заботится об этом, но не потому, что не мог не нарушить, как многие сегодня рассматривают Закон. Даже сегодня немало здоровых телом и душой людей, которые не соблазняются запретом самим по себе, как многие думают, что сам запрет и провоцирует нарушение. Это обман и миф. Хотя с кем-то такое может быть и бывает, однако нельзя ставить это как норму для всех. Даже те нездоровые люди после того, как они испытают последствия нарушений, многие нормализуются, перестают соблазнять-ся запретом и начинают видеть в нём средство охраны, а не подавления воли и свободы разум-ных существ...

"Она не на небе, чтобы можно было говорить: "кто взошёл бы для нас на небо и принес бы её нам, и дал бы нам услышать её, и мы исполнили бы её? И не за морем она, чтобы можно было говорить: "кто сходил бы для нас за море и принёс бы её нам, и дал бы нам услышать её, и мы исполнили бы её? Но весьма близко к тебе слово это: оно на языке твоём и в сердце твоём, что-бы исполнять его"⁵⁷". Апостол Павел, используя эти слова Моисея, говорит, что здесь выражена суть праведности от веры, той праведности, что человеку даёт или наделяет Бог, через которую человек становится пригодным для вечности. Вера здесь при том, что она является тем момен-том в человеке, который определяет направление, куда направлена воля, решение и подход, в ка-ком свете будет воспринят Закон. Если человек настроен эгоистично, то заповеди будут ему мешать, даже если он признаёт разумность, справедливость и обоснованность многих из них, и ис-полнять он их будет лишь пока ему по пути с ними и пока он уверен, что нарушение их останет-ся незамеченным. Но это не является праведностью, лишь ограниченной законопослушностью. Это неверие и неверность. Но те, кто воспринимают Бога, Его волю и пути как своё, кто пришёл с Ним в контакт и находится под Его влиянием, для них Закон не может быть неудобным или мешающим, и этот вот субъективный настрой, выбор, направленность и есть вера⁵⁸, определяющая, будет ли или не будет воля Бога осуществляться в человеке.

Вот, сегодня я предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло.

Чуть позже это звучит ещё раз:

Во свидетели перед вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, чтобы жил ты и потомство твоё.

Само собой добро не приходит, нужен выбор, нужно, чтобы оно было или стало целью че-ловека, должен произойти выбор к добру. Для другого же пути необязательно выбирать зло, до-статочно проигнорировать этот выбор, хотя любой конкретный поступок происходит с санкции

---

57 Втор.30,11-14

58 Здесь описана одна из сторон веры. Разумеется, есть и другая сторона, когда требуется быть уверенным в существовании Бога, и это многими воспринимается как главный признак религиозной веры, но это лишь начало.

воли и регистрации у совести (почему все ответственны за свои поступки). Разумеется, я говорю не о повседневной жизни, добро достаточно естественно для семьи и близкого окружения при хорошем воспитании, но всё же для того, чтобы войти в Жизнь, нужна сознательная направленность к этому. В жизни людей добро слишком перемешано с той или иной степенью неправды и даже зла – это состояние, в котором человек отделён от Бога, не является причастником божественного мира, в нём присутствуют семена будущих проблем, даже если их не видно сейчас бездуховному взгляду.

Его вдохновение набирало обороты, и он использует его, чтобы запечатлеть эти моменты в душах людей, чтобы они "выбрали жизнь". Многие из тех, кто читали потом эти книги, делали это. Его слова, подкреплённые влиянием Духа, приносили свои плоды, в Израиле сохранялись те, кто "не склонял колени перед Ваалом, чьи губы не целовали его". Благодаря таким людям значение Израиля не потерялось и народ этот не исчез с лица земли, и планы Бога смогли в той или иной мере осуществиться.

Прощание и посвящение Иисуса Навина в вождя

Моисей в речи к народу сказал, что ему уже сто двадцать лет, что он не может водить их как прежде, хотя после о нём будет написано, что его сила не ослабела и состояние его здоровья было отличным. В принципе, Моисей ощущал некоторые признаки ослабления, но это скорее от его личного настроения, появившегося после приговора, что он не войдёт в Ханаан. Появилось некоторое уныние и желание жить ввиду близкой смерти ослабело. Лишь этим вызван упадок его самых последних дней, хотя со стороны вряд ли кто мог сказать, что Моисей устал или ослаб. Поэтому Иисус Навин и дописал во Второзаконии, что силы Моисея не уменьшились в столь почтённом возрасте.

Он в глазах народа поставил Иисуса Навина своим преемником, благословил, возложив руки на его голову, передавая свои полномочия и обратил к нему торжественную речь, наставляя быть твёрдым и мужественным, без чего могло сорваться много планов и судьба народа была бы печальной. Впрочем, преемнику уже не приходилось иметь дело с непризнанием или придираками, то поколение осталось лежать в пустыне, новое же имело иной настрой, тем более земля, обещанная их отцам, ожидала их и от неё их отделяли считанные дни. Тут даже ушедшие скандалисты наверное не могли бы придираиться к несбывшимся обещаниям, все жили в преддверии исполнения многих обещаний. О невозможности завоевать силой Ханаан также никто уже не мог говорить, как некогда в Кадесе, потому что они без проблем справились с двумя царствами на восточном берегу Иордана, которые были, пожалуй, посильнее многих хананейских племён.

То, что Моисей говорил к людям, он также записал в "книгу Закона", содержащую в себе законы, уставы и историю до последних событий, передал священникам и князьям, сказав хранить её, а также читать её вслух всего народа раз в семь лет, по субботним годам, на празднике Кущей, чтобы люди освежали свои познания о должной жизни и характере, ожидавшихся от них.

Моисею в какой-то момент этих последних пары дней Бог сказал, что его дни заканчиваются. Оставалась задача придать авторитета его преемнику, нужно было возвысить Иисуса Навина, и Бог также принял участие в этой процедуре, добавив кроме Моисеевого авторитета ещё и Своего. Бог призвал их обоих к храму и там, явившись лично в виде привычного облачного столба, лично говорил к нему, делая Иисуса также причастником Моисеевой славы как вождя, руководимого Богом. Бог уверил Его в любой нужной помощи, от него лишь требовалось твёрдость, решимость идти нужной дорогой и ещё он обязан был учиться, учиться и учиться из оставленных Моисеем книг с историей и законами. Изучая эти источники, вникая в тонкости, он приобретал и

способность выполнить своё дело и призвание успешно. После наставлений к Иисусу Бог также говорил о проблемах будущего, о проблемах с этим народом. Иисус Навин из этого разговора обретал более полное видение того, с чем ему придётся иметь дело на своём посту. Бог рассказал им, что история Израился будет довольно неприглядной, что евреи не будут верны своему призванию. В ответ на это гнев Бога разгорится и народ будет рассеян и тяжело наказан. О дальнейших планах Бог здесь не говорил, но сказал Моисею сложить из последних откровений песню, которой нужно было научить всех, так чтобы в ней люди имели предупреждение, которое трудно забыть. Песни, особенно красивые, сами просятся на язык, и иной раз даже неприятный кому-то текст не помеха этому. Моисей сделал это, в следующей главе он на высшем взлёте своей души изложил её текст перед всеми, и с тех пор её грозные слова также получили название "песнь Моисея". Иисус Навин и здесь был вместе с Моисеем, они вдвоём произносили её.

Её текст не привожу здесь из-за размера, все могут прочитать её в самой Библии. Она не история о бывшем, это история будущего, и почти вся она о печальном. Последние её слова наполнены торжеством, хотя в ней не показано явным образом обращение и исправление Израиля. Говориться лишь о суде, который будет не наказывать, а оправдывать и защищать, что и указывает на то, что люди станут другими, не теми, которые вызывали гнев, и о возмездии врагам, а также о призыве всем народам веселиться вместе с Израилем. Это предвестники Евангелия и большого примирения в будущем.

Смерть Моисея

После пророческой песни, переданной Израилю, Моисей получил распоряжение взойти на гору Нево, откуда Бог собирался показать ему ту землю, в которой он так и не побывал, куда вёл свой народ. Он понимал, что это будет его последний путь, и с этой горы он не вернётся, что сам Бог и подтвердил. Не думаю, что это воспринималось им как угроза ему, он видел точно такую же смерть брата и не страшился. Думаю, такой кончины никто бы из людей не боялся, разве что если бы она обрывала планы и мечты, о подобном всякий человек скрыто или явно мечтает, чтобы уйти без боли и мучений, когда придёт время. Желания и мечты Моисей имел, энергии в нём было более чем достаточно, несмотря на двадцатилетний возраст, для его праотцов этот возраст был вовсе не предельным. Не соверши он роковой ошибки в Кадесе, впереди у него могло бы быть лет тридцать или шестьдесят, если не сотни, с его повышенной светящейся энергетикой. Лишь ощущение вины за несдержанность отягощало его чувства в этот последний день его жизни. Формально это была казнь, но здесь не было топора или меча, его ожидал, как и Аарона, всего лишь сон, разве что более крепкий, чем обычно. Не зря, не зря Валаам восклицал в экстазе "да будет моя кончина как их".

Однако прежде чем отправиться в последний поход, Моисей имел что сказать ещё. Он передал то, что сказал Бог, однако же за время, сколько ему пришлось иметь дело с этим народом, с которым он связал себя, отвергнув блестящие перспективы царского дворца в Египте, у него набрались и свои личные впечатления о Израиле. Всякий патриарх при своём уходе имел благословение для своих наследников, и Моисей, хотя и не был главой какого-либо рода в Израиле, по масштабу был может быть больше всех их, вместе взятых, и у него были слова благословения для каждого племени. Он не мог уйти, не выразив всего, что накопилось у него на душе. И это были в основном добрые слова, совсем не то накопилось у него, что накопилось бы у кого другого с меньшим терпением и нравственным багажом. Поэтому он ещё раз обратился к народу, уже с личным прощальным словом и наставлением. Он и от себя постарался дать нечто, что служило бы этим людям во благо, чтобы рассеять тот надвигающийся мрак из видения Авраама при жертве и из только недавно озвученной песни. И ещё раз в этот день зазвучал высокий слог, вдохновенная поэзия, благословение Моисея на Израиль. Когда Иаков благословлял своих детей, он не пожалел там, где это требовалось, горьких слов, указывающих на недостатки, однако Мои-

сей использует лишь позитивные образы, ни один из родов Израиля не получил порицания. Всё плохое он уже выразил в предыдущей песне, хотя она не его, слова для неё дал Бог, и теперь, пытаясь как бы компенсировать тяжёлое впечатление предостережения, тем более пришедшее всё таки через него, он хочет вдохновить, поддержать, ободрить, ведь сегодняшние его слушатели к будущим отступлениям и неверности имеют не самое прямое отношение. Ругать сегодняшнее поколение за неверность далёких потомков или предков как-то не выглядит справедливым, поэтому Моисей делает всё, чтобы его предыдущая песня не произвела разочаровывающего эффекта, ибо в этом случае она вместо лечения ухудшила бы состояние пациента.

После этого Моисей, не беря с собой ничего, направился к указанной ему горе Нево⁵⁹. Там его ожидала не только могила, но Бог говорил с ним там и показал ему, похоже, не через видение, а с помощью каких-то эффектов или инструментов, практически всю ту землю, куда он должен был привести свой народ. Он долго рассматривал горы, холмы и долины Ханаана, и мог видеть даже побережье и воды Средиземного моря. Долгое время он ходил по пустынным местам, и сейчас весенний расцвет, пышная зелень, радовали глаз. Он отдыхал сейчас, все его дела были окончены, и лишь один момент мог отягчать душу – его несдержанность, тем более непростительная после многих лет совершенного самообладания, из-за чего он оказался лишён возможности довести дело до конца лично. Не то, чтобы он был абсолютно бесстрастен, нет, он выражал немало эмоций, когда видел неблагодарность и придиричивость от многих, но он не позволял себе несправедливости. Он не скрывал нарушения от своей совести, не оправдывал себя ничем, как люди часто в подобных условиях винят окружающих, что "довели" их до падения, что "надело" или "достали". Там, где человек не скрывает преступления, не покрывает его благовидными оправданиями и признаёт свою вину, Бог прощает. Израиль уже немало лет имел наглядное служение оправдания в принесении жертвы за грех, и Моисей сделал всё, что в его ситуации было нужно, чтобы очиститься, чтобы быть снова невинным перед Богом. Поэтому им владел совершенный покой, он выкопал могилу для себя, куда его должны были похоронить служащие Богу пришельцы с небес. Не знаю, вряд ли Иисус Навин или кто-либо ещё сопровождали его в этот путь, хотя в принципе могло быть и так. В общем, некто похоронил Моисея после того, как он заснул, чтобы проснуться при трубе Архангела, в конце времён (как он думал). Могила не была отмечена ничем, впоследствии израильтяне пытались найти место захоронения своего вождя, но не смогли найти ничего.

Впрочем, не только по причине отсутствия знаков они не могли обнаружить его могилы... Тут стоит вспомнить, что на горе Преображения со Христом разговаривали двое, Илия и Моисей. Илия был забран на небо живым, и неудивительно, что он находился в своём теле, а не бесплотным духом присутствовал там. В Писаниях Ветхого Завета о бессмертии души найти практически ничего невозможно, в них всё против этой теории, пришедшей из язычества, да и то не сразу. Моисей также не выглядел бесплотным, с Илиёй он выглядит совершенно одинаково, то есть он тоже в том же телесном виде. То есть в той могиле, где был похоронен Моисей, его давно уже нет. В новозаветном послании Иуды содержится весьма любопытная история, проливающая свет на это дело. Там говорится, что к телу Моисея пришли двое, и один из них возражал другому. Разговор тот шёл именно о теле Моисея, лежащем в той могиле. О чём мог быть тот спор между дьяволом и архангелом Михаилом? Дьяволу тело Моисея было ни к чему, все тела умерших лежат в своих могилах независимо от того, кому они служили или по чьим правилам жили, ожидая своего времени, когда "небо и земля закончатся". Между светом и тьмой война идёт за живых. Но то, что Моисей жив и живёт на небе с Илиёй, показывает, что он был воскрешён и забран туда. Именно поэтому приходил Михаил к могиле Моисея, другого момента для его оживления мы не видим. И именно этому дьявол пытался помешать, по крайней мере возразить. Он

---

59 Довольно часто в Библии географические объекты имеют два имени, и эта вершина называется также и Фасга.

считал Моисея своим пленником, потому что тот умер как раз оттого, что поддался его внушению у скалы в Кадесе, сорвав этим планы Бога. Бог Сам не допустил Моисея вести народ дальше, и это было как будто знаком, что Моисей потерял благоволение Всевышнего. На этом и строились его возражения. Но, как пишет Иуда, Михаил не стал слушать эти претензии, как не стал и спорить, возразив лишь, что его слова не имеют под собой ничего стоящего. "Да запретит тебе Сущий" – так ответил он дьяволу, кричащему о грабеже принадлежащего ему имущества. Лукавый особо не рассчитывал на успех, ему важно было всего лишь высказать вслух свою претензию, заявить о нарушении своих прав, навести тень, как он и действует до сих пор в своих последователях, сознательных и бессознательных. Так что Михаил воскресил Моисея и забрал его с Собой в небеса, где к тому времени уже находился Енох.

Сам факт, что Михаил приходил за Моисеем и воскресил его, показывает, что имя⁶⁰ и должность этого существа превосходят ангельские. Эта фигура скрывает в себе личность того, Кто став поручителем оступившегося человека, в некоторой степени попал под риск заражения той же болезнью (то, что Он бог, вряд ли гарантирует невозможность падения, риск существовал, потому что Он шёл через детство, определённую несознательность и незнание Своей прежней жизни и бытия, при этом находясь в зависимости от воспитания в детстве и влияния окружения), и ввиду этого то ли утратившего на время, то ли добровольно урезавшего Себе часть функций, которые были у Него прежде. Сын Бога, создававший наш мир и нас Своими руками, и как раз по этой причине не желавший терять для Себя или допускать страдания и гибель созданного Им мира, после понижения Себя в должностях, стал наравне со многими другими старшими должностными лицами во вселенской империи, если можно называть так "царство Бога". Поэтому мы обнаруживаем в некоторых местах Сына Бога не тем всемогущим Творцом, кем Он является по факту, а кем-то пониже, равным среди равных. В дальнейшем Его ожидает возвышение даже выше прежнего, об этом говорится в Библии также, но это дело неблизкого будущего. В этом состоянии Его застают некоторые богословы и делают вывод о том, что Сын Бога вовсе не Бог, а некое сотворённое существо, наделённое частично божественными свойствами. Но здесь я считаю их неправыми, Иоанн в первых стихах своего евангелия говорит о Слове как о Боге, поставив Его вообще первым в своём перечислении, таким образом восстанавливая Его статус. Изначальный, бывший с Богом вместе одинаково и наравне прежде времён сотворённых миров и вообще Творения, существующий отдельно от Отца, но некогда, когда-то "вначале" бывший одно с Ним, и внутренне так и остающийся с Ним в том же единстве.

Израиль, утратив Моисея, оплакивал его целый месяц. Столь близкого к Богу, столь сильного вождя, сделавшего столько знаменательных вещей, больше в истории не было. И, кажется, лишь теперь люди поняли, сколько они потеряли. Правда, Иисус Навин, преемник Моисея, получил некие дары после того, как Моисей возложил на него руки, став более сильным и способным к большему, чем прежде. Он пишет, что "наполнился духом премудрости" от этого. Израиль оценил это и слушался его так, как не слушался Моисея.

Больше ничто не держало их на восточном берегу Иордана, и вот наконец и Бог дал команду переправляться в их землю.

---

60 Михаил трудно перевести иначе, чем "Кто как Бог".